

Джордж Гордон Байрон
Паломничество Чайльд-Гарольда

Художник А. Амирханов

GEORGE GORDON
BYRON

Childe Harold's Pilgrimage

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

Паломничество Чайльд-Гарольда

ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА

L'univers est une espèce de livre, dont on n'a lu que la première page quand on n'a vu que son pays. J'en ai feuilleté un assez grand nombre, que j'ai trouvé également mauvaises. Get examen ne m'a point été infructueux. Je haïssais ma patrie. Toutes les impertinences des peuples divers, parmi lesquels j'ai vécu, m'ont réconcilié avec elle. Quand je n'aurais tiré d'autre bénéfice de mes voyages que celui-là, je n'en regretterais ni les frais ni les fatigues.

Le Cosmopolite¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Мир подобен книге, и тот, кто знает только свою страну, прочитал в ней лишь первую страницу. Я же перелистал их довольно много и все нашел одинаково плохими. Этот опыт не прошел для меня бесследно. Я ненавидел свое отечество. Варварство других народов, среди которых я жил, примирило меня с ним. Пусть это было бы единственной пользой, извлеченной мною из моих путешествий, я и тогда не пожалел бы ни о понесенных расходах, ни о дорожной усталости. *Космополит (франц.)*.

В качестве эпиграфа к песням первой и второй поэмы Байрон взял вступительные строки из книги французского писателя и путешественника Фужере де Монброна (?-1761) «Космополит, или Гражданин мира», Лондон, 1753.

(к песням первой и второй)

Большая часть этой поэмы была написана в тех местах, где происходит ее действие. Она была начата в Албании, а те части, которые относятся к Испании и Португалии, основаны на личных наблюдениях автора в этих странах. Я упоминаю об этом как о ручательстве за верность описаний. Сцены и пейзажи, набросанные здесь автором, рисуют Испанию, Португалию, Эпир, Акарнанию² и Грецию. На этом поэма покуда остановилась. Осмелится ли автор повести читателя по Ионии и Фригии³ в столицу Востока,⁴ зависит от того, как будет принято его творение. Эти две песни — не более чем проба.

Вымышленный герой был введен в поэму с целью связать ее отдельные части: это, однако, не означает, что автор не намерен допускать отступления. Друзья, мнение которых я высоко ценю, предостерегали меня, считая, что кое-кто может заподозрить, будто в этом вымышленном характере Чайльд-Гарольда я изобразил реально существующую личность. Такое подозрение я позволю себе отвергнуть раз и навсегда. Гарольд — дитя воображенья, созданное мною только ради упомянутой цели. Некоторые совсем несущественные и чисто индивидуальные черты, конечно, могут дать основание для таких предположений. Но главное в нем, я надеюсь, никаких подозрений не вызовет.

Излишне, может быть, говорить, что титул «Чайльд»⁵ (вспомним Чайльд-Уотерс, Чайльд-Чайльдерс и т. п.) был мною выбран как наиболее сообразный со старинной формой стихосложения.

«Прости, прости!» в начале первой песни навеяно «Прощанием лорда Максвелла» в «Пограничных песнях», изданных м-ром Скоттом.⁶

В первой части, где речь идет о Пиренейском полуострове, можно усмотреть некоторое сходство с различными стихотворениями, темой которых является Испания;⁷ но это только случайность, потому что, за исключением нескольких конечных строф, вся эта песнь была написана в Леванте.

Спенсера строфа,⁸ принадлежащая одному из наших наиболее прославленных поэтов, допускает огромное разнообразие. Д-р Битти⁹ говорит об этом: «Недавно я начал

² Эпир, Акарнания — западная часть Греции.

³ Иония, Фригия — в Древней Греции западная и северо-западная области Малой Азии.

⁴ *Столица Востока.* — Байрон имеет в виду столицу Османской империи г. Стамбул.

⁵ Чайльд — род титула для молодого английского дворянина, готовившегося к посвящению в рыцари (XIII–XIV вв.).

⁶ «Прости, прости!» — В начале первой песни навеяно «Прощанием лорда Максвелла» в «Пограничных песнях», изданных м-ром Скоттом. — Имеется в виду сборник народных баллад: «Песни пограничной Шотландии». Герой одной из баллад — лорд Джон Максвелл отомстил за гибель своего отца, за что был осужден на изгнание. Покидая родину, он спел прощальную песню, которая послужила Байрону образцом.

⁷ ...некоторое сходство с различными стихотворениями, темой которых является Испания... — Байрон имеет в виду, в частности, поэму Вальтера Скотта «Видение дона Родерика», опубликованную в 1811 г.

⁸ Спенсера строфа — строфа в девять строк, впервые введенная великим английским поэтом Возрождения Эдмундом Спенсером (1552–1599).

⁹ Битти — английский поэт Джеймс Битти (1735–1803). -Его неоконченная поэма «Менестрель» написана спенсеровой строфой.

поэму в стиле Спенсера, его строфой. Я хочу в ней дать полный простор моим склонностям и сделать ее то шутовой, то возвышенной, то описательной, то сентиментальной, нежной или сатирической — как подскажет настроение. Если не ошибаюсь, размер, выбранный мной, в одинаковой степени допускает все эти композиционные ходы...»

Опираясь на такие авторитеты и на пример многих выдающихся итальянских поэтов, я не стану оправдываться в том, что мое сочинение построено на таких же сменах и переходах. Если мои стихи не будут иметь успеха, я буду удовлетворен сознанием, что причина этой неудачи кроется только в исполнении, но не в замысле, освященном именами Ариосто,¹⁰ Томсона¹¹ и Битти.

Лондон, февраль 1812

ДОПОЛНЕНИЕ К ПРЕДИСЛОВИЮ¹²

Я ждал, пока наши периодические листки не израсходуют свою обычную порцию критики.¹³ Против справедливости этой критики в целом я ничего не могу возразить; мне не пристало оспаривать ее легкие порицания, и возможно, что, будь она менее доброй, она была бы более искренней. Но, выражая всем критикам и каждому в отдельности свою благодарность за их терпимость, я должен все-таки высказать свои замечания по одному только поводу. Среди многих справедливых упреков, которые вызвал характер моего «странствующего рыцаря» (я все-таки, несмотря на многочисленные признаки обратного, утверждаю, что это характер вымышленный), высказывалось мнение, что он, не говоря уже об анахронизмах, ведет себя очень нерыцарственно, между тем как времена рыцарства — это времена любви, чести и т. п. Но теперь уже известно, что доброе старое время, когда процветала «любовь добрых старых времен, старинная любовь», было как раз наиболее развратным из всех возможных эпох истории. Те, кто сомневается в этом, могут справиться у Сент-Пале¹⁴ во многих местах, и особенно во второй части (стр. 69). Обеты рыцарства исполнялись не лучше, чем все другие обеты, а песни трубадуров были не менее непристойны и, уж во всяком случае, менее изысканны, чем песни Овидия. В «Судах любви»,¹⁵ «Беседах о любви, учтивости и любезности» гораздо больше занимались любовью, чем учтивостью и любезностью. Смотри об этом Роллана¹⁶ и Сент-Пале.

Какие бы возражения ни вызывал в высшей степени непривлекательный характер Чайльд-Гарольда, он был, во всяком случае, настоящим рыцарем — «не трактирным слугой,

¹⁰ ...освященном именами Ариосто... — Байрон говорит о великом итальянском поэте Лодовико Ариосто (1474–1533) и его поэме «Неистовый Роланд».

¹¹ Томсон Джеймс (1700–1748) — английский поэт; его поэма «Замок праздности» написана спенсеровой строфой.

¹² Дополнение к предисловию впервые опубликовано в четвертом издании поэмы, в сентябре 1812 г.

¹³ ...обычную порцию критики. — Основное обвинение критиков сводилось к тому, что Байрон высказал в поэме «нерыцарственное отвращение к войне».

¹⁴ Сент-Пале — Ла Кюрн де Сент-Пале, автор книги «Записки о старинном рыцарстве», изданной в Париже в 1781 г.

¹⁵ «Суды любви» — средневековые ассамблеи рыцарей и дам, на которых обсуждались и утверждались правила галантного поведения.

¹⁶ Роллан д'Эрсевиль — автор книги «Разыскания о правах дам при судах любви», Париж, 1787.

а тамплиером». ¹⁷ Между прочим, я подозреваю, что сэр Тристрам и сэр Ланселот были тоже не лучше, чем они могли быть, при том, что это персонажи высокопоэтические и настоящие рыцари «без страха», хотя и не «без упрека». Если история установления «Ордена Подвязки» ¹⁸ не вымысел, то, значит, рыцари этого ордена уже несколько столетий носят знак графини Сэлисбури, отнюдь не блиставшей доброй славой. Вот правда о рыцарстве. Берку не следовало сожалеть о том, ¹⁹ что времена рыцарства прошли, хотя Мария-Антуанетта ²⁰ была так же целомудренна, как и большинство тех, во славу которых ломались копья и рыцарей сбрасывали с коней.

За время от Баярда ²¹ до сэра Джозефа Бенкса, ²² самого целомудренного и знаменитого рыцаря старых и новых времен, мы найдем очень мало исключений из этого правила, и я боюсь, что при некотором углублении в предмет мы перестанем сожалеть об этом чудовищном маскараде средних веков.

Теперь я предоставляю Чайльд-Гарольду продолжать свою жизнь таким, каков он есть. Было бы приятнее и, конечно, легче изобразить более привлекательный характер. Было бы легко притушить его недостатки, заставить его больше делать и меньше говорить, но он предназначался отнюдь не для того, чтобы служить примером. Скорее следовало бы учиться на нем тому, что ранняя развращенность сердца и пренебрежение моралью ведут к пресыщенности прошлыми наслаждениями и разочарованию в новых, и красоты природы, и радость путешествий, и вообще все побуждения, за исключением только честолюбия — самого могущественного из всех, потеряны для души, так созданной, или, вернее, ложно направленной. Если бы я продолжил поэму, образ Чайльда к концу углубился бы, потому что контур, который я хотел заполнить, стал бы, за некоторыми отклонениями, портретом современного Тимона ²³ или принявшего поэтическую форму Зелуко. ²⁴

Лондон, 1813

¹⁷ «не трактирным слугой, а тамплиером». — Байрон приводит реплику из пародии на реакционно-романтическую поэзию «Паломники, или Двойной стговор» Дж. Хукхэма Фрера, одним из героев которой является рыцарь, переодетый по ходу действия в трактирного слугу. Рыцарь-тамплиер — член духовно-рыцарского ордена тамплиеров, или храмовников, основанного в 1119 г. в Иерусалимском королевстве.

¹⁸ Орден Подвязки — орден св. Георгия, учрежденный в 1350 г. королем Эдуардом III для особо узкого круга приближенных (25 кавалеров) во имя «оживления военного духа».

¹⁹ Берку не следовало сожалеть о том... — Байрон имеет в виду «Размышления о революции во Франции» Эдмунда Берка (1729–1797), английского публициста и политического деятеля.

²⁰ Мария-Антуанетта. — С упоминания о встрече с королевой Франции Э. Берк начинает свои «Размышления».

²¹ Баярд Пьер дю Терайль (1476–1524) — французский полководец; с течением времени образ Баярда утратил свои реальные черты, воплотив в себе отвлеченный идеал рыцаря.

²² Сэр Джозеф Бенкс. — Байрон говорит о тех фрагментах из книги «Путешествие Хоксворта, составленное на основании судовых журналов нескольких капитанов и записок Джозефа Бенкса» (1773), которые посвящены королеве Таити.

²³ Современный Тимон. — Тимон Афинский жил в V в. до н. э., в годы Пелопоннесской войны. Междоусобные распри, войны и упадок нравственности превратили его в человеконенавистника, поселившегося в доме-башне.

²⁴ Зелуко — ожесточенный и нравственно опустошенный герой одноименного романа английского писателя Джона Мура (1729–1802).

ИАНТЕ²⁵

Ни в землях, где бродил я пилигримом,
Где несравненны чары красоты,
Ни в том, что сердцу горестно любимым
Осталось от несбывшейся мечты,
Нет образа прекраснее, чем ты,
Ни наяву, ни в снах воображенья.
Для видевших прекрасные черты
Бессильны будут все изображенья,
А для невидевших — найду ли выраженья?

Будь до конца такой! Не измени
Весне своей, для счастья расцветая.
И красоту и прелесть сохрани —
Все, что Надежда видит в розах мая.
Любовь без крыльев! Чистота святая!
Хранительнице юности твоей,
Все лучезарней с каждым днем блистая,
Будь исцеленьем от земных скорбей,
Прекрасной радугой ее грядущих дней.

Я счастлив, пери Запада, что вдвое
Тебя я старше, что могу мечтать,
Бесстрастно глядя на лицо такое,
Что суждена мне жизнью благодать
Не видеть, как ты будешь увядать,
Что я счастливей юношей докучных,
Которым скоро по тебе страдать,
И мне не изливаться в рифмах звучных,
Чтобы спастись от мук, с любовью неразлучных.

О, влажный взор газели молодой,
То ласковый, то пламенный и страстный,
Всегда влекущий дикой красотой,
Моим стихам ответь улыбкой ясной,
Которой ждал бы я в тоске напрасной,
Когда бы дружбы преступил порог.
И у певца не спрашивай, безгласный,
Зачем, отдав ребенку столько строк,
Я чистой лилией украсил свой венок.

²⁵ Посвящение было впервые опубликовано в седьмом издании поэмы в феврале 1814 года. Адресовано одиннадцатилетней дочери графа Эдуарда Оксфорда Шарлотте Мэри Харли.

Ианта — имя, означающее цветок нарцисса.

В автографе песней первой и второй поэмы помечено: «Байрон — Янина в Албании. Начал 31 октября 1809 г. Закончил, Песнь 2-я, Смирна, 28 марта, 1810. Байрон».

Вошла ты в песню именем своим,
И друг, страницы «Чайльда» пробегая,
Ианту первой встретив перед ним,
Тебя забыть не сможет, дорогая.
Когда ж мой век исчислит парка злая,
Коснись тех струн, что пели твой расцвет,
Хвалу тебе, красавица, слагая.
Надежде большим твой не льстит поэт.
А меньшего, дитя, в устах у Дружбы нет.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

Не ты ль слыла небесной в древнем мире,
О Муза, дочь Поэзии земной,
И не тебя ль бесчестили на лире
Все рифмачи преступною рукой!
Да не посмею твой смутить покой!
Хоть был я в Дельфах,²⁶ слушал, как в пустыне
Твой ключ звенит серебряной волной,
Простой рассказ мой начиная ныне,
Я не дерзну взывать о помощи к богине.

2

²⁶ Дельфы — древнегреческий город в Фокиде (Средняя Греция) у подножия горы Парнас. Дельфийский храм со знаменитым оракулом и священный Кастальский ключ были посвящены Аполлону — богу солнца и покровителю искусств.

Жил в Альбионе юноша. Свой век
Он посвящал лишь развлечениям праздным,
В безумной жажде радостей и нег
Распутством не гнушаясь безобразным,
Душою предан низменным соблазнам,
Но чужд равно и чести и стыду,
Он в мире возлюбил многообразном,
Увы! лишь кратких связей череду
Да собутыльников веселую орду.

3

Он звался Чайльд-Гарольд. Не все равно ли.
Каким он вел блестящим предкам счет!
Хоть и в гражданстве, и на бранном поле
Они снискали славу и почет,
Но осрамит и самый лучший род
Один бездельник, развращенный ленью,
Тут не поможет ворох льстивых од,
И не придашь, хвалясь фамильной сенью,
Пороку — чистоту, невинность — преступленью.

4

Вступая в девятнадцатый свой год,
Как мотылек, резвился он, порхая,
Не помышлял о том, что день пройдет —
И холодом повеет тьма ночная.
Но вдруг, в расцвете жизненного мая,
Заговорило пресыщенье в нем,
Болезнь ума и сердца роковая,
И показалось мерзким все кругом:
Тюрьмою — родина, могилой — отчий дом.

5

Он совести не знал укором строгих
И слепо шел дорогою страстей.
Любил одну — прельщал любовью многих,
Любил — и не назвал ее своей.
И благо ускользнувшей от сетей
Развратника, что, близ жены скучая,
Бежал бы вновь на буйный пир друзей
И, все, что взял приданым, расточая,
Чуждался б радостей супружеского рая.

6

Но в сердце Чайльд глухую боль унес,
И наслаждений жажда в нем остыла,
И часто блеск его внезапных слез
Лишь гордость возмущенная гасила.
Меж тем тоски язвительная сила
Звала покинуть край, где вырос он, —
Чужих небес приветствовать светила;
Он звал печаль, весельем пресыщен,
Готов был в ад бежать, но бросить Альбион

7

И в жажде новых мест Гарольд умчался,
Покинув свой почтенный старый дом,
Что сумрачной громадой возвышался,
Весь почерневший и покрытый мхом.
Назад лет сто он был монастырем,
И ныне там плясали, пели, пили,
Совсем как в оны дни, когда тайком,
Как повествуют нам седые были,
Святые пастыри с красотками кутили.

8

Но часто в блеске, в шуме людных зал
Лицо Гарольда муку выражало.
Отвергнутую страсть он вспоминал
Иль чувствовал вражды смертельной жало —
Ничье живое сердце не узнало.
Ни с кем не вел он дружеских бесед.
Когда смятенье душу омрачало,
В часы раздумий, в дни сердечных бед
Презреньем он встречал сочувственный совет.

9

И в мире был он одинок. Хоть многих
Поил он щедро за столом своим,
Он знал их, прихлебателей убогих,
Друзей на час — он ведал цену им.
И женщинами не был он любим.
Но боже мой, какая не сдается,
Когда мы блеск и роскошь ей сулим!
Так мотылек на яркий свет несется,
И плачет ангел там, где сатана смеется.

10

У Чайльда мать была, но наш герой,
Собравшись бурной ввериться стихии,
Ни с ней не попрощался, ни с сестрой —
Единственной подругой в дни былые.
Ни близкие не знали, ни родные,
Что едет он. Но то не черствость, нет,
Хоть отчий дом он покидал впервые.
Уже он знал, что сердце много лет
Хранит прощальных слез неизгладимый лед.

11

Наследство, дом, поместья родовые,
Прелестных дам, чей смех он так любил,
Чей синий взор, чьи локоны золотые
В нем часто юный пробуждали пыл, —
Здесь даже и святой бы согрешил, —
Вином бесценным полные стаканы —
Все то, чем роскошь радует кутил,
Он променял на ветры и туманы,
На рокот южных волн и варварские страны.

12

Дул свежий бриз, шумели паруса,
Все дальше в море судно уходило,
Бледнела скал прибрежных полоса,
И вскоре их пространство поглотило.
Быть может, сердце Чайльда и грустило,
Что повлеклось в неведомый простор,
Но слез не лил он, не вздыхал уныло,
Как спутники, чей увлажненный взор,
Казалось, обращал к ветрам немой укор.

13

Когда же солнце волн коснулось краем,
Он лютню взял, которой он привык
Вверять все то, чем был обуреваем
Равно и в горький и в счастливый миг,
И на струнах отзывчивых возник
Протяжный звук, как сердца стон печальный,
И Чайльд запел, а белокрылый бриг
Летел туда, где ждал их берег дальний,
И в шуме темных волн тонул напев прощальный.

«Прости, прости! Все крепнет шквал,

Все выше вал встает,
И берег Англии пропал
Среди кипящих вод.
Плывем на Запад, солнцу вслед,
Покинув отчий край.
Прощай до завтра, солнца свет,
Британия, прощай!

Промчится ночь, оно взойдет
Сиять другому дню,
Увижу море, небосвод,
Но не страну мою.
Погас очаг мой, пуст мой док,
И двор травой зарос.
Мертво и глухо все кругом,
Лишь воет старый пес.

Мой паж, мой мальчик, что с тобой?
Я слышал твой упрек.
Иль так напуган ты грозой,
Иль на ветру продрог?
Мой бриг надежный крепко сшит,
Ненужных слез не лей.
Быстрейший сокол не летит
Смелей и веселей».

«Пусть воет шквал, бурлит вода,
Грохочет в небе гром, —
Сэр Чайльд, все это не беда,
Я плачу о другом.
Отца и мать на долгий срок
Вчера покинул я,
И на земле лишь вы да бог
Теперь мои друзья.

Отец молитву произнес
И отпустил меня,
Но знаю, мать без горьких слез
Не проведет и дня».
«Мой паж, дурные мысли прочь,
Разлуки минет срок!
Я сам бы плакал в эту ночь,
Когда б я плакать мог.

Мой латник верный, что с тобой?
Ты мертвеца бледней.

Предвидишь ты с французом бой,²⁷
Продрог ли до костей?»
«Сэр Чайльд, привык я слышать гром
И не бледнеть в бою,
Но я покинул милый дом,
Любимую семью.

Где замок ваш у синих вод,
Там и моя страна.
Там сын отца напрасно ждет
И слезы льет жена».
«Ты прав, мой верный друг, ты прав,
Понятна скорбь твоя,
Но у меня беспечный нрав,
Смеюсь над горем я.

Я знаю, слезы женщин — вздор,
В них постоянства нет.
Другой придет, пленит их взор,
И слез пропал и след.
Мне ничего не жаль в былом,
Не страшен бурный путь,
Но жаль, что, бросив отчий дом,
Мне не о ком вздохнуть.

Вверяюсь ветру и волне,
Я в мире одинок.
Кто может вспомнить обо мне,
Кого б я вспомнить мог?
Мой пес поплачет день, другой,
Разбудит воем тьму
И станет первому слугой,
Кто бросит кость ему.

Наперекор грозе и мгле
В дорогу, рулевой!
Веди корабль к любой земле,
Но только не к родной!
Привет, привет, морской простор,
И вам — в конце пути —
Привет, леса, пустыни гор!
Британия, прости!»

²⁷ *Предвидишь ты с французом бой...* — В условиях войны между Англией и наполеоновской Францией бриг, на котором Чайльд-Гарольд отправился в свое паломничество, мог подвергнуться нападению судов французского военного флота.

14

Плывет корабль унылых вод равниной.
Шумит Бискайи пасмурный залив.
На пятый день из волн крутой вершиной,
Усталых и печальных ободрив,
Роскошной Синтры²⁸ горный встал массив.
Вот, моря данник, меж холмов покатых
Струится Тахо, быстр и говорлив,
Они плывут меж берегов богатых,
Где волнам вторит шум хлебов, увы, несжатых.

15

Неизъяснимой полон красоты
Весь этот край, обильный и счастливый.
В восторге смотришь на луга, цветы,
На тучный скот, на пастбища, и нивы,
И берега, и синих рек извивы,
Но в эту землю вторглись палачи,²⁹ —
Срази, о небо, род их нечестивый!
Все молнии, все громы ополчи,
Избавь эдем земной от галльской саранчи!

16

Чудесен Лиссабон, когда впервые
Из тех глубин встает пред нами он,
Где виделись поэтам золотые
Пески, где, Луза³⁰ охраняя трен,
Надменный флот свой держит Альбион —
Для той страны, где чванство нормой стало
И возвело невежество в закон,
Но лижет руку, пред которой пала
Незыблемая мощь воинственного галла.

²⁸ Синтра — невысокий горный хребет Серра-да-Синтра в Португалии в пятнадцати милях к северо-западу от Лиссабона.

²⁹ ...в эту землю вторглись палачи... — На основании секретного договора между Испанией и наполеоновской Францией (октябрь 1807 г.) о завоевании и разделе Португалии наполеоновские войска через территорию Испании вторглись в Португалию. Английское правительство также направило туда свои войска в августе 1808 г. Англия стала на защиту феодальных порядков и поддерживала феодально-клерикальные силы, подавлявшие революционное движение в стране.

³⁰ Луз — мифический король древней Лузитании, находившейся в западной части Пиренейского полуострова.

17

К несчастью, город, столь пленивший нас,
Вблизи теряет прелесть невозвратно.
Он душит вонью, оскорбляет глаз,
Все черное, на всем подтеки, пятна,
И знать и плебс грязны невероятно.
Любое, пусть роскошное, жилье,
Как вся страна, нечисто, неопрятно.
И — напади чесотка на нее —
Не станут мыться здесь или менять белье.

18

Презренные рабы! Зачем судьба им
Прекраснейшую землю отдала —
Сиерру, Синтру, прозванную раем,
Где нет красотам меры и числа.
О, чье перо и чья бы кисть могла
Изобразить величественный форум —
Все то, что здесь Природа создала,
Сумев затмить Элизий, над которым
Завесы поднял бард³¹ пред нашим смертным взором.

19

В тени дубрав, на склонах темных круч
Монастырей заброшенных руины,
От зноя бурый мох, шумящий ключ
В зеленой мгле бессолнечной лощины.
Лазури яркой чистые глубины,
На зелени оттенок золотой,
Потоки, с гор бегущие в долины,
Лоза на взгорье, ива над водой —
Так, Синтра, ты манишь волшебной пестротой.

20

Крутая тропка кружит и петлит,
И путник, останавливаясь чаще,
Любуется: какой чудесный вид!
Но вот обитель Матери Скорбящей,
Где вам монах, реликвии хранящий,
Расскажет сказки, что народ сложил:
Здесь нечестивца гром настиг разящий,

³¹ ...Элизий, над которым // Завесы поднял бард... — В шестой книге поэмы Вергилия (70–19 гг. до н. э.) «Энеида» описано посещение Энеем подземного царства и царства теней — Элизия.

А там, в пещере, сам Гонорий жил
И сделал адом жизнь, чем рая заслужил.

21

Но посмотри, на склонах, близ дороги,
Стоят кресты. Заботливой рукой
Не в час молитв, не в помыслах о боге
Воздвигли их. Насилье и разбой
На этот край набег свершили свой,
Земля внимала жертв предсмертным стонам,
И вопиют о крови пролитой
Кресты под равнодушным небосклоном,
Где мирный труженик не огражден законом.

22

На пышный дол глядят с крутых холмов
Руины, о былом напоминая.
Где был князей гостеприимный кров,
Там ныне камни и трава густая.
Вон замок тот, где жил правитель края,
И ты, кто был так сказочно богат,
Ты, Ватек,³² создал здесь подобье рая,
Не ведая средь царственных палат,
Что все богатства — тлен и мира не сулят.

23

Ты свой дворец воздвигнул здесь в долине
Для радостей, для нег и красоты,
Но запустеньем все сменилось ныне,
Бурьян раскинул дикие кусты,
И твой эдем, он одинок, как ты.
Обрушен свод, остались только стены,
Как памятники брэнной суеты.
Не все ль услады бытия мгновенны!
Так на волне блеснет — и тает сгусток пены.

24

А в этом замке был совет вождей,³³

³² Ватек. — Именем халифа Ватека — героя повести «Ватек. Арабская сказка» Байрон называет автора этой повести Уильяма Бекфорда (1760–1844), баснословно богатого английского аристократа, который в 1794–1796 гг. жил в Португалии в роскошном замке, позже совершенно заброшенном.

³³ ...в этом замке был совет вождей... — Текст Синтрской конвенции, заключенной 30 августа 1808 г.

Он ненавистен гордым англичанам.
Здесь карлик-шут, пустейший из чертей,³⁴
В пергаментном плаще, с лицом шафранным,
Британцев дразнит смехом непрерывным.
Он держит черный свиток и печать,
И надписи на этом свитке странном,
И рыцарских имен десятков пять,
А бес не устает, дивясь им, хохотать.

25

Тот бес, дразнящий рыцарскую клику, —
Конвенция, на ней споткнулся бритт.³⁵
Ум (если был он), сбитый с панталыку,
Здесь превратил триумф народа в стыд;
Победы цвет Невежеством убит,
Что отдал Меч, то Речь вернула вскоре,
И лавры Лузитания растит
Не для таких вождей, как наши тори.
Не побежденным здесь, а победившим горе!³⁶

26

С тех пор как был британцу дан урок,
В нем слово «Синтра» гнев бессильный будит.
Парламент наш краснел бы, если б мог,
Потомство нас безжалостно осудит.
Да и любой народ смеяться будет
Над тем, как был сильнейший посрамлен.
Враг побежден, но это мир забудет,
А вырвавший победу Альбион
Навек презрением всех наций заклемен.

между представителями английского и французского командования в Португалии, не был подписан, как ошибочно предполагал Байрон, в замке Марьяльва в Синтре, а лишь отправлен оттуда.

³⁴ ...карлик-шут, пустейший из чертей... — зрительный поэтический образ, дающий представление не только о внешнем виде дипломатического документа (пергаментный свиток), но и о неожиданном, почти шутовском характере условий, содержащихся в Синтрской конвенции.

³⁵ Конвенция, на ней споткнулся бритт. — По условиям Синтрской конвенции, французской армии, побежденной 21 августа 1808 г. в битве при Вимиере, было предоставлено право эвакуировать свои войска из Португалии на английских судах. Подписание Конвенции на этих условиях вызвало в Англии резкую критику политики торийского правительства со стороны оппозиционных кругов.

³⁶ Не побежденным здесь, а победившим горе! — Байрон не учел, что быстрее освобождение территории Португалии от армии наполеоновской Франции укрепило стратегические позиции Англии на континенте и в Средиземном море.

27

И, полный смуты, все вперед, вперед
Меж горных круч угрюмый Чайльд стремится.
Он рад уйти, бежать от всех забот,
Он рвется вдаль, неумоим, как птица.
Иль совесть в нем впервые шевелится?
Да, он клянет пороки буйных лет,
Он юности растраченной стыдится,
Ее безумств и призрачных побед,
И все мрачнее взор, узревший Правды свет.

28

Коня! Коня! Гонимый бурей снова,
Хотя кругом покой и тишина,
Назло дразнящим призракам бывшего
Он ищет не любовниц, не вина,
Но многие края и племена
Изведает беглец неугомонный,
Пока не станет цель ему ясна,
Пока, остывший, жизнью умудренный,
Он мира не найдет под кровлей благосклонной.

29

Однако вот и Мафра.³⁷ Здесь, бывало,
Жил королевы лузитанской двор.
Сменялись мессы блеском карнавала,
Церковным хором — пиршественный хор.
Всегда с монахом у вельможи спор.
Но эта Вавилонская блудница
Такой дворец воздвигла среди гор,
Что всем хотелось только веселиться,
Простить ей казни, кровь — и в роскоши забыться.

30

Изгибы романтических холмов,
Как сад сплошной — долины с свежей тенью,
(Когда б народ хоть здесь не знал оков!)
Все манит взор, все дышит сладкой ленью.
Но Чайльд спешит отдаться вновь движенью,
Несносному для тех, кто дорожит
Уютным креслом и домашней сенью,
О, воздух горный, где бальзам разлит!

³⁷ Мафра — колоссальных размеров дворец-монастырь близ Синтры.

О, жизнь, которой чужд обрюзгший сибарит!

31

Холмы все реже, местность все ровней,
Бедней поля, и зелень уж другая.
И вот открылась даль пустых степей,
И кажется, им нет конца и края.
Пред ним земля Испании нагая,
Где и пастух привык владеть клинком,
Бесценные стада оберегая.
В соседстве с необузданным врагом
Испанец должен быть солдатом иль рабом.³⁸

32

Но там, где Португалию встречает
Испания, граница не видна.
Соперниц там ни даль не разделяет,
Ни вздыбленной Сиерры³⁹ крутизна,
Не плещет Тахо сильная волна
Перед царицей стран заокеанских,
Не высится Китайская стена,
Нет горной цепи вроде скал гигантских
На рубеже земель французских и испанских.

33

Лишь ручеек бежит невозмутим,
Хоть с двух сторон — враждебные державы.
На посох опершись, стоит над ним
Пастух испанский — гордый, величавый,
Глядит на небо, на ручей, на травы —
И не робеет между двух врагов.
Он изучил своих соседей нравы,
Он знает, что испанец не таков,
Как португальский раб, подлеший из рабов.

34

Но вот, едва рубеж вы перешли,

³⁸ В соседстве с необузданным врагом // Испанец должен быть солдатом иль рабом. — Фактическая оккупация Испании наполеоновской армией вызвала ряд восстаний народных масс в Аранхуэсе, Мадриде, Астурии, Валенсии, которые жестоко подавлялись французскими оккупантами.

³⁹ Сиерра — горный хребет Сьерра-Морена на юге Испании.

Пред вами волны темной Гвадианы,⁴⁰
Не раз воспетой в песнях той земли,
Бурлят и ропщут, гневом обуяны.
Двух вер враждебных там кипели станы,⁴¹
Там сильный пал в неистовой резне,
Там брали верх то шлемы, то тюрбаны,
Роскошный мавр и мних в простой броне
Все обретали смерть в багровой глубине.

35

Романтики воскресшая страна,
Испания, где блеск твоей державы?
Где крест, которым ты была сильна,
Когда предатель мстил за слезы Кавы,⁴²
И трупы готов нес поток кровавый?
Твой стяг царям навязывал закон,
Он обуздал разбойничьи оравы,
И полумесяц пал, крестом сражен,⁴³
И плыл над Африкой вой мавританских жен.

36

Теперь лишь в песнях отзвук тех побед,
Лишь в песнях вечность обрели герои,
Столпы разбиты, летописей нет,
Но помнит песнь величие былое.
Взгляни с небес на поприще земное,
О, Гордость! Рухнет бронза и гранит,
И только песнь верней, чем все иное,
Когда историк лжет, а льстец забывает,

⁴⁰ Гвадиана — река; на протяжении пятидесяти одного километра образует государственную границу между Испанией и Португалией.

⁴¹ *Двух вер враждебных там кипели станы...* — В 711 г. на Пиренейский полуостров вторглись арабы и захватили большую часть его. Более семи столетий испанцы и португальцы вели упорную борьбу за отвоение своих земель, вошедшую в историю под названием «Реконкиста».

⁴² *Где крест, которым ты была сильна, // Когда предатель мстил за слезы Кавы...* — Успешное сопротивление оказало население горной Астурии. В 718 г. в битве при Ковадонге арабам было нанесено поражение. Вспыхнувшая в Астурии партизанская борьба положила начало Реконкисте. Крест. — По преданию, в бою при Ковадонге у астурийцев вместо знамени был крест из астурийского дуба. Слезы Кавы. — Вестготский полководец Юлиан, оборонявший форпост Сеута в северо-западной Африке, вступил в союз с наместником арабского халифа в Африке и способствовал внезапному нападению арабов на королевство вестготов, будто бы желая отомстить за насилие над своей дочерью Флориндой-Кавой королю вестготов Родериху.

⁴³ *...полумесяц пал, крестом сражен...* — В 1492 г. отвоением территории Гранадского эмирата закончилась Реконкиста.

Твое бессмертие в народе сохранит.

37

К оружию, испанцы!⁴⁴ Мщенье, мщенье!
Дух Реконкисты правнуков зовет.
Пусть не копье подьмет он в сраженье,
Плюмажем красным туч не достает, —
Но, свистом пуль означив свой полет,
Ощерив жерла пушек роковые,
Сквозь дым и пламень кличет он: вперед!
Иль зов его слабей, чем в дни былые,
Когда он вдохновлял сынов Андалусии?

38

И слышу звон металла и копыт⁴⁵
И крики битвы в зареве багряном,
То ваша кровь чужую сталь поит,
То ваши братья сражены тираном.
Войска его идут тройным тараном,
Грохочут залпы на высотах гор,
И нет конца увечиям и ранам.
Летит на тризну Смерть во весь опор,
И ярый бог войны приветствует раздор.

39

Он встал, гигант, как будто в скалы врос,
В ужасной длани молния зажата,
Копна кроваво-рыжая волос
Черна на красном пламени заката.
Глаза — навывкат. Гибнет все, что свято,
От их огня. У ног его припав
И брата поднимая против брата,
Ждет Разрушенья битвы трех держав,
Чьей кровью жаждет бог потешить лютый нрав.

40

⁴⁴ *К оружию, испанцы!* — Восстание в Аранхуэсе в марте 1808 г. и отречение испанского короля Карла IV от престола вызвало всеобщий героический подъем и упорное сопротивление населения многих городов наступлению наполеоновской армии.

⁴⁵ *Я слышу звон металла и копыт...* — В ноябре 1808 г. Наполеон двинул в Испанию огромную армию и начал новое наступление. 27–28 июля 1809 г. соединенная англо-португало-испанская армия в битве при Талавере близ Мадрида нанесла французам поражение, но ценою огромных потерь.

Великолепно зрелище сраженья
(Когда ваш друг в него не вовлечен).
О, сколько блеска, грома и движенья!
Цветные шарфы, пестрый шелк знамен.
Сверкает хищно сталь со всех сторон,
Несутся псы, добычу настигая.
Не всем триумф, но всем — веселый гон,
Всем будет рада Мать-земля сырая.
И шествует Война, трофеи собирая.

41

Три знамени зывают к небесам,
Три языка воздвигли спор ужасный.
Француз, испанец, бритт сразились там, —
Враг, жертва и союзник тот опасный,
В чью помощь верить — право, труд напрасный.
У Талаверы, смерть ища в бою
(Как будто ей мы дома не подвластны!),
Сошлись они, чтоб кровь пролить свою,
Дать жирный тук полям и пищу воронью.

42

И здесь им тлеть, глупцам, прельщенным славой
И славы удостоенным в гробах,
О, бред! Орудья алчности кровавой —
Их тысячи тиран бросает в прах,
Свой воздвигая трон на черепах, —
Спроси зачем — во имя сновиденья!
Он царствует, пока внушает страх,
Но станет сам добычей смрадной тленья,
И тесный гроб ему заменит все владенья.

43

О, поле скорбной славы, Альбуера!⁴⁶
Среди равнин, где шпорит Чайльд коня,
Кто знал, что завтра зла свершится мера,
Что на заре твой сон прервет резня.
Мир мертвым! В память гибельного дня
Им слезы горя, им венец героя!
Так славьтесь же, в преданиях звеня,
Пока, могилы новым жертвам роя,

⁴⁶ *О, поле скорбной славы, Альбуера!* — 16 мая 1811 г. англо-испанские войска вновь нанесли поражение армии Наполеона, но так же, как и в битве при Талавере, потери были огромны.

Их сонмы новый вождь не кинет в ужас боя.

44

Но хватит о любовниках войны!
Была их гибель данью славословью.
Чтобы один прославлен был, должны
Миллионы пасть, насытив землю кровью.
Отчизна да спасется их любовью!
Цель благородна. А живи они,
Покорствуя других богов условью,
Могли б на плахе, в ссоре кончить дни
Позором для друзей, отчизны и родни.

45

И вот Севилью⁴⁷ видит пилигрим.
Еще блистает буйной красотой
Свободный город, но уже над ним
Насилье кружит. Огненной пятою
Войдет тиран, предаст его разбою
И грабежу. О, если б смертный мог
Бороться с неизбежною судьбою!
Не пала б Троя, Тир⁴⁸ не изнемог,
Добро не гибло бы, не властвовал порок.

46

Но, близящихся бед не сознавая,
Еще Севилья пляшет и поет,
Веселая, беспечная, живая.
Тут патриотам их страна не в счет!
Воркуют лютни, барабан не бьет,
Над всем царит веселье молодое,
Разврат свершает поздний свой обход,
И Преступленья крадется ночное
Вдоль стен, дряхлеющих в торжественном покое.

47

Не то крестьянин. С бледною женой

⁴⁷ Севилья... — Население этого города капитулировало перед наполеоновскими войсками лишь в начале 1810 г.

⁴⁸ Тир — крепость и важный порт древней Финикии. В историю вошла осада города войсками Александра Македонского в 332 г. до н. э., длившаяся более семи месяцев.

Он тужит днем, ночей не спит в печали.
Их виноградник вытоптан войной,
В селе давно фанданго не плясали.
Звезда любви восходит, но едва ли
Раздастся дробь веселых кастаньет.
Цари, цари! Когда б вы только знали
Простое счастье! Смолк бы гром побед,
Не стал бы трубный зов предвестьем стольких бед.

48

Какою ныне песней оживляет
Погонщик мулов долгий переход?
Любовь ли, старину ли прославляет,
Как славил их, когда не знал забот?
Нет, он теперь «Viva el Rev»⁴⁹ поет,
Но вдруг, Годоя⁵⁰ вспомнив, хмурит брови
И Карла рогоносного клянет,
А с ним его Луизу,⁵¹ в чьем алькове
Измена родилась, алкающая крови.

49

Среди равнины голой, на скале
Чернеют стены мавританских башен,
Следы копыт на раненой земле,
Печать огня на черном лице пашен.
Здесь орды вражьи, грозен и бесстрашен,
Андалусийский селянин встречал,⁵²
Здесь кровью гостя был не раз окрашен
Его клинок, когда на гребнях скал
Драконьи логова он дерзко штурмовал.

50

Здесь, не надев на шляпу ленты красной,⁵³

⁴⁹ Да здравствует король! (*исп.*). Точнее «Да здравствует король Фердинанд VII» — пароль-лозунг, которым испанские патриоты выражали, свое доверие Фердинанду VII — сыну отрекшегося от престола Карла IV.

⁵⁰ Годой, Мануэль (1767–1851) — испанский временщик; при Карле IV фактически управлял страной.

⁵¹ ...Карла рогоносного клянет, // А с ним его Луизу... — В годы правления Карла IV (1748–1819), страдавшего слабоумием, власть принадлежала придворной клике, которую возглавляли испанская королева Мария-Луиза и ее фаворит Годой.

⁵² Здесь орды вражьи... // Андалусийский селянин встречал... — В горах Сьерра-Морена, в Андалусии, значительная часть крестьян участвовала в партизанской войне против французских захватчиков.

Не смеет появиться пешеход.
Когда ж дерзнет, раскается несчастный,
То будет знак, что он не патриот.
А нож остер, он мимо не скользнет.
О Франция, давно бы ты дрожала,
Когда б имел хоть ружья здесь народ,
Когда б от взмаха гневного кишкала
Тупели тесаки и пушка умолкала.

51

С нагих высот Морены⁵⁴ в хмурый дол
Стволы орудий смотрят, выжидая.
Там бастион, тут ямы, частокол,
Там ров с водой, а там скала крутая
С десятком глаз внимательных вдоль края,
Там часовой с опущенным штыком,
Глядят бойницы, дулами сверкая,
Фитиль зажжен, и конь под чепраком,
И ядра горками уложены кругом.

52

Заглянем в день грядущий: кто привык
Ниспровергать одним движеньем троны,
Свой жезл подняв, задумался на миг, —
Лишь краткий миг он медлил, изумленный.
Но вскоре вновь он двинет легионы,
Он — Бич Земли! — на Западе воскрес.
Испания! Ты узришь гнев Беллоны,
И грифы галла ринутся с небес,
Чтоб кинуть тысячи сынов твоих в Гадес.

53

Ужель вам смерть судьба определила,
О юноши, Испании сыны!
Ужель одно: покорность иль могила,
Тирана смерть иль гибель всей страны?
Вы стать подножьем деспота должны!
Где бог? Иль он не видит вас, герои,

⁵³ *Здесь, не надев на шляпу ленты красной...* — Красную кокарду носили испанские патриоты, которые требовали возвращения испанского короля Фердинанда VII, отрекшегося от престола по требованию Наполеона в пользу его брата Жозефа.

⁵⁴ *С нагих высот Морены...* — Байрон проезжал через горы Сьерра-Морена до вторжения войск захватчиков, но население уже приготовилось к сопротивлению. «Были укреплены все проходы, через которые я проезжал на пути в Севилью», — уточняет он в примечании к данной строфе.

Иль стоны жертв на небе не слышны?
Иль тщетно все: искусство боевое,
Кровь, доблесть, юный жар, честь, мужество стальное!

54

Не оттого ль, для битв покинув дом,
Гитару дочь Испании презрела,
Повесила на иву под окном
И с песней, в жажде доблестного дела,
На брань с мужами рядом полетела.⁵⁵
Та, кто, иголкой палец уколов
Или заслышав крик совы, бледнела,
По грудам мертвых тел, под звон штыков,
Идет Минервой там, где дрогнуть Марс готов.

55

Ты слушаешь, и ты пленен, но, боже!
Когда б ты знал, какой была она
В кругу семьи, в саду иль в темной ложе!
Как водопад, волос ее волна,
Бездонна глаз лучистых глубина,
Прелестен смех, живой и нестесненный, —
И слово меркнет, кисть посрамлена,
Но вспомни Сарагосы бастионы,
Где веселил ей кровь мертвящий взгляд Горгоны.

56

Любимый ранен — слез она не льет,
Пал капитан — она ведет дружину,
Свои бегут — она кричит: вперед!
И натиск новый смел врагов лавину.
Кто облегчит сраженному кончину?
Кто отомстит, коль лучший воин пал?
Кто мужеством одушевит мужчину?
Все, все она! Когда надменный галл
Пред женщинами столь позорно отступал?

57

Но нет в испанках крови амазонок,
Для чар любви там дева создана.

⁵⁵ ...Дочь Испании.... с мужами рядом полетела. — Среди защитников города: Сарагосы во время осады мужеством и отвагой прославилась девушка Августина, прозванная Сарагосой.

Хоть в грозный час — еще полуребенок —
С мужчиной рядом в бой идет она,
В самом ожесточении нежна.
Голубка в роли львицы разъяренной,
И тверже, но и женственной она
И благородней в прелести врожденной,
Чем наши сплетницы с их пошлостью салонной.

58

Амур отметил пальчиком своим
Ей подбородок нежный и чеканный,
И поцелуй, что свил гнездо над ним,
С горячих губ готов слететь неожиданный.
— Смелей! — он шепчет. — Миг настал желанный,
Она твоя, пусть недостоин ты!
Сам Феб ей дал загар ее румяный.
Забудь близ этой яркой красоты
Жен бледных Севера бесцветные черты!

59

В краях, не раз прославленных на лире,
В гаремах стран, где медлит мой рассказ,
Где славит жен и циник, злейший в мире,
Хоть издали, хоть прячут их от нас,
Чтоб ветерок не сдул их с мужних глаз,
Среди красавиц томного Востока
Испанку вспомни — и поймешь тотчас,
Кто жжет сильнее мгновенным блеском ока,
Кто ангел доброты и гурия Пророка.

60

О ты, Парнас! Ты мне сияешь въяве,
Не сновиденьем беглым, не мечтой,
Но здесь, во всей тысячелетней славе,
Запечатленный дикой красотой,
На этой почве древней и святой.
Так я ли, твой паломник, о могучий,
Тебя хоть краткой не почту хвалой:
О, пусть услышу отклик твой певучий
И муза крыльями взмахнет над снежной кручей.

61

Как часто мне являлся ты во сне!
Я слышал звуки древних песнопений,

И час настал, и ты открылся мне.
Я трепещу, и клонятся колени,
Передо мной — певцов великих тени,
И стыдно мне за слабый голос мой.
О, где найти слова для восхвалений?
И, бледный, умиленный и немой,
Я тихо радуюсь: Парнас передо мной!⁵⁶

62

Сколь многие тебя в восторге пели,
Ни разу не видав твоих красот.
Не посетив страны твоей, — так мне ли
Сдержат порыв, когда душа поет!
Пусть Аполлон покинул древний грот,
Где муз был трон, там ныне их гробница, —
Но некий дух прекрасный здесь живет,
Он в тишине лесов твоих таится,
И вздохи ветру шлет, и в глубь озер глядится,

63

Так! Чтоб воздать хвалу тебе, Парнас,
Души невольным движимый порывом,
Прервал я об Испании рассказ,
О той стране, что новым стала дивом,
Родная всем сердцам вольнолюбивым, —
Вернемся к ней. И если не венок
(Да не сочтут меня глупцом хвастливым),
От лавра Дафны хоть один листок
Позволь мне унести — бессмертия залог.

64

Прощай! Нигде среди этих древних гор,
Ни даже в дни Эллады золотые,
Когда гремел еще дельфийский хор,
Звучали гимны пифии святые, —
Верь, не являлись девы молодые
Прекрасней тех, что дивно расцвели
Средь пылких нег в садах Андалусии, —
О, если б мир им боги принесли,
Хоть горький мир твоей, о Греция, земли!⁵⁷

⁵⁶ *Парнас передо мной.* — Байрон посетил деревушку Кастри, стоящую на месте древних Дельф, 16 декабря 1809 г.

⁵⁷ *...горький мир твоей, о Греция, земли!* — Байрон имеет в виду гнет турецкого господства в Греции, завоеванной Османской империей в середине XV в.

65

Горда Севилья роскошью и славой,
Прекрасны в ней минувшего черты,
И все ж ты лучше, Кадикс многоглавый,
Хоть похвалы едва ль достоин ты.
Но чьей порок не соблазнял мечты,
Кто не блуждал его тропой опасной,
Пока блистали юности цветы?
Вампир с улыбкой херувима ясной,
Для каждого иной, для всех равно прекрасный!

66

Пафос погиб, когда царица нег
Сама пред силой Времени склонилась,
И на другой, но столь же знойный брег
За нею Наслажденье удалилось.
Та, кто измен любовных не стыдилась,
Осталась верной лишь родным волнам,
За эти стены белые укрылась,
И в честь Киприды не единый храм,
Но сотни алтарей жрецы воздвигли там.

67

С утра до ночи, с ночи до утра
Здесь праздный люд на улицах толпится,
Плащи, мантильи, шляпы, веера,
Гирлянды роз — весь город веселится.
Повсюду смех и праздничные лица,
Умеренность на стыд обречена.
Приехал — можешь с трезвостью проститься!
Здесь царство песни, пляски и вина
И, верите, любовь с молитвою дружна.

68

Пришла суббота — отдых и покой!
Но христианам не до сладкой лени.
Ведь завтра будет праздник, и какой!
Все на корриду кинутся, к арене,
Где пикадора, весь в кровавой пене,
Встречает бык, от бешенства слепой.
Прыжок! Удар! Конь рухнул на колени,

Кишки наружу. Хохот, свист и вой!
А женщины? Как все — поглощены борьбой!

69

И день седьмой ведет заря в тумане,
Пустеет Лондон в этот день святой.
Принарядясь, идут гулять мещане,
Выходит смывший грязь мастеровой
В неделю рая на воздух полевой.
По всем предместьям катит и грохочет
Карет, ландо, двуколок шумных рой,
И конь, устав, уже идти не хочет,
А пеший грубиян глумится и хохочет.

70

Один с утра на Темзу поспешил,
Другой пешком поплелся на заставу,
Тех манит Хайгет или Ричмонд-Хилл,
А этот в Вер повел друзей ораву.
По сердцу всяк найдет себе забаву, —
Тем невтерпеж почтить священный Рог,⁵⁸
А тем попить и погулять на славу,
И, смотришь, пляшут, не жалея ног,
С полночи до утра — и тянут эль и грог.

71

Безумны все, о Кадикс, но тобою
Побит рекорд. На башне девять бьет,
И тотчас, внемля колокола бою,
Твой житель четки набожно берет.
Грехам у них давно потерян счет,
И все у Девы просят отпущенья
(Ведь дева здесь одна на весь народ!),
И в цирк несутся все без исключения:
Гранд, нищий, стар и млад — все жаждут развлечения.

72

Ворота настезь, в цирке уж полно,
Хотя еще сигнала не давали.
Кто опоздал, тем сесть не суждено.
Мелькают шпаги, ленты, шляпы, шали.

⁵⁸ ...почтить священный Рог... — шуточный обычай «клятвы на рогах» в Англии.

Все дамы, все на зрелище попали!
Они глазами так и целят в вас.
Подстрелят мигом, но убьют едва ли
И, ранив, сами вылечат тотчас.
Мы гибнем лишь в стихах из-за прекрасных глаз.

73

Но стихло все. Верхом, как отлитые,
Въезжают пикадоры из ворот.
Плюмаж их белый, шпоры — золотые,
Оружье — пика. Конь храпит и ржет,
С поклоном выступают все вперед.
По кругу вскачь, и шарф над каждым вьется.
Их четверо, кого ж награда ждет?
Кого толпа почтит, как полководца?
Кому восторженно испанка улыбнется?

74

В середине круга — пеший матадор.
Противника надменно ждет он к бою.
Он облачен в блистательный убор,
Он шпагу держит сильною рукою.
Вот пробует медлительной стопою,
Хорош ли грунт. Удар его клинка —
Как молния. Не нужен конь герою,
Надежный друг, что на рогах быка
Нашел бы смерть в бою, но спас бы седока.

75

Трубят протяжно трубы, и мгновенно
Цирк замер. Лязг засова, взмах флажком —
И мощный зверь на желтый круг арены
Выносится в пролет одним прыжком.
На миг застыл. Не в бешенстве слепом,
Но в цель уставясь грозными рогами,
Идет к врагу, могучим бьет хвостом,
Взметает гравий и песок ногами
И яростно косит багровыми зрачками.

76

Но вот он стал. Дорогу дай, смельчак,
Иль ты погиб! Вам биться, пикадоры!
Смертелен здесь один неверный шаг,
Но ваши кони огненны и скоры.

На шкуре зверя чертит кровь узоры.
Свист бандериллий, пик разящих звон...
Бык повернул, идет, — скорее шпоры!
Гигантский круг описывает он
И мчится, бешенством и болью ослеплен.

77

И вновь назад! Бессильны пики, стрелы,
Конь раненый, взвиваясь, дико ржет.
Наездники уверены и смелы,
Но тут ни сталь, ни сила не спасет.
Ужасный рог вспорол коню живот,
Другому — грудь. Как рана в ней зияет!
Разверст очаг, где жизнь исток берет.
Конь прянул, мчится, враг его бросает,
Он гибнет, падая, но всадника спасает.

78

Средь конских трупов, бандериллий, пик,
Изранен, загнан, изнурен борьбою,
Стоит, храпя, остервенелый бык,
А матадор взвивает над собою
Свой красный шарф, он дразнит, нудит к бою,
И вдруг прыжок, и вражий прорван строй,
И бык летит сорвавшейся горою.
Напрасно! Брошен смелою рукой,
Шарф хлещет по глазам, — взмах, блеск, и кончен бой.

79

Где сращена с затылком мощным шея,
Там входит сталь. Мгновенье медлит он,
Не хочет, гордый, пасть к ногам злодея,
Не выдаст муки ни единый стон.
Но вот он рухнул. И со всех сторон
Ревут, вопят, ликують, бьют в ладони,
Въезжает воз, четверкой запряжен,
Втащили тушу, и в смятенье кони,
Рванув, во весь опор бегут, как от погони.

80

Так вот каков испанец! С юных лет
Он любит кровь и хищные забавы.
В сердцах суровых состраданья нет,
И живы здесь жестоких предков нравы.

Кипят междоусобные расправы.
Уже я мнил, война народ сплотит, —
Увы! Блюдя обычай свой кровавый,
Здесь другу мстят из-за пустых обид,
И жизни теплый ключ в глухой песок бежит.

81

Но ревность, заточенные красотки,
Невольницы богатых стариков,
Дуэньи, и запоры, и решетки —
Все минуло, все ныне — хлам веков.
Чьи девы так свободны от оков,
Как (до войны) испанка молодая,
Когда она плясала средь лугов
Иль пела песнь, венки любви сплетая,
И ей в окно луна светила золотая?

82

Гарольд не раз любил, иль видел сон,
Да, сон любви, — любовь ведь сновиденье.
Но стал угрюмо-равнодушным он.
Давно в своем сердечном охлажденье
Он понял: наступает пробужденье,
И пусть надежды счастье нам сулят,
Кончается их яркое цветенье,
Волшебный исчезает аромат,
И что ж останется: кипящий в сердце яд.

83

В нем прелесть женщин чувства не будила,
Он стал к ним равнодушной мудреца,
Хотя его не мудрость охладила,
Свой жар высокий льющая в сердца.
Изведав все пороки до конца,
Он был страстями, что отбушевали,
И пресыщеньем обращен в слепца,
И жизнеотрицающей печали
Угрюмым холодом черты его дышали.

84

Он в обществе был сумрачен и хмур,
Хоть не питал вражды к нему. Бывало,
И песнь споев, и протанцует тур,
Но сердцем в том участвовал он мало.

Лицо его лишь скуку выражало.
Но раз он бросил вызов сатане.
Была весна, все радостью дышало,
С красавицей сидел он при луне
И стансы ей слагал в вечерней тишине.

ИНЕСЕ

Не улыбайся мне, не жди
Улыбки странника ответной.
К его бесчувственной груди
Не приникай в печали тщетной.

Ты не поделишь, милый друг,
Страданья дней его унылых,
Ты не поймешь причины мук,
Которым ты помочь не в силах.

Когда бы ненависть, любовь
Иль честолюбье в нем бродило!
Нет, не они велят мне вновь
Покинуть все, что сердцу мило.

То скука, скука! С давних пор
Она мне сердце тайно гложет.
О, даже твой прекрасный взор,
Твой взор его развлечь не может!

Томим сердечной пустотой,
Делю я жребий Агасфера.
И в жизнь за гробовой чертой,
И в эту жизнь иссякла вера.

Бегу от самого себя,
Ищу забвенья, но со мною
Мой демон злобный, мысль моя, —
И в сердце места нет покою.

Другим все то, что скучно мне,
Дает хоть призрак наслажденья.
О, пусть пребудут в сладком сне,
Не зная муки пробужденья!

Проклятем прошлого гоним,
Считаюсь без друзей, без дома
И утешаюсь тем одним,
Что с худшим сердце уж знакомо.

Но с чем же? — спросишь ты. О нет,
Молчи, дитя, о том ни слова!
Взгляни с улыбкой мне в ответ
И сердца не пытай мужского.

85

Прости, прости, прекрасный Кадикс мой!
Напрасно враг грозил высоким стенам,
Ты был средь бурь незыблемой скалой,⁵⁹
Ты не знаком с покорностью и пленом.
И если, гневом распален священным,
Испанца кровь дерзал ты проливать,
То суд был над изменником презренным.⁶⁰
Но изменить могла здесь только знать.
Лишь рыцарь был готов чужой сапог лобзать.

86

Испания, таков твой жребий странный:
Народ-невольник встал за вольность в бой.
Бежал король, сдаются капитаны,
Но твердо знамя держит рядовой.
Пусть только жизнь дана ему тобой,
Ему, как хлеб, нужна твоя свобода.
Он все отдаст за честь земли родной,
И дух его мужает год от года.
«Сражаться до ножа!» — таков девиз народа.

87

Кто хочет знать Испанию, прочти,
Как воевать Испания умела.
Все, что способна месть изобрести,
Все, в чем война так страшно преуспела, —

⁵⁹ *Ты был средь бурь незыблемой скалой...* — К началу 1810 г. наполеоновская армия была остановлена у стен Кадиса (Кадикса), население которого героически обороняло город более двух лет.

⁶⁰ *...суд был над изменником презренным.* — Маркиз Солано, губернатор и главнокомандующий испанскими войсками, был расстрелян как изменник за отказ выполнить приказ Центральной хунты атаковать французский флот, стоявший на рейде близ Кадиса.

И нож и сабля — все годится в дело!
Так за сестер и жен испанцы мстят,
Так вражий натиск принимают смело,
Так чужеземных потчуют солдат
И не сочтут за труд отправить сотню в ад.

8861

Ты видишь трупы женщин и детей
И дым над городами и полями?
Кинжала нет — дубиной, ломом бей,
Пора кончать с незваными гостями!
На свалке место им, в помойной яме!
Псам кинуть труп — и то велик почет!
Засыпь поля их смрадными костями
И тлеть оставь — пусть внук по ним прочтет,
Как защищал свое достоинство народ!

89

Еще не пробил час, но вновь войска
Идут сквозь пиренейские проходы.⁶²
Конца никто не ведает пока,
Но ждут порабощенные народы,
Добьется ли Испания свободы,
Чтобы за ней воспряло больше стран,⁶³
Чем раздавил Писарро.⁶⁴ Мчатся годы!
Потомкам Кито⁶⁵ мир в довольстве дан,
А над Испанией свирепствует тиран.

90

⁶¹ Строфы 88–93 Байрон написал по возвращении в Англию, по следам событий.

⁶² *...вновь войска // Идут сквозь пиренейские проходы.* — Байрон говорит о битвах при Талавере (июль 1809 г.), при Бароесе и Альбуере (май 1811 г.).

⁶³ *...за ней воспряло больше стран, // Чем раздавил Писарро.* — Национально-освободительная борьба испанского народа положила начало выступлениям против наполеоновской Франции в ряде других стран Европы.

⁶⁴ Писарро, Франсиско (ок. 1471–1541) — один из испанских конкистадоров, возглавлял завоевание огромной территории государства инков на западном побережье Латинской Америки.

⁶⁵ Кито — город в Южной Америке, население которого неоднократно восставало против испанского господства, 10 августа 1810 г. в Кито вспыхнуло восстание, положившее начало борьбе за независимость и образованию государства Эквадор.

Ни Сарагосы кровь, ни Альбуера,
Ни горы жертв, ни плач твоих сирот,
Ни мужество, какому нет примера, —
Ничто испанский не спасло народ.
Доколе червю грызть оливы плод?
Когда забудут бранный труд герои?
Когда последний страшный день уйдет
И на земле, где галл погряз в разбое,
Привьется Дерево Свободы, как родное?

91

А ты, мой друг!⁶⁶ — но тщетно сердца стон
Врывается в строфу повествованья.
Когда б ты был мечом врага сражен,
Гордясь тобой, сдержал бы друг рыданья.
Но пасть бесславно, жертвой врачеванья,
Оставить память лишь в груди певца,
Привыкшей к одиночеству страданья,
Меж тем как Слава труса чтит, глупца, —
Нет, ты не заслужил подобного конца!

92

Всех раньше узнан, больше всех любим,
Сберегшему так мало дорогого
Сумел ты стать навеки дорогим.
«Не жди его!» — мне явь твердит сурово.
Зато во сне ты мой! Но утром снова
Душа к одру печальному летит,
О прошлом плачет и уйти готова
В тот мир, что тень скитальца приютит,
Где друг оплаканный о плачущем грустит.

93

Вот странствий Чайльда первая страница.
Кто пожелает больше знать о нем,
Пусть следовать за мною потрудится,
Пока есть рифмы в словаре моем.
Бранить меня успеете потом.
Ты, критик мой, сдержи порыв досады!
Прочти, что видел он в краю другом,
Там, где заморских варваров отряды
Бесстыдно грабили наследие Эллады.⁶⁷

⁶⁶ *А ты, мой друг!* — Эти строфы (91–92) Байрон посвятил памяти школьного товарища Джона Уингфилда.

⁶⁷ *Там, где заморских варваров отряды // Бесстыдно грабили наследие Эллады.* — Байрон имеет в виду

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1

Пою тебя, небесная, хоть к нам,
Поэтам бедным, ты неблагоприятна.
Здесь был, богиня мудрости, твой храм.
Над Грецией прошли врагов знамена,⁶⁸
Огонь и сталь ее терзали лоно,
Бесчестило владычество людей,
Не знавших милосердия и закона
И равнодушных к красоте твоей.
Но жив твой вечный дух среди пепла и камней.

2

Увы, Афина, нет твоей державы!
Как в шуме жизни промелькнувший сон,
Они ушли, мужи высокой славы,
Те первые, кому среди племен
Венец бессмертья миром присужден.
Где? Где они? За партой учат дети
Историю ушедших в тьму времен,
И это все! И на руины эти

лорда Эджина (1766-1842), шотландского пэра, — археолога-любителя. В бытность свою в Афинах в качестве дипломата он добился разрешения вывезти из Афин несколько кусков мрамора и вывез из Греции бесценную коллекцию.

⁶⁸ *Над Грецией прошли врагов знамена...* — После взятия турками Константинополя в 1453 г. и падения Византийской империи Греция в течение четырех веков была лишена национальной независимости.

Лишь отсвет падает сквозь даль тысячелетий.

3

О сын Востока, встань! Перед тобой
Племен гробница — не тревожь их праха.
Сменяются и боги чередой,
Всем нить прядет таинственная Пряха.
Был Зевс, пришло владычество Аллаха,
И до тех пор сменяться вновь богам,
Покуда смертный, отрешась от страха,
Не перестанет жечь им фимиам
И строить на песке пустой надежды храм.

4

Он, червь земной, чего он ищет в небе?
Довольно бы того, что он живет.
Но так он ценит свой случайный жребий,
Что силится загадывать вперед.
Готов из гроба кинуться в полет
Куда угодно, только б жить подоле,
Блаженство ль там или страданье ждет.
Взвесь этот прах! Тебе он скажет боле,
Чем все, что нам твердят о той, загробной доле.

5

Вот холм, где вождь усопший погребен,
Вдали от бурь, от песен и сражений, —
Он пал под плач поверженных племен.
А ныне что? Где слезы сожалений?
Нет часовых над ложем гордой тени,
Меж воинов не встать полубогам.
Вот череп — что ж? Для прошлых поколений
Не в нем ли был земного бога храм?
А ныне даже червь не приютится там.

6

В пробоинах и свод его и стены,
Пустынны залы, выщерблен портал.
А был Тщеславья в нем чертог надменный,
Был Мысли храм, Души дворец блистал,
Бурлил Страстей неудержимый шквал,
Но все пожрал распада хаос дикий,
Пусты глазницы, желт немой оскал.
Какой святой, софист, мудрец великий

Вернет былую жизнь в ее сосуд безликий?

7

«Мы знаем только то, — сказал Сократ, —
Что ничего не знаем». И, как дети,
Пред Неизбежным смертные дрожат.
У каждого своя печаль на свете,
И слабый мнит, что Зло нам ставит сети.
Нет, суть в тебе! Твоих усилий плод —
Судьба твоя. Покой обрящешь в Лете.
Там новый пир пресыщенных не ждет.
Там, в лоне тишины, страстей неведом гнет.⁶⁹

8

Но если есть тот грустный мир теней,
Что нам мужи святые описали,
Хотя б его софист иль саддукей⁷⁰
В безумье знаний ложных отрицали, —
Как было б чудно в элизийской дали,
Где место всем, кто освещал наш путь,
Услышать тех, кого мы не слыхали,
На тех, кого не видели, взглянуть,
К познавшим Истину восторженно примкнуть.

971

Ты, с кем ушли Любовь и Счастье в землю,
Мой жребий — жить, любить, но для чего?

⁶⁹ В автографе поэмы после седьмой строфы следует еще одна, развивающая и логически завершающая мысль поэта:

Угрюмый пастор! Не сердясь, коль я
Не вижу жизни там, где ты желаешь;
Мне не смешна фантазия твоя;
Нет, ты скорее зависть мне внушаешь:
Так смело новый мир ты открываешь,
Блаженный остров в море неземном;
Мечтай о том, чего ты сам не знаешь;
О саддукействе спор не поведем:
Любя свой рай, ты всех не хочешь видеть в нем.

(Перевод П. О. Морозова)

⁷⁰ Саддукей — приверженец древнееврейской секты, основанной во II в. до н. э. в среде ортодоксального иерусалимского жречества. Саддукеи отрицали загробную жизнь и бессмертие души.

⁷¹ По возвращении в Англию, осенью 1811 г., узнав о смерти своего друга Эделвстона, Байрон добавил эту строфу.

Мы так срослись, еще твой голос внемлю,
И ты жива для сердца моего.
Ужель твое недвижно и мертво!
Живу одной надеждой сокровенной,
Что снова там услышу зов его.
Так будь что будет! В этой жизни брэнной
Мое блаженство — знать, что ты в стране блаженной.

10

Я сяду здесь, меж рухнувших колонн,
На белый цоколь. Здесь, о Вседержитель,
Сатурна сын, здесь был твой гордый трон.
Но из обломков праздный посетитель
Не воссоздаст в уме твою обитель.
Никто развалин вздохом не почтит,
И, здешних мест нелюбопытный житель,
На камни мусульманин не глядит,
А проходящий грек поет или свистит.

11

Но кто же, кто к святилищу Афины
Последним руку жадную простер?
Кто расхищал бесценные руины,
Как самый злой и самый низкий вор?
Пусть Англия, стыдясь, опустит взор!
Свободных в прошлом чтут сыны Свободы,
Но не почтил их сын шотландских гор:⁷²
Он, переплыв бесчувственные воды,
В усердьи варварском ломал колонны, своды.

12

Что пощадили время, турок, гот,
То нагло взято пиктом⁷³ современным.
Нет, холоднее скал английских тот,
Кто подошел с киркою к этим стенам,
Кто не проникся трепетом священным,
Увидев прах великой старины.
О, как страдали скованные пленом,
Деля богини скорбь, ее сыны,
Лишь видеть и молчать судьбой обречены!

⁷² ...сын шотландских гор. — Имеется в виду Элджин (см. прим. 67), который был шотландцем по происхождению.

⁷³ Пикты. — Древнейшие кельтские племена. Здесь Байрон вновь имеет в виду Элджина.

13

Ужель признают, не краснея, бритты,
Что Альбион был рад слезам Афин,
Что Грецию, молившую защиты,
Разграбил полумира властелин!
Страна свободы, страж морских пучин,
Не ты ль слыла заступницей Эллады!
И твой слуга, твой недостойный сын
Пришел, не зная к слабому пощады,
Отнять последнее сокровище Паллады!

14

Но ты, богиня, где же ты, чей взгляд
Пугал когда-то гота и вандала?
Где ты, Ахилл,⁷⁴ чья тень, осилив ад
И вырвавшись из вечного провала,
В глаза врагу грозною заблестала?
Ужель вождя не выпустил Плутон,
Чтоб мощь его пиратов обузда?
Нет, праздный дух, бродил над Стиксом он
И не прогнал воров, ломавших Парфенон.

15

Глух тот, кто прах священный не почитит
Слезами горя, словно прах любимой.
Слеп тот, кто меж обломков не грустит
О красоте, увы, невозвратимой!
О, если б гордо возгласить могли мы,
Что бережет святыни Альбион,
Что алтари его рукой хранимы.
Нет, все поправ, увозит силой он
Богов и зябких нимф под зимний небосклон.

16

Но где ж Гарольд остался? Не пора ли
Продолжить с ним его бесцельный путь?
Его и здесь друзья не провожали,
Не кинулась любимая на грудь,
Чтоб знал беглец, о ком ему вздохнуть.

⁷⁴ Ахилл. — Байрон вспоминает предание о том, как король вестготов Аларих, захвативший и ограбивший в 395 г. Афины, был повергнут в ужас при виде появившихся на Акрополе Афины и Ахилла.

Хоть красоты иноплеменной гений
И мог порой в нем сердце всколыхнуть,
Он скорбный край войны и преступлений
Покинул холодно, без слез, без сожалений.

17

Кто бороздил простор соленых вод,
Знаком с великолепною картиной:
Фрегат нарядный весело плывет,
Раскинув снасти тонкой паутиной.
Играет ветер в синеве пустынной,
Вскипают шумно волны за кормой.
Уходит берег. Стаей лебединой
Вдали белеет парусный конвой.
И солнца свет, и блеск пучины голубой.

18

Корабль подобен крепости плавучей.
Под сетью здесь — воинственный мирок.
Готовы пушки — ведь неверен случай!
Осиплый голос, боцмана свисток,
И вслед за этим дружный топот ног,
Кренятся мачты и скрипят канаты.
А вот гардемарин, еще щенок,
Но в деле — хват и, как моряк завзятый,
Бранится иль свистит, ведя свой дом крылатый.

19

Корабль надраен, как велит устав.
Вот лейтенант обходит борт сурово,
Лишь капитанский мостик миновал.
Где капитан — не место для другого.
Он лишнего ни с кем не молвит слова
И с экипажем держит строгий тон.
Ведь дисциплина — армии основа.
Для славы и победы свой закон
Британцы рады чтить, хотя им в тягость он.

20

Вей, ветер, вей, наш парус надувая,
День меркнет, скоро солнце уж зайдет.
Так растянулась за день наша стая,
Хоть в дрейф ложись, пока не рассветет.
На флагмане уже спускают грот.

И, верно, остановимся мы вскоре,
А ведь ушли б на много миль вперед!
Вода подобна зеркалу. О, горе —
Ленивой свиты ждать, когда такое море!

21

Встает луна. Какая ночь, мой бог!
Средь волн дрожит дорожка золотая.
В такую ночь один ваш страстный вздох,
И верит вам красotka молодая.
Неси ж на берег нас, судьба благая!
Но Арион нашелся на борту
И так хватил по струнам, запевая,
Так лихо грянул в ночь и в темноту,
Что все пустились в пляс, как с милыми в порту.

22

Корабль идет меж берегов высоких.
Две части света смотрят с двух сторон.
Там пышный край красавиц чернооких,
Здесь — черного Марокко нищий склон.
Испанский берег мягко освещен,
Видны холмы, под ними лес зубчатый,
А тот — гигантской тенью в небосклон
Вонзил свои береговые скаты,
Не озаренные косым лучом Гекаты.

23

Ночь. Море спит. О, как в подобный час
Мы ждем любви, как верим, что любили,
Что друг далекий ждет и любит нас,
Хоть друга нет, хоть все о нас забыли.
Нет, лучше сон в безвременной могиле,
Чем юность без любимой, без друзей!
А если сердце мы похоронили,
Тогда на что и жизнь, что толку в ней?
Кто может возратить блаженство детских дней!

24

Глядишь за борт, следишь, как в глуби водной
Дианы рог мерцающий плывет,
И сны забыты гордости бесплодной,
И в памяти встает за годом год,
И сердце в каждом что-нибудь найдет,

Что было жизни для тебя дороже,
И ты грустишь, и боль в душе растет,
Глухая боль... Что тягостней, о боже,
Чем годы вспоминать, когда ты был моложе!

25

Лежать у волн, сидеть на крутизне,
Уйти в безбрежность, в дикие просторы,
Где жизнь вольна в беспечной тишине,
Куда ничьи не проникали взоры;
По козьим тропкам забираться в горы,
Где грозен шум летящих в бездну вод,
Подслушивать стихий мятежных споры, —
Нет, одиноким быть не может тот,
Чей дух с природою один язык найдет.

26

Зато в толпе, в веселье света мнимом,
В тревогах, смутах, шуме суеты,
Идти сквозь жизнь усталым пилигримом
Среди богатств и жалкой нищеты,
Где нелюбим и где не любишь ты,
Где многие клянутся в дружбе ныне
И льстят тебе, хоть, право, их черты
Не омрачатся при твоей кончине —
Вот одиночество, вот жизнь в глухой пустыне!

27

Насколько же счастливее монах,
Глядящий из обители Афона⁷⁵
На пик его в прозрачных небесах,
На зелень рощ, на зыбь морского лона,
На все, чем, озираясь умиленно,
Любуется усталый пилигрим,
Не в силах от чужого небосклона
Уйти к холодным берегам родным,
Где ненавидит всех и всеми нелюбим.

28

Но между тем мы долгий путь прошли,

⁷⁵ *Обитель Афона.* — Лесистые склоны горы Афон на юге полуострова Халкидика в Греции с VII в. были переданы в полное владение многочисленных монастырей.

И зыбкий след наш поглотили воды,
Мы шквал, и шторм, и штиль перенесли,
И солнечные дни, и непогоды —
Все, что несут удачи и невзгоды
Жильцам морских крылатых крепостей,
Невольникам изменчивой природы, —
Все позади, и вот, среди зыбей —
Ура! Ура — земля! Ну, други, веселей!

29

Правь к островам Калипсо, мореход,
Они зовут усталого к покою,
Как братья встав среди бескрайных год.
И нимфа слез уже не льет рекою,
Простив обиду смертному герою,
Что предпочел возлюбленной жену.
А вон скала, где дружеской рукою
Столкнул питомца Ментор в глубину,
Оставив о двоих рыдать ее одну.

30

Но что же царство нимф — забытый сон?
Нет, не грусти, мой юный друг, вздыхая.
Опасный трон — в руках у смертных жен,
И если бы, о Флоренс⁷⁶ дорогая,
Могла любить душа, для чувств глухая,
Сама судьба потворствовала б нам.
Но, враг цепей, все узы отвергая,
Я жертв пустых не принесу в твой храм
И боль напрасную тебе узнать не дам.

31

Гарольд считал, что взор прекрасных глаз
В нем вызывает только восхищенье,
И, потеряв его уже не раз,
Любовь теперь держалась в отдаленье,
Поняв в своем недавнем пораженье,
Что сердце Чайльда для нее мертво,
Что, презирая чувства ослепленье,
Он у любви не просит ничего,
И ей уже не быть царицей для него.

⁷⁶ Флоренс. — Так Байрон называл миссис Спенсер Смит, с которой он познакомился на Мальте во время своего путешествия. Миссис Смит обладала весьма романтической биографией: она родилась в Константинополе, попала во Францию, была взята в плен Наполеоном и бежала от него на Мальту.

32

Зато прекрасной Флоренс было странно:
Как тот, о ком шептали здесь и там,
Что он готов влюбляться непрестанно,
Так равнодушен был к ее глазам.
Да, взор ее, к досаде многих дам,
Сражал мужчин, целил и ранил метко,
А он — юнец! — мальчишка по годам,
И не просил того, за что кокетка
Нередко хмурится, но гневается редко.

33

Она не знала, что и Чайльд любил,
Что в равнодушие он искал защиты,
Что подавлял он чувств невольный пыл,
И гордостью порывы их убиты,
Что не было опасней волокиты,
И в сеть соблазна многих он завлек,
Но все проказы ныне им забыты,
И хоть бы страсть в нем синий взор зажег,
С толпой вздыхателей смешаться он не мог.

34

Кто лишь вздыхает — это всем известно, —
Не знает женщин, их сердечных дел.
Ты побежден, и ей неинтересно,
Вздыхай, моли, но соблюдай предел.
Иначе лишь презренье твой удел.
Из кожи лезь — у вас не будет лада!
К чему моления? Будь остер и смел,
Умей смешить, подчас кольни, где надо,
При случае польсти, и страсть — твоя награда!

35

Прием из жизни взятый, не из книг!
Но многое теряет без возврата,
Кто овладел им. Цели ты достиг.
Ты наслаждался, но чрезмерна плата:
Старенье сердца, лучших сил утрата,
И страсть сыта, но юность сожжена,
Ты мелок стал, тебе ничто не свято,
Любовь тебе давно уж не нужна,
И, все мечты презрев, душа твоя больна.

36

Но в путь! Иной торопит нас предмет.
Немало стран пройти мы обещали,
И не игре Воображенья вслед,
А волею задумчивой печали.
Мы стран таких и в сказках не встречали,
И даже утописты наших дней⁷⁷
Такой картиной нас не обольщали, —
Те чудачки, что исправлять людей
Хотят при помощи возвышенных идей.

37

Природа-мать, тебе подобных нет,
Ты жизнь творишь, ты создаешь светила.
Я приникал к тебе на утре лет,
Меня, как сына, грудью ты вскормила
И не отвергла, пусть не полюбила.
Ты мне роднее в дикости своей,
Где власть людей твой лик не осквернила.
Люблю твою улыбку с детских дней,
Люблю спокойствие — но гнев еще сильнеей.

38

Среди мудрейших в главы хрестоматий,
Албания, вошел твой Искандер.
Героя тезка⁷⁸ — бич турецких ратей —
Был тоже рыцарь многим не в пример.
Прекрасна ты, страна хребтов, пещер,
Страна людей, как скалы, непокорных,
Где крест поник, унижен калойер⁷⁹
И полумесяц на дорогах горных
Горит над лаврами средь кипарисов черных.

⁷⁷ ...утописты наших дней... — Байрон был современником великих социалистов-утопистов К.-А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна.

⁷⁸ *Искандер*. // *Героя тезка*... — крупнейший военный и политический деятель средневековой Албании Георгий Кастриот-Скандербег (1405–1468). Служил в турецкой армии в качестве заложника, за выдающиеся военные способности получил титул бея и имя Искандер в честь Александра Македонского. Возглавив борьбу албанского народа против ига Османской империи, объединил Албанию.

⁷⁹ Калойер — греческий монах-отшельник.

39

Гарольд увидел скудный остров тот,
Где Пенелопа, глядя вдаль, грустила.
Скалу влюбленных над пучиной вод,
Где скорбной Сафо влажная могила.⁸⁰
Дочь Лесбоса! Иль строф бессмертных сила
От смерти не могла тебя спасти?
Не ты ль сама бессмертие дарила!
У лиры есть к бессмертию пути,
И неба лучшего нам, смертным, не найти.

40

То было тихим вечером осенним,
Когда Левкады Чайльд узнал вдали,
Но мимо плыл корабль, и с сожаленьем
На мыс глядел он. Чайльда не влекли
Места, где битвы грозные прошли,
Ни Трафальгар,⁸¹ ни Аксиум кровавый.⁸²
Рожденный в тихом уголке земли,
Он презирал, пустой не бредя славой,
Солдат-наемников и даже вид их бравый.

41

Но вот блеснул звезды вечерней свет,
И, весь отдавшись странному волненью,
Гарольд послал прощальный свой привет
Скале любви с ее гигантской тенью.
Фрегат скользил, как бы охвачен ленью,
И Чайльд глядел задумчиво назад,
Волны возвратной следуя движенью,
Настроясь вновь на свой привычный лад.
Но лоб его светлел, и прояснялся взгляд.

42

⁸⁰ ...скалу... // *Где скорбной Сафо влажная могила.* — Знаменитая древнегреческая поэтесса Сафо (VII–VI вв. до н. э.), по преданию, бросилась с Левкадийской скалы в Ионическом море.

⁸¹ Трафальгар. — Имеется в виду морское сражение у мыса Трафальгар 21 октября 1805 г., в котором английская эскадра под командованием адмирала Нельсона (1758–1805) разгромила французский и испанский флоты.

⁸² ...Аксиум кровавый... — Морское сражение у мыса Акции (у выхода из Амвракийского залива в Ионическом море) 2 сентября 31 г. до н. э., в котором римский флот разбил египетский.

Над скалами Албании⁸³ суровой
Восходит день. Вот Пинд⁸⁴ из темных туч
В тюрбане белом, черный и лиловый,
Возник вдали. На склоне мшистых круч
Селенья бледный освещает луч.
Там лютый барс в расселинах таится,
Орел парит, свободен и могуч.
Там люди вольны, словно зверь и птица,
И буря, Новый год встречая, веселится.

43

И вот где Чайльд один! Пред ним края
Для христианских языков чужие.
Любуясь ими, но и страх тая,
Иной минует скалы их крутые.
Однако Чайльд изведаль все стихии,
Не ищет гроз, но встретить их готов,
Желаний чужд, беспечен, и впервые
Дыша свободой диких берегов,
И зной он рад терпеть и холод их снегов.

44

Вот Красный крест,⁸⁵ один лишь Крест всего,
Посмешище приверженцев Ислама,
Униженный, как те, кто чтит его.
О Суеверье, как же ты упрямо!
Христос, Аллах ли, Будда или Брама,
Бездушный идол, бог — где правота?
Но суть одна, когда посмотришь прямо:
Церквам — доход, народу — нищета!
Где ж веры золото, где ложь и суета?

45

А вот залив, где отдан был весь мир
За женщину,⁸⁶ где всю армаду Рима,

⁸³ Албания. — В момент пребывания Байрона в Албании фактически независимым государством были лишь земли на юге Албании с центром в городе Янина.

⁸⁴ Пинд — горная система в Греции.

⁸⁵ Красный крест — эмблема рыцарей-крестоносцев.

⁸⁶ *...залив, где отдан был весь мир // За женщину...* — В морском сражении у Акция римский триумвир Марк Антоний (82–30 до н. э.) изменил интересам римлян, сражаясь на стороне египетской царицы Клеопатры. Потерпев поражение, он бежал в Египет.

Царей азийских бросил триумвир.
Был враг силен, любовь непобедима.
Но лишь руины смотрят нелюдимо,
Где продолжатель Цезаря⁸⁷ царил.
О деспотизм, ты правишь нетерпимо!
Но разве бог нам землю подарил,
Чтоб мир лишь ставкою в игре тиранов был?

46

От этих стен, от Города Побед⁸⁸
Чайльд едет в иллирийские долины.⁸⁹
В истории названий этих нет,
Там славные не встретятся руины,
Но и роскошной Аттики картины,
И дол Тампейский,⁹⁰ и тебя, Парнас,
Затмил бы многим этот край пустынный,
Не будь вы милой классикой для нас.
Идешь — любишь, — и все чарует глаз!

47

Минуя Пинд, и воды Ахерузы,⁹¹
И главный город, он туда идет,
Где Произвол надел на Вольность узы,
Где лютый вождь Албанию гнетет,⁹²
Поработив запуганный народ.
Где лишь порой, неукротимо дики,
Отряды горцев с каменных высот
Свергаются, грозя дворцовой клике,
И только золото спасает честь владыки.

⁸⁷ *Продолжатель Цезаря.* — Имеется в виду римский император Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.).

⁸⁸ Город Побед — Никополь, построенный Октавианом на берегу Амвракийского залива в честь победы при Акции.

⁸⁹ Иллирийские долины — в древности область Иллирик на северо-восточном берегу Адриатического моря.

⁹⁰ Дол Тампейский — долина в Греции.

⁹¹ Ахеруза — озеро близ города Янины.

⁹² *...лютый вождь Албанию гнетет...* — Али-паша Тепеленский (ок. 1744–1822) — правитель фактически самостоятельного государства (1788–1822) в пределах Османской империи в западной части Балканского полуострова. С 1803 г., после жестокого подавления сопротивления племени сулиотов, государь Албании, Эпира, Морей с главным городом-цитаделью Яниной.

48

О Зитца!⁹³ Благодатный монастырь!
Какая тень! Как все ласкает взоры!
Куда ни смотришь: вниз иль в эту ширь —
Как лучезарно-радужны просторы!
Все гармонично: небо, лес и горы,
Нависших скал седые горбыли,
Ручьев, по склонам вьющихся, узоры,
Да водопада мерный шум вдали,
И синевы потоп от неба до земли.

49

Когда б уступы мрачных гор кругом
Не высились громадою надменной,
Мохнатый холм, увенчанный леском,
Казался бы величественной сценой.
В обители укрывшись белостенной,
От суеты бытийственной храним,
Живет монах, анахорет смиренный,
И здесь невольно медлит пилигрим,
Внимая голосам природы, как родным.

50

Он забывает знойный пыльный путь,
Его листва объемлет вековая,
А ветерок живет и нежит грудь
И в сердце льет благоуханье рая.
Внизу осталась толчея людская,
Не может зной проникнуть в эту сень,
До дурноты, до злости раздражая.
Лежишь и смотришь, услаждая лень,
Как день за утром встал, как вечер сменит день.

51

Кругом вулканов мертвая гряда,
За ними Альп химерских седловина,
А там потоки, хижины, стада —
Внизу живет и движется долина.
Там сосны, тут стрельчатая раина,
Чернеет легендарный Ахерон,
Река теней — волшебная картина!

⁹³ Зитца — деревня и монастырь близ Янины.

И это входы в Тартар) Нет, Плутон,
Пусть рай закроется, меня не манит он!

52

Не портят вида разные строенья.
Янину скрыла ближних гор стена,
Лишь там и здесь убогие селенья,
Кой-где маячит хижина одна,
А вон поляна горная видна,
Пасутся козы, пастушок на круче.
Простых забот вся жизнь его полна:
Мечтает, спит, глядит, откуда тучи,
Или в пещере ждет, чтоб минул дождь ревучий.

53

Додона,⁹⁴ где твой лес, твой вещий ключ,
Оракул твой и дол благословенный,
Слыхавший Зевса голос из-за туч?
Где храм его, для Греции священный?
Их нет. Так нам ли, коль падут их стены,
Роптать на то, что смертным Смерть грозит!
Молчи, глупец! И мы, как боги, тленны.
Пусть долговечней дуб или гранит,
Все — троны, языки, народы — Рок сразит.

⁹⁴ Додона — древнегреческий город в Эпире, центр культа Зевса.

54

Эпир прошли мы. Насмотревшись гор,
Любуешься долинами устало.
В такой нарядный, праздничный убор
Нигде весна земли не одевала.
Но даже здесь красот смиренных мало.
Вот шумно льется речка с крутизны,
Над нею лес колеблет опахала,
И тени пляшут в ней, раздроблены,
Иль тихо спят в лучах торжественной луны.

55

За Томерит⁹⁵ зашло светило дня,
Лаос⁹⁶ несетя с бешеным напором,
Ложится тьма, последний луч тесня,
И, берегом сходя по крутогорам,
Чайльд видит вдруг: подобно метеорам,
Сверкают минареты за стеной.
То Тепелена, людная, как форум,
И говор, шум прислуги крепостной,
И звон оружия доносит бриз ночной.

56

Минуя башню, где гарем священный,
Из-под массивной арки у ворот
Он видит дом владыки Тепелены
И перед ним толпящийся народ.
Тиран в безумной роскоши живет:
Снаружи крепость, а внутри палаты.
И во дворе — разноплеменный сброд:
Рабы и гости, евнухи, солдаты,
И даже, среди них, «сантоны» — те, кто святы.

57

Вдоль стен по кругу, сотни три коней,
На каждом, под седлом, чепрак узорный.
На галереях множество людей,
И то ли вестовой или дозорный,
Какой-нибудь татарин в шапке черной
Вдруг на коня — и скачет из ворот.

⁹⁵ Томерит — гора в Эпире.

⁹⁶ Лаос (точнее, Вайосе) — река в Северной Греции.

Смешались турок, грек, албанец горный,
Приезжие с неведомых широт,
А барабан меж тем ночную зорю бьет.

58

Вот шкипетар,⁹⁷ он в юбке, дикий взор,
Его ружье с насечкою богатой,
Чалма, на платье золотой узор.
Вот македонец — красный шарф трикраты
Вкруг пояса обмотан. Вот в косматой
Папахе, с тяжелой саблею, дели,⁹⁸
Грек, черный раб иль турок бородатый, —
Он соплеменник самого Али.
Он не ответит вам. Он — власть, он — соль земли.

59

Те бродят, те полулежат, как гости,
Следя за пестрой сменою картин.
Там спорят, курят, там играют в кости,
Тут молится Ислама важный сын.
Албанец горд, идет, как властелин.
Ораторствует грек, выдавший много.
Чу! С минарета кличет муэдзин,
Напоминая правоверным строго:
«Молитесь, бог один! Нет бога, кроме бога!»

60

Как раз подходит рамазан, их пост.
День летний бесконечен, но терпенье!
Чуть смеркнется, с явленьем первых звезд.
Берет Веселье в руки управленье.
Еда — навалом, блюда — объеденье!
Кто с галереи в залу не уйдет?
Теперь из комнат крики, хохот, пенье,
Снуют рабы и слуги взад-вперед,
И каждый что-нибудь приносит иль берет.

61

Но женщин нет: пиры — мужское дело.

⁹⁷ Шкипетар — албанец.

⁹⁸ Дели — почетное звание в турецкой армии.

А ей — гарем, надзор за нею строг.
Пусть одному принадлежит всецело,
Для клетки создал мусульманку бог!
Едва ступить ей можно за порог.
Ласкает муж, да год за годом дети,
И вот вам счастья женского залог!
Рожать, кормить — что лучше есть на свете?
А низменных страстей им незнакомы сети.

62

В обширной зале, где фонтан звенит,
Где стены белым мрамором покрыты,
Где все к уладам чувственным манит,
Живет Али, разбойник именитый.
Нет от его жестокости защиты, —
Но старчески почтенные черты
Так дружелюбно-мягки, так открыты,
Полны такой сердечной доброты,
Что черных дел за ним не заподозришь ты.

63

Кому, когда седая борода
Мешала быть, как юноша, влюбленным?
Мы любим, невзирая на года,
Гафиз⁹⁹ согласен в том с Анакреоном.¹⁰⁰
Но на лице, годами заклеянным,
Как тигра коготь, оставляет шрам
Преступность, равнодушная к законам,
Жестокость, равнодушная к слезам.
Кто занял трон убийц — убийством правит сам.

64

Однако странник здесь найдет покой,
Тут все ему в диковинку, все ново,
Он отдохнет охотно день-другой.
Но роскошь мусульманского алькова,
Блеск, мишура — все опостылет снова,
Все было б лучше, будь оно скромней.
И Мир бежит от зрелища такого,
И Наслажденье было бы полней
Без этой роскоши, без царственных затей.

⁹⁹ Гафиз (Хафиз) — выдающийся персидский поэт (1325–1389).

¹⁰⁰ Анакреон (Анакреонт, ок. 570–478 гг. до н. э.) — один из крупнейших древнегреческих поэтов-лириков.

65

В суровых добродетелях воспитан,
Албанец твердо свой закон блюдет.
Он горд и храбр, от пули не бежит он,
Без жалоб трудный выдержит поход.
Он — как гранит его родных высот.
Храня к отчизне преданность сыновью,
Своих друзей в беде не предает
И, движим честию, мщеньем иль любовью,
Берется за кинжал, чтоб смыть обиду кровью.

66

Среди албанцев прожил Чайльд немало.
Он видел их в триумфе бранных дней,
Видал и в час, когда он, жертва шквала,
Спасался от бушующих зыбей.
Душою черствый в час беды черствею,
Но их сердца для страждущих открыты —
Простые люди чтут своих гостей,
И лишь у вас, утонченные бритты,
Так часто не найдешь ни крова, ни защиты.

67

Случилось так, что натром и волной
Корабль Гарольда к Сулии помчалю,
Чернели рифы, и ревел прибой,
Но капитан и не искал причала.
Была гроза, и море бушевало,
Однако люди больше волн и скал
Боялись тут засады и кинжала,
Который встарь без промаха карал,
Когда незванный гость был турок или галл.

68

Но все ж подплыть отважились, и что же —
Их сулиоты¹⁰¹ в бухту провели
(Гостеприимней шаркуна-вельможи
Рыбак иль скромный труженик земли),
Очаг в хибарке и светец зажгли,
Развесили одежды их сырые,

¹⁰¹ Сулиоты — воинственное свободное племя в Албании, потомки бежавших от турецкого гнета греков.

Радужно угостили, чем могли, —
Не так, как филантропы записные,
Но как велят сердца бесхитростно-простые.

69

Когда же дале Чайльд решил идти,
Устав от гор, от дикой их природы,
Ему сказали, что на полпути
Бандитской шайкой заняты проходы,
Там села жгут, там гибнут пешеходы!
Чтоб лесом Акарнании скорей
Пройти туда, где Ахелоя¹⁰² воды
Текут близ этолийских рубежей,
Он взял в проводники испытанных мужей.

70

Где Утракийский круглый спит залив¹⁰³
Меж темных роц, прильнув к холмам зеленым,
И не бушуют волны, отступив,
Но в синий день сверкают синим лоном
Иль зыблются под звездным небосклоном,
Где западные ветры шелестят, —
Гарольд казался тихо умиленным,
Там был он принят, как любимый брат,
И радовался дню, и ночи был он рад.

71

На берегу огни со всех сторон,
Гостей обходят чаши круговые.
И кажется, чудесный видит сон,
Тому, кто видит это все впервые.
Еще краснеют небеса ночные,
Но игры начинать уже пора.
И паликары,¹⁰⁴ сабли сняв кривые
И за руки берясь, вокруг костра
Заводят хоровод и пляшут до утра.

72

¹⁰² Ахелой — древнегреческое название реки Аспропотамос.

¹⁰³ Утракийский залив — на побережье Ионического моря.

¹⁰⁴ Паликары — солдаты турецкой армии, говорящие на новогреческом языке.

Поодаль стоя, Чайльд без раздраженья
Следил за веселящейся толпой.
Не оскорбляли вкуса их движенья,
И не было вульгарности тупой
Во всем, что видел он перед собой.
На смуглых лицах пламя грозно рдело,
Спадали космы черною волной,
Глаза пылали сумрачно и смело,
И все, что было здесь, кричало, выло, пело.

Тамбурджи, тамбурджи!¹⁰⁵ Ты будишь страну,
Ты, радуя храбрых, пророчишь войну,
И с гор киммериец¹⁰⁶ на зов твой идет,
Иллирии сын и смельчак сулиот.

Косматая шапка, рубаха как снег.
Кто может сдержатъ сулиота набег?
Он, волку и грифу оставив стада,
Свергается в дол, как с утеса вода.

Ужель киммериец врага пощадит?
Он даже друзьям не прощает обид.
И месть его пуле, как честь, дорога —
Нет цели прекрасней, чем сердце врага!

А кто македонца осилит в бою?
На саблю он сменит охоту свою.
Вот жаркая кровь задымилась на ней,
И шарф его красный от крови красней.

Паргийским пиратам¹⁰⁷ богатый улов:
Французам дорога на рынок рабов!
Галеры хозяев своих подождут.
Добычу в лесную пещеру введут.

Нам золото, роскошь и блеск ни к чему —
Что трус покупает, я саблей возьму.
Ей любо красавиц чужих отнимать,

¹⁰⁵ Тамбурджи — барабан, барабанщик.

¹⁰⁶ Киммериец — житель Химерских гор.

¹⁰⁷ *Паргийский пират.* — Парга — морской порт в Албании во владениях Али-паши Тепеленского.

Пусть горько рыдает о дочери мать.

Мне ласка красавицы слаще вина,
Кипящую кровь успокоит она
И в песне прославит мой подвиг и бой,
Где пал ее брат иль отец предо мной.

Ты помнишь Превезу?¹⁰⁸ О, сладостный миг!
Бегущих мольбы, настигающих крик!
Мы предали город огню и мечу, —
Безвинным пощада, но смерть богачу!

Кто служит визирю, тот знает свой путь.
И жалость и страх, шкипетар, позабуди!
С тех пор как Пророк удалился с земли,
Вождей не бывало подобных Али.

Мухтар, его сын, — у Дуная-реки.
Там гонят гяуров его бунчуки,
Их волосы желты, а лица бледны.
Из русских второй не вернется с войны.

Так саблю вождя обнажай, селиктар!¹⁰⁹
Тамбурджи! Твой зов — это кровь и пожар.
Клянемся горам, покидая свой дом:
Погибнем в бою иль с победой придем.

73

Моя Эллада, красоты гробница!
Бессмертная и в гибели своей,
Великая в паденье! Чья десница
Сплотит твоих сынов и дочерей?
Где мощь и непокорство прошлых дней,
Когда в неравный бой за Фермопилы¹¹⁰
Шла без надежды горсть богатырей?

¹⁰⁸ Ты помнишь Превезу? — В 1798 г. город Превеза был отбит у Франции войсками Али-паши Тепеленского.

¹⁰⁹ Селиктар — оруженосец.

¹¹⁰ ...неравный бой за Фермопилы... — В 480 г. до н. э. 300 спартанцев под командованием спартанского царя Леонида до последнего человека отстаивали стратегически важный проход в горную теснину Фермопилы, сдерживая натиск многократно превосходивших сил армии персидского царя Ксеркса.

И кто же вновь твои разбудит силы
И воззовет тебя, Эллада, из могилы?

74

Когда за вольность бился Фразибул,¹¹¹
Могли ль поверить гордые Афины,
Что покорит их некогда Стамбул
И ввергнет в скорбь цветущие долины.
И кто ж теперь Эллады властелины?
Не тридцать их — кто хочет, тот и князь.
И грек молчит, и рабы гнутся спины,
И, под плетью турецкими смирясь,
Простерлась Греция, затоптанная в грязь.

75

Лишь красоте она не изменила,
И странный блеск в глазах таит народ,
Как будто в нем еще бывшая сила
Неукротимой вольности живет.
Увы! Он верит, что не вечен гнет,
Но веру он питает басней вздорной,
Что помощь иноземная придет,
И раздробит ярем его позорный,
И вырвет слово «грек» из книги рабства черной.

76

Рабы, рабы! Иль вами позабыт
Закон, известный каждому народу?
Вас не спасут ни галл, ни московит,
Не ради вас готовят их к походу,
Тиран падет, но лишь другим в угоду.
О Греция! Восстань же на борьбу!
Раб должен сам добыть себе свободу!
Ты цепи обновишь, но не судьбу.
Иль кровью смыть позор, иль быть рабом рабу!

77

Когда-то город силой ятаганов
Был у гяура отнят. Пусть опять

¹¹¹ ...за вольность бился Фразибул... — Афинский политический деятель, сторонник рабовладельческой демократии, изгнанный из Афин в 403 г. до н. э. аристократическим по составу «советом тридцати». Собрал сильный отряд, овладев Афинами, избавил город от ненавистной олигархии «тридцати тиранов».

Гяур османа¹¹² вытеснит, воспрянув,
И будет франк¹¹³ в серале пировать,
Иль ваххабит,¹¹⁴ чей предок, словно тать,
Разграбил усыпальницу Пророка,
Пойдет пятою Запад попирать, —
К тебе Свобода не преклонит ока,
И снова будет раб нести ярмо без срока.

78

Но как-никак перед постом их всех
К веселью тянет. Нужно торопиться:
Ведь скоро всем, за первородный грех,
Весь день не есть, потом всю ночь молиться.
И вот, поскольку ждет их власяница,
Дней пять иль шесть веселью нет преград.
Чем хочешь, можешь тайно насладиться,
Не то кидайся в карнавальный чад,
Любое надевай — и марш на маскарад!

79

Веселью, как безудержной стихии,
Стамбул себя всецело отдает.
Хотя тюрбаны чванствуют в Софии,
Хотя без храма греческий народ
(Опять о том же стих мой слезы льет!),
Дары Свободы славя в общем хоре,
К веселью звал Афины их рапсод,
Но лишь Притворство радуется в горе,
И все же праздник бьет весельем на Босфоре.

80

Беспечной, буйной суматохе в лад
Звучит, меняясь, хор без перерыва.
А там, вдали, то весла зашумят,
То жалуются волны сиротливо.

¹¹² Осман. — Так называли малоазиатских турок, проживавших на территории Османской империи, которая была основана эмиром Османом I (1258–1326) и названа его именем.

¹¹³ Франки — племена западных германцев, образовавшие в V в. Франкское государство.

¹¹⁴ Ваххабиты — последователи Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба (1703–1787) и участники религиозного движения среди бедуинов Неджа на Аравийском полуострове в середине XVIII в. В начале XIX в. подчинили государства Недж и Хиджас с городами Меккой и Мединой. Проповедуя единобожие и простоту, уничтожили храмы местных святых и сняли роскошные украшения с гробницы Магомета.

Но вдруг промчался ветер от залива,
И кажется, покинув небосвод,
Владычица прилива и отлива,
Чтоб веселее праздновал народ,
Сама, удвоив свет, сияет в глуби вод.

81

Качает лодки чуткая волна,
Порхают в пляске дочери Востока.
Конечно, молодежи не до сна,
И то рука, то пламенное око
Зовут к любви, и страсть, не выждав срока.
Касаньем робким сердце выдает.
Любовь, Любовь! Добра ты иль жестока,
Пусть там циник что угодно врет, —
И годы мук не жаль за дни твоих щедрот!

82

Но неужели в вихре маскарада
Нет никого, кто вспомнил бы о том,
Что умерло с тобой, моя Эллада;
Кто слышит даже в рокоте морском
Ответ на боль, на слезы о былом;
Кто презирает этот блеск нахальный
И шум толпы, ликующей кругом;
Кто в этот час, для Греции печальный,
Сменил бы свой наряд на саван погребальный.

83

Нет, Греция, тот разве патриот,
Кто, болтовнею совесть успокоя,
Тирану льстит, покорно шею гнет
И с видом оскорбленного героя
Витийствует и прячется от боя.
И это те, чьих дедов в оны дни
Страшился перс и трепетала Троя!
Ты все им дать сумела, но взгляни:
Не любят матери истерзанной они.

84

Когда сыны Лакедемона¹¹⁵ встанут

¹¹⁵ ...сыны Лакедемона... — спартанцы.

И возродится мужество Афин,
Когда сердца их правнуков воспрянут
И жены вновь начнут рождать мужчин,
Ты лишь тогда воскреснешь из руин.
Тысячелетья длится рост державы,
Ее низвергнуть — нужен час один,
И не вернут ей отошедшей славы
Ни дальновидный ум, ни злата звон лукавый.

85

Но и в оковах ты кумир веков,
К тебе — сердец возвышенных дороги,
Страна, людьми низвергнутых богов,
Страна людей прекрасных, точно боги.
Долины, рощи, гор твоих отроги
Хранят твой дух, твой гений, твой размах.
Разбиты храмы, рушатся чертоги,
Развеялся твоих героев прах,
Но слава дел твоих еще гремит в веках.

86

И ныне среди мраморных руин,
Пред колоннадой, временем разбитой,
Где встарь сиял воздушный храм Афин,
Венчая холм, в столетьях знаменитый,
Иль над могилой воина забытой,
Среди непо потревоженной травы,
Лишь пилигрим глядит на эти плиты,
Отшельник, чуждый света и молвы,
И, сумрачно вздохнув, как я, шепнет: увы!

87

Но ты жива, священная земля,
И так же Фебом пламенным согрета.
Оливы пышны, зелены поля,
Багряны лозы, светел мед Гимета.
Как прежде, в волнах воздуха и света
Жужжит и строит влажный сот пчела.
И небо чисто, и роскошно лето.
Пусть умер гений, вольность умерла, —
Природа вечная прекрасна и светла.

88

И ты ни в чем обыденной не стала,

Страной чудес навек осталась ты.
Во всем, что детский ум наш воспитало,
Что волновало юные мечты,
Ты нам являешь верные черты
Не вымысла, но подлинной картины.
Пусть Время рушит храмы иль мосты.
Но море есть, и горы, и долины,
Не дрогнул Марафон,¹¹⁶ хоть рухнули Афины.

89

Не землю ты, не солнце в небесах,
Лишь господина, став рабой, сменила.
В бескрылом рабстве гений твой исчах,
И только Слава крылья сохранила.
Меж этих гор — персидских орд могила.
Эллады нет, но слово «Марафон»,¹¹⁷
С которым ты навек себя сроднила,
Являет нам из глубины времен
Теснину, лязг мечей, и кровь, и павших стон,

90

Мидян¹¹⁸ бегущих сломанные луки,
И гибель перса, и позор его,
Холмы, и дол, и берегов излуки,
И победивших греков торжество.
Но где трофеи гнева твоего,
Край, где Свободой Азия разбита?
Ни росписей, ни статуй — ничего!
Все вор унес, твоя земля разрыта,
И топчут пыль коня турецкого копыта.

91

И все же ты, как в древности, чудесен,
Ты каждой гранью прошлого велик,

¹¹⁶ Марафон. — Здесь Байрон говорит о Марафонской равнине в Аттике, на берегу моря, которую он посетил 25 января 1810 г.

¹¹⁷ «Марафон» (Марафонская битва) — первое крупное сражение во время греко-персидских войн (13 сентября 490 г. до н. э.), в котором греческие войска одержали победу над превосходящими силами персидского царя Дария I не только благодаря лучшему вооружению, но и ввиду непоколебимой стойкости воинов, отстаивавших независимость своей родины. Победа персов несла грекам рабство.

¹¹⁸ Мидяне (точнее, мидийцы) — жители раннерабовладельческого государства Мидия, завоеванного персами в VI в. до н. э.

Заветный край героев, битв и песен,
Где родился божественный язык,
Что и в пределы Севера проник
И зазвучал, живой и юный снова,
В сердцах горячих, на страницах книг,
Искусства гордость, мудрости основа,
Богов и светлых муз возвышенное слово.

92

В разлуке мы тоскуем о родном,
О доме, где в слезах нас провожали,
Но одинокий здесь найдет свой дом,
И он вздохнет о родине едва ли.
Все в Греции сродни его печали,
Все родственней его родной земли.
И прах богов не отряхнет с сандалий,
Кто был в краю, где Дельфы встарь цвели,
Где бились перс и грек и рядом смерть нашли.

93119

Он здесь для сердца обретет покой,
Один бродя в магической пустыне,
Но пусть не тронет хищною рукой
Уже полурасхищенной святыни
Народа, миром чтимого доныне,
Пускай достойно имя «бритт» несет
И, приобщась великой благостыни,
Вернется под родимый небосвод,
Где в Жизни и Любви прибежище найдет.

94

А ты, кто гнал тоску глухих ночей,
Безвестные нанизывая строки,
В шумихе современных рифмачей
Не прозвучит твой голос одинокий.
Пройдут судьбой отмеренные сроки,
Другие лавр увядший подберут,
Но что тебе хвалы или упреки
Без них, без тех, кто был твой высший суд,
Кого ты мог любить, кому вверял свой труд.

95

¹¹⁹ Строфы 93–98 второй песни, так же как 8 и 9, написаны Байроном по возвращении в Англию в 1811 г.

Их нет, как нет, красавица, тебя,
Любимая, кто всех мне заменила,¹²⁰
Кто все прощать умела мне, любя,
И клевете меня не уступила.
Что жизнь моя! Тебя взяла могила,
Ты страннику не кинешься на грудь,
Его удел — вздыхать о том, что было,
Чего судьбе вовеки не вернуть, —
Придет, войдет в свой дом и вновь — куда-нибудь.

96

Возлюбленная, любящая вечно,
Единственная! Скорбь не устает
К былому возвращаться бесконечно.
Твой образ даже время не сотрет.
Хоть все похитил дней круговорот —
Друзей, родных, тебя, кто мир вместила!
О, смерть! Как точен стрел ее полет!
Все, чем я жил, чудовищная сила
Внезапно унесла, навеки поглотила.

97

Так что ж, иль в омут чувственных утех,
К пирам вернуться, к светским карнавалам,
Где царствует притворный, лживый смех,
Где всюду фальшь — равно в большом и малой,
Где чувство, мысль глушат весельем шалым, —
Играть себе навязанную роль,
Чтоб дух усталый стал вдвойне усталым,
И, путь слезам готова исподволь,
С презреньем деланным в улыбке прятать боль.

98

Что в старости быстрее всяких бед
Нам сеть морщин врезает в лоб надменный?
Сознание, что близких больше нет,
Что ты, как я, один во всей вселенной.
Склоняюсь пред Карающим, смиренный, —
Дворцы Надежды сожжены дотла.
Катитесь, дни, пустой, бесплодной сменой!

¹²⁰ *Любимая, кто всех мне заменила...* — Строфы 95–96 поэт посвятил памяти любимой женщины, умершей после его возвращения в Англию. Ей посвящены стихотворения, в которых Байрон называет ее условным именем Тирза.

Все жизнь без сожаленья отняла,
И молодость моя, как старость, тяжела.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ¹²¹

Afin que cette application vous forçât de penser à autre chose; il n'y a en vérité de remède que celui-là et le temps.

Lettre du Roi de Prusse à D'Alembert, Sept. 7, 1776.¹²²

1

Дочь сердца моего, малютка Ада!¹²³
Похожа ль ты на мать? В последний раз.

¹²¹ Песнь третью поэмы Байрон начал в первых числах мая 1816 г. Закончил в Уши, близ Лозанны, 27 июня 1816 г.

Автограф песни третьей, переписанный Байроном набело с черновой рукописи и врученный им его другу Бердмору Скропу Дэвису (1783–1852), в течение 160 лет считался утраченным. В 1976 г. в Англии появились газетные сообщения о том, что в подвале одного из лондонских банков был обнаружен дорожный чемодан, в котором находился автограф песни третьей поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», ряд рукописей стихотворений поэта Перси Биши Шелли и других документов.

Опубликована песнь третья была 18 ноября 1816 г. по копии, сделанной по просьбе Байрона с автографа Клэр Клермонт — сводной сестрой Мэри Шелли (жены поэта) — и исправленной и дополненной Байроном. 11 сентября 1816 г., по приезде в Лондон, Шелли вручил ее издателю Дж. Меррею.

На рукописи упомянутой копии песни третьей рукой Байрона внесена помета: «Примечания к этой копии — более полные и исчерпывающие, чем в автографе. В ней также на одну строфу больше. Байрон, 10 июля 1816».

¹²² Пусть это занятие заставит вас думать о другом; только оно, да еще время способны вас излечить. *Письмо короля Пруссии Д'Аламберу, 7 сент. 1776 (франц.).*

Эпиграф к песни третьей взят Байроном из письма Фридриха II, короля Пруссии (1740–1786), к Жану Лерону Д'Аламберу (1717–1783), философу, математику и филологу, потерявшему друга.

¹²³ Ада — Ада Августа Байрон, дочь поэта. Родилась 10 декабря 1815 г., умерла 27 ноября 1852 г. В последний раз Байрон видел ее в Лондоне 15 января 1816 г.

Когда была мне суждена отрада
Улыбку видеть синих детских глаз,
Я отплывал — то был Надежды час.
И вновь плыву,¹²⁴ но все переменялось.
Куда плыву я? Шторм встречает нас.
Сон обманул... И сердце не забилося,
Когда знакомых скал гряда в тумане скрылась.

2

Как славный конь, узнавший седока,
Играя, пляшут волны подо мною.
Бушуйте, вихри! Мчитесь, облака!
Я рад кипенью, грохоту и вою.
Пускай дрожат натянутой струною
И гнутся мачты в космах парусов!
Покорный волнам, ветру и прибою,
Как смытый куст по прихоти валов,
Куда угодно плыть отныне я готов.

3

В дни молодости пел я об изгое,
Бежавшем от себя же самого,
И снова принимаюсь за былое,
Ношу с собой героя своего,
Как ветер тучи носит, — для чего?
Следы минувших слез и размышлений
Отливом стерты, прошлое мертво,
И дни влекутся к той, к последней смене
Глухой пустынею, где ни цветка, ни тени.

4

С уходом милой юности моей
Каких-то струн в моей душе не стало,
И лиры звук фальшивей и тусклей.
Но если и не петь мне, как бывало,
Пою, чтоб лира сон мой разогнала,
Себялюбивых чувств бесплодный сон.
И я от мира требую так мало:
Чтоб автора забвенью предал он,
Хотя б его герой был всеми осужден.

5

¹²⁴ *И вновь плыву...* — Байрон покинул Англию во второй и последний раз 25 апреля 1816 г.

Кто жизнь в ее деяниях постиг,
Кем долгий срок в земной юдоли прожит,
Кто ждать чудес и верить в них отвык,
Чье сердце жажда славы не тревожит,
И ни любовь, ни ненависть не гложет,
Тому остался только мир теней,
Где мысль уйти в страну забвенья может,
Где ей, гонимой, легче и вольней
Меж зыбких образов, любимых с давних дней.

6

Их удержать, облечь их в плоть живую,
Чтоб тень была живее нас самих,
Чтоб в слове жить, над смертью торжествуя, —
Таким увидеть я хочу мой стих.
Пусть я ничтожен — на крылах твоих,
О мысль, твоим рождением ослепленный,
Но, вдруг прозрев незримо для других,
Лечу я ввысь, тобой освобожденный,
От снов бесчувственных для чувства пробужденный.

7

Безумству мысли надобна узда.
Я мрачен был, душой печаль владела.
Теперь не то! В минувшие года
Ни в чем не ставил сердцу я предела.
Фантазия виденьями кипела.
И ядом стал весны моей приход.
Теперь душа угасла, охладела.
Учусь терпеть неотвратимый гнет
И не корить судьбу, вкушая горький плод.

8

На этом кончим! Слишком много строф
О той поре, уже невозвратимой.
Из дальних странствий под родимый кров
Гарольд вернулся, раною томимый,
Хоть не смертельной, но неисцелимой.
Лишь Временем он сильно тронут был.
Уносит бег его неумолимый
Огонь души, избыток чувств и сил,
И, смотришь, пуст бокал, который пеной бил.

9

До срока чашу осушив свою
И ощущая только вкус полыни,
Он зачерпнул чистойшую струю,
Припав к земле, которой чтит святыни.
Он думал — ключ неистощим отныне,
Но вскоре снова стал грустней, мрачней
И понял вдруг в своем глубоком сплине,
Что нет ему спасенья от цепей,
Врезающихся в грудь все глубже, все больней.

10

В скитаньях научившись хладнокровью,
Давно считая, что страстями сыт,
Что навсегда простился он с любовью,
И равнодушие, как надежный щит,
От горя и от радости хранит,
Чайльд ищет вновь среди вихря светской моды,
В толкучке зал, где суета кипит,
Для мысли пищу, как в былые годы
Под небом стран чужих, среди чудес природы.

11

Но кто ж, прекрасный увидав цветок,
К нему с улыбкой руку не протянет?
Пред красотой румяных юных щек
Кто не поймет, что сердца жар не вянет?
Желанье славы чьей души не ранит,
Чьи мысли не пленит ее звезда?
И снова Чайльд пустым круженьем занят
И носится, как в прежние года,
Лишь цель его теперь достойней, чем тогда.

12

Но видит он опять, что не рожден
Для светских зал, для чуждой их стихии,
Что подчинять свой ум не может он,
Что он не может мыслить, как другие.
И хоть сжигала сердце в дни былые
Язвительная мысль его, но ей
Он мненья не навязывал чужие.
И в гордости безрадостной своей
Он снова ищет путь — подальше от людей.

13

Среди пустынных гор его друзья,
Средь волн морских его страна родная,
Где так лазурны знойные края,
Где пенятся буруны, набегая.
Пещеры, скалы, чаша вековая —
Вот чей язык в его душе поет.
И, свой родной для новых забывая,
Он книгам надоевшим предпочтет
Страницы влажные согретых солнцем вод.

14

Он, как халдей, на звезды глядя ночью
И населяя жизнью небосвод,
Тельца, Дракона видеть мог воочью.
Тогда, далекий от людских забот,
Он был бы счастлив за мечтой в полет
И душу устремить. Но прах телесный
Пылать бессмертной искре не дает,
Как не дает из нашей кельи тесной,
Из тяжких пут земных взлететь в простор небесный.

15

Среди людей молчит он, скучен, вял,
Но точно сокол, сын нагорной чащи,
Отторгнутый судьбой от вольных скал,
С подрезанными крыльями сидящий
И в яростном бессилии все чаще
Пытающийся проволочный свод
Ударами груди кровотокающей
Разбить и снова ринуться в полет —
Так мечется в нем страсть, не зная, где исход.

16

И вновь берет он посох пилигрима,
Чтобы в скитаньях сердце отошло.
Пусть это рок, пусть жизнь проходит мимо,
Презренью и отчаянью назло
Он призовет улыбку на чело.
Как в миг ужасный кораблекрушенья
Матросы хлещут спирт — куда ни шло!
И с буйным смехом ждут судеб свершенья,
Так улыбался Чайльд, не зная утешенья.

17125

Ты топчешь прах Империи,¹²⁶ — смотри!
Тут Славу опозорила Беллона.
И не воздвигли статую цари?
Не встала Триумфальная колонна?
Нет! Но проснитесь, — Правда непреклонна:
Иль быть Земле и до скончания дней
Все той же? Кровь удобрила ей лоно,
Но мир на самом страшном из полей
С победой получил лишь новых королей.¹²⁷

18

О Ватерлоо,¹²⁸ Франции могила!
Гарольд стоит над кладбищем твоим.
Он бил, твой час, — и где ж Величье, Сила?
Все — Власть и Слава — обратилось в дым.
В последний раз, еще непобедим,
Взлетел орел — и пал с небес, пронзенный,
И, пустотой бесплодных дней томим,
Влачит он цепь над бездною соленой,¹²⁹ —
Ту цепь, которой мир душил закабаленный.

19

Урок достойный! Рвется пленный галл,
Грызет узду, но где триумф Свободы?
Иль кровь лилась, чтоб он один лишь пал,
Или, уча монархов чтить народы,
Изведал мир трагические годы,
Чтоб вновь попрасть для рабства все права,
Забывать, что все равны мы от природы?

¹²⁵ Строфы 17–45 были написаны Байроном под впечатлением посещения поля битвы Ватерлоо в апреле 1816 г., то есть менее чем через год после кровопролитного сражения.

¹²⁶ *Ты топчешь прах Империи...* — Поражение наполеоновских войск в сражении при Ватерлоо привело к падению наполеоновской империи.

¹²⁷ *Но мир на самом страшном из полей // С победой получил лишь новых королей.* — В годы реставрации и торжества дворянско-монархической реакции десятки новых королей и герцогов заняли троны во многих странах Европы.

¹²⁸ Ватерлоо — историческая битва при поселке Ватерлоо, близ Брюсселя, 18 июня 1815 г., в которой англо-голландские и прусско-саксонские войска под командованием А. Веллингтона и Г. Л. Блюхера нанесли армии Наполеона сокрушительный удар.

¹²⁹ *...Влачит он цепь над бездною соленой...* — После Ватерлоо Наполеон сдался в плен англичанам и был сослан на остров Св. Елены.

Как? Волку льстить, покончив с мощью Льва?
Вновь славить троны? Славь — но испытай сперва.

20

То смерть не тирании — лишь тирана.
Напрасны были слезы нежных глаз
Над прахом тех, чей цвет увял так рано,
Чей смелый дух безвременно угас.
Напрасен был и страх, томивший нас,
Мильоны трупов у подножья трона,
Союз народов, что Свободу спас, —
Нет, в миртах меч — вот лучший страж Закона, —
Ты, меч Гармодия, меч Аристокитона!¹³⁰

21

В ночи огнями весь Брюссель сиял,¹³¹
Красивейшие женщины столицы
И рыцари стеклись на шумный бал.
Сверкают смехом праздничные лица.
В такую ночь все жаждет веселиться,
На всем — как будто свадебный наряд,
Глаза в глазах готовы раствориться,
Смычки блаженство томное сулят.
Но что там? Странный звук! — Надгробный звон? Набат?

22

Ты слышал? — Нет! А что? — Гремит карета,
Иль просто ветер ставнями трясет.
Танцуйте же! Сон изгнан до рассвета,
Настал любви и радости черед.
Они ускоряют времени полет.
Но тот же звук! Как странно прогудело!
И словно вторит эхом небосвод.
Опять? Все ближе! А, так вот в чем дело!
К оружию! Пушки бьют! И все вдруг закипело.

23

¹³⁰ ...в миртах меч... меч Гармодия, меч Аристокитона! — Гармодий и Аристокитон в 514 г. до н. э. убили тирана Афин Гиппарха кинжалами, спрятанными в ветках мирта.

¹³¹ В ночи огнями весь Брюссель сиял... — 15 июня 1815 г. в Брюсселе с ведома командования союзных войск был дан бал, на котором присутствовало значительное число офицеров английской и голландской армий. На рассвете 16 июня началась битва при Катр-Бра близ Брюсселя — пролог Ватерлоо.

В одной из зал стоял перед окном
Брауншвейгский герцог.¹³² Первый в шуме бала
Услышал он тот странный дальний гром,
И, хоть кругом веселье ликовало,
Он понял: Смерть беспечных вызывала,
И, вспомнив, как погиб его отец,
Вскочил, как от змеиного ужала, —
И на коня! И умер как храбрец!
Он, кровью мстя за кровь, нашел в бою конец.

24

Все из дворца на улицу спешат,
И хмель слетает с тех, кто были пьяны.
И бледны щеки те, что час назад
От нежной лести были так румяны.
Сердцам наносят тягостные раны
Слова прощанья, страх глядит из глаз.
Кто угадает жребий свой туманный,
Когда в ночи был счастьем каждый час, —
Но ужасом рассвет пирующих потряс.

25

Военные бегут со всех сторон,
Прносятся связные без оглядки,
Выходит в поле первый эскадрон,
Командой прерван сон пехоты краткий,
И боевые строятся порядки.
А барабан меж тем тревогу бьет,
Как будто гонит мужества остатки.
Толпа все гуще, в панике народ,
И губы бледные твердят: «Враг! Враг идет!»

26

Но грянул голос: «Кемроны, за мной!»¹³³
Клич Лохьела, что, кланы созывая,
Гнал гордых саксов с Элбина долой;
Подъемлет визг волынка боевая,
Тот ярый дух в шотландцах пробуждая,
Что всем врагам давать отпор умел, —

¹³² Брауншвейгский герцог — Фридрих-Вильгельм (1771–1815), убит в битве при Катр-Бра. Отец герцога Карл Вильгельм Фердинанд (1735–1806) погиб в бою с наполеоновскими войсками при Ауэрштедте.

¹³³ «Кемроны, за мной!» — боевая песня шотландского клана кемронов.

То кланов честь, их доблесть родовая,
Дух грозных предков и геройских дел,
Что славой Эвана и Дональда гремел.

27

Вот принял их Арденн¹³⁴ зеленый кров,
От слез природы влажные дубравы.
Ей ведом жребий юных смельчаков:
Как смятые телами павших травы,
К сырой земле их склонит бой кровавый.
Но май придет — и травы расцвели,
А те, кто с честью пал на поле славы,
Хоть воплощенной доблестью пришли,
Истлеют без гробов в объятиях земли.

28

День видел блеск их жизни молодой,
Их вечер видел среди гурий бала,
Их ночь видала собранными в строй,
И сильным войском утро увидало.
Но в небе туча огненная встала,
Извергла дым и смертоносный град,
И что цвело-кровавой грязью стало,
И в этом красном месиве лежат
Француз, германец, бритт — на брата вставший брат.

¹³⁴ Арденны. — Байрон ошибочно называет лес Суаньи Арденнским.

29

Воспет их подвиг был и до меня,¹³⁵
Их новое восславит поколение,
Но есть один среди них — он мне родня, —
Его отцу нанес я оскорбленье.¹³⁶
Теперь, моей ошибки в искупленье,
Почту обоих. Там он был в строю.
Он грудью встретил вражье наступленье
И отдал жизнь и молодость свою,
Мой благородный друг, мой Говард, пал в бою.

30

Все плакали о нем, лишь я не мог,
А если б мог, так что бы изменилось?
Но, стоя там, где друг мой в землю слег,
Где — вслед за ним увядшая — склонилась
Акация, а поле колосилось,
Приветствуя и солнце и тепло, —
Я был печален: сердце устремилось
От жизни, от всего, что вновь цвело,
К тем, воскресить кого ничто уж не могло.

31

Их тысячи — и тысячи пустот
Оставил сонм ушедших за собою.
Их не трубою Славы воззовет
Великий день, назначенный судьбою,
Но грозного архангела трубою.
О, если б дать забвение живым!
Но ведь и Слава не ведет к покою:
Она придет, уйдет, пленясь другим, —
А близким слезы лить о том, кто был любим.

32

Но слезы льют с улыбкою сквозь слезы:
Дуб долго сохнет, прежде чем умрет.

¹³⁵ *Воспет их подвиг был и до меня...* — Байрон имеет в виду поэму В. Скотта «Поле Ватерлоо», опубликованную в 1815 г.

¹³⁶ *...один среди них — он мне родня, — // Его отцу нанес я оскорбленье.* — Фредерик Говард, родственник Байрона, погиб в битве при Ватерлоо. Его отца — лорда Карлейля поэт неумышленно задел в поэме «Английские барды и шотландские обозреватели».

В лохмотьях парус, киль разбили грозы,
И все же судно движется вперед.
Гниют подпоры, но незыблем свод,
Зубцы ломает вихрь, но крепки стены,
И сердце, хоть разбитое, живет
И борется в надежде перемены.
Так солнце застит мгла, но день прорвется пленный.

33

Так — зеркало, где образ некий зрим:
Когда стеклу пора пришла разбиться,
В любом осколке, цел и невредим,
Он полностью, все тот же, отразится.
Он и в разбитом сердце не дробится,
Где память об утраченном жива.
Душа исходит кровью, и томится,
И сохнет, как измятая трава,
Но втайне, но без слов, — да и на что слова?

34

В отчаянье есть жизнь — пусть это яд, —
Анчара корни только ядом жили.
Казалось бы, и смерти будешь рад,
Коль жизнь тяжка. Но, полный смрадной гнили,
Плод Горя всеми предпочтен могиле.
Так яблоки на Мертвом море есть,
В них пепла вкус, но там их полюбили.
Ах, если б каждый светлый час зачесть
Как целый год, — кто б жил хотя б десятков шесть?

35

Псалмист измерил наших дней число,
И много их, — мы в жалобах не правы.
Но Ватерлоо тысячи смело,
Прервав ужасной эпопеи главы.
Его для поэтической забавы
Потомки звучно воспоют в стихах:
«Там взяли верх союзные державы,
Там были наши прадеды в войсках!» —
Вот все, чем этот день останется в веках.

36

Сильнейший там, но нет, не худший пал.¹³⁷
В противоречьях весь, как в паутине,
Он слишком был велик и слишком мал,
А ведь явись он чем-то посредине,
Его престол не дрогнул бы донныне
Иль не воздвигся б вовсе. Дерзкий пыл
Вознес его и приковал к пучине,
И вновь ему корону возвратил,¹³⁸
Чтоб, театральный Зевс, опять он мир смутил.

37

Державный пленник, бравший в плен державы,
Уже ничтожный, потерявший трон,
Ты мир пугаешь эхом прежней славы.
Ее капризом был ты вознесен,
И был ей люб свирепый твой закон.
Ты новым богом стал себе казаться,
И мир, охвачен страхом, потрясен,
Готов был заклеить как святотатца
Любого, кто в тебе дерзнул бы сомневаться.

38

Сверхчеловек, то низок, то велик,
Беглец, герой, смиритель усмиренный,
Шагавший вверх по головам владык,
Шатавший императорские троны,
Хоть знал людей ты, знал толпы законы,
Не знал себя, не знал ты, где беда,
И, раб страстей, кровавый жрец Беллоны,
Забыл, что потухает и звезда
И что дразнить судьбу не надо никогда.

39

Но, презирая счастья перемены,
Врожденным хладнокровием храним,
Ты был незыблем в гордости надменной
И, мудрость это иль искусный грим,
Бесил врагов достоинством своим.
Тебя хотела видеть эта свора
Просителем, униженным, смешным,

¹³⁷ *Сильнейший там... не худший пал.* — В строфах 36–46 Байрон говорит о Наполеоне.

¹³⁸ *...вновь ему корону возвратил...* — Байрон имеет в виду «Сто дней» пребывания Наполеона во Франции после бегства с острова Эльбы!

Но, не склонив ни головы, ни взора,
Ты ждал с улыбкою спокойной приговора.

40

Мудрец в несчастье! В прежние года
Ты презирал толпы покорной мненье,
Весь род людской ты презирал тогда,
Но слишком явно выражал презренье.
Ты был в нем прав, но вызвал раздраженье
Тех, кто в борьбе возвысил жребий твой:
Твой меч нанес тебе же поражение.
А мир — не стоит он игры с судьбой!
И это понял ты, как все, кто шел с тобой.

41

Когда б стоял и пал ты одинок,
Как башня, с гор грозящая долинам,
Щитом презренье ты бы сделать мог,
Но средь миллионов стал ты властелином,
Ты меч обрел в восторге толп едином,
А Диогеном не был ты рожден,
Ты мог скорее быть Филиппа сыном,¹³⁹
Но, циник, узурпировавший трон,
Забыл, что мир велик и что не бочка он.

42

Спокойствие для сильных духом — ад.
Ты проклят был: ты жил дерзаньем смелым,
Огнем души, чьи крылья ввысь манят,
Ее презреньем к нормам закоснелым,
К поставленным природою пределам.
Раз возгорясь, горит всю жизнь оно,
Гоня покой, живя великим делом,
Неистребимым пламенем полна,
Для смертных роковым в любые времена.

43

Им порожден безумцев род жестокий,
С ума сводящий тысячи людей,
Вожди, сектанты, барды и пророки, —
Владыки наших мнений и страстей,

¹³⁹ *Филиппа сын.* — Александр Македонский был сыном македонского царя Филиппа II.

Творцы систем, апостолы идей,
Счастливы? Нет! Иль счастье им не лгало?
Людей дурача, всех они глупей.
И жажды власти Зависть бы не знала,
Узнав, как жалит их душевной муки жало.

44

Их воздух — распря, пища их — борьба.
Крушит преграды жизнь их молодая,
В полете настигает их судьба,
В их фанатизме — сила роковая.
А если старость подошла седая
И скуки и бездействия позор —
Их смелый дух исчахнет, увядая:
Так догорит без хвороста костер,
Так заржавеет меч, когда угас раздор.

45

Всегда теснятся тучи вокруг вершин,
И ветры хлещут крутизну нагую.
Кто над людьми возвысится один,
Тому идти сквозь ненависть людскую.
У ног он видит землю, синь морскую
И солнце славы — над своим челом.
А вьюга свищет песню колдовскую,
И грозно тучи застыт окоем:
Так яростный, как смерч, вознагражден подъем.

46

Вернемся к людям! Истина таится
В ее твореньях да еще в твоих,
Природа-мать. И там, где Рейн струится,
Тебя не может не воспеть мой стих.
Там средоточье всех красот земных.
Чайльд видит рощи, горы и долины,
Поля, холмы и виноград на них,
И замки, чьи угасли властелины,
Печали полные замшелые руины.

47

Они, как духи гордые, стоят
И сломленные высясь над толпою.
В их залах ветры шальные свистят,
Их башни дружат только меж собою,

Да с тучами, да с твердью голубою.
А в старину бывало здесь не так:
Взвивался флаг, труба сзывала к бою.
Но спят бойцы, истлел и меч и стяг,
И в стены черные не бьет тараном враг.

48

Меж этих стен гнезвился произвол,
Он жил враждой, страстями и разбоем.
Иной барон вражду с соседом вел,
Но мнил себя не богом, так героем.
А впрочем, не хватало одного им:
Оплаченных историку похвал
Да мраморной гробницы, но, не скроем, —
Иной, хоть маломощный, феодал
Подчас величьем дел и помыслов блистал.

49

В глухих трущобах, в замке одиноком
Не каждый подвиг находил певца.
Амур в своем неистовстве жестоком
Сквозь панцири вторгался в их сердца,
Эмблема дамы на щите бойца
Тогда была как злобы дух ужасный.
И войнам замков не было конца,
И, вспыхнув из-за грешницы прекрасной,
Глядел не раз пожар на Рейн, от крови красный.

50

О Рейн, река обилья и цветенья,
Источник жизни для своей страны!
Ты нес бы вечно ей благословенье,
Когда б не ведал человек войны,
И, никогда никем не сметены,
Твои дары цвели, напоминая,
Что знали рай земли твоей сыны.
И я бы думал: ты посланник рая,
Когда б ты Летой был... Но ты река другая.

51

Хоть сотни раз кипела здесь война,
Но слава битв и жертвы их забыты.
По грудам тел, по крови шла она,
Но где они? Твоей волною смыты.

Твои долины зеленью повиты,
В тебе сияет синий небосклон,
И все же нет от прошлого защиты,
Его, как страшный, неотвязный сои,
Не смоят даже Рейн, хоть чист и светел он.

52

В раздумье дальше странник мой идет,
Глядит на рощи, на холмы, долины.
Уже весна свой празднует приход,
Уже от этой радостной картины
Разгладились на лбу его морщины.
Кого ж не тронет зрелище красот?
И то и дело, пусть на миг единый,
Хотя не сбросил он душевный гнет,
В глазах безрадостных улыбка вдруг мелькнет.

53

И вновь к любви мечты его летят,
Хоть страсть его в своем огне сгорела.
Но длить угрюмость, видя нежный взгляд,
Но чувство гнать — увы, — пустое дело!
В свой час и тот, чье сердце охладело,
На доброту ответит добротой.
А в нем одно воспоминанье тлело:
О той одной, единственной, о той,
Чьей тихой верности он верен был мечтой.

54

Да, он любил (хотя несовместимы
Любовь и холод), он тянулся к ней.
Что привлекло характер нелюдимый,
Рассудок, презирающий людей?
Чем хмурый дух, бегущий от страстей,
Цветенье первой юности пленило?
Не знаю. В одиночестве быстрее
Стареет сердце, чувств уходит сила,
И в нем, бесчувственном, одно лишь чувство жилой

55

Она — дитя! — тем существом была,
Которое не церковь с ним связала.
Но связь была сильнее людского зла
И маску пред людьми не надевала.

И даже сплетни многоликой жало,
И клевета, и чары женских глаз —
Ничто незримых уз не разрушало.
И Чайльд-Гарольд стихами как-то раз
С чужбины ей привет послал в вечерний час.

Над Рейном Драхенфельз¹⁴⁰ вознесся,
Венчанный замком, в небосвод,
А у подножия утеса
Страна ликует и цветет.
Леса, поля, холмы и нивы
Дают вино, и хлеб, и мед,
И города глядят в извивы
Широкоструйных рейнских вод.
Ах, в этой радостной картине
Тебя лишь не хватает ныне.

Сияет солнце с высоты,
Крестьянок праздничны наряды.
С цветами, сами как цветы,
Идут, и ласковы их взгляды.
И красоте земных долин
Когда-то гордые аркады
И камни сумрачных руин
Дивятся с каменной громады.
Но нет на Рейне одного:
Тебя и взора твоего,

Тебе от Рейна в час печали
Я шлю цветы как свой привет.
Пусть они в пути увяли,
Храни безжизненный букет.
Он дорог мне, он узрит вскоре
Твой синий взор в твоём доме.
Твое он сердце через море
Приблизит к сердцу моему,
Перенесет сквозь даль морскую
Сюда, где о тебе тоскую,

А Рейн играет и шумит,
Дарит земле свои щедроты,
И всякий раз чудесный вид
Являют русла повороты.
Тут все тревоги, все заботы
Забудешь в райской тишине,

¹⁴⁰ Драхенфельз — развалины замка на одной из Семи гор на Рейне.

Где так милы земли красоты
Природе-матери и мне.
И мне! Но если бы при этом
Твой взор светил мне прежним светом!

56

Под Кобленцем¹⁴¹ есть холм, и на вершине
Простая пирамида из камней.
Она не развалилась и донныне,
И прах героя погребен под ней.
То был наш враг Марсо,¹⁴² но тем видней
Британцу и дела его, и слава.
Его любили — где хвала верней
Солдатских слез, пролитых не лукаво?
Он пал за Францию, за честь ее и право.

57

Был горд и смел его короткий путь.
Две армии — и друг и враг — почтили
Его слезами. Странник, не забудь
Прочеть молитву на его могиле!
Свободы воин, был он чужд насилий
Во имя справедливости святой,
Для чьей победы мир в крови топили,
Он поражал душевной чистотой.
За это и любил его солдат простой.

58

Вот Эренбрейтштейн¹⁴³ — замка больше нет.
Его донжоны взрывом разметало.
И лишь обломки — память прежних лет,
Когда ни стен, ни каменного вала
Чугунное ядро не пробивало.
В дыму войны отсюда враг бежал,
Но мир низверг твердыню феодала:
Где град железный тщетно грохотал,

¹⁴¹ Кобленц — город в Германии, во время Французской буржуазной революции 1789–1794 гг. — центр контрреволюционной эмиграции.

¹⁴² Марсо, Франсуа Соверен (1769–1796) — генерал Французской республики, талантливый полководец. В бою близ Кобленца был смертельно ранен.

¹⁴³ Эренбрейтштейн — крепость близ Кобленца. Осада этой крепости войсками республиканской Франции длилась два года.

Там хлещет летний дождь в проломы хмурых зал.

59

Прощай, о Рейн! В далекий путь без цели
От милых стран пришельца гонит рок.
И те, кто вместе, жить бы здесь хотели,
И тот, кто в целом мире одинок.
И если бы оставить жертву мог
Ужасный коршун самоугрызений —
Так только здесь, где каждый уголок
И дик и чуден, мил труду и лени,
Обилен и богат, и щедр, как день осенний.

60

И все ж прости! О, тщетное «прости»!
Кто преникал к твоей струе кристальной,
Не может образ твой не унести.
И если он уйти решил, печальный,
Тебе опять он кинет взор прощальный,
Стремясь запечатлеть твои черты.
Пусть Юг роскошней в мощи изначальной,
Где в мире край, который слил, как ты,
И славу прошлых дней, и мягкость красоты?

61

Уютное величье, — отраженья
Домов, церквей и башен городских.
Средь рощ и пашен — белые селенья.
Там пропасти, там зубья скал нагих —
Предвосхищенье крепостей людских.
Монастыри с готическим фасадом,
А люди — как природа: здесь для них
Веселье стало жизненным укладом,
Хотя империи катятся в пропасть рядом.

62

Но мимо, мимо! Вот громады Альп,
Природы грандиозные соборы;
Гигантский пик — как в небе снежный скаल्प;
И, как на трон, воссев на эти горы,
Блещет Вечность, устрояя взоры.
Там край лавин, их громовой исход,
Там для души бескрайные просторы,
И там земля штурмует небосвод.

А что же человек? Чего он, жалкий, ждет?

63

Но, прежде чем подняться на высоты,
Хочу равнинный восхвалить Морат,¹⁴⁴
Где бой пришельцам дали патриоты
И где не покраснеешь за солдат.
Хотя ужасен их трофеев склад.
Враги свободы, здесь бургундцы пали.
Они непогребенные лежат,
Им памятником их же кости стали,
И внемлет черный Стикс стенаньям их печали.

64

Как Ватерлоо повторило Канны,¹⁴⁵
Так повторен Моратом Марафон.
Там выиграли битву не тираны,
А Вольность, и Гражданство, и Закон.
Там граждане сражались не за трон,
То не была над слабыми расправа,
И не был там народ порабощен,
Не проклинал «божественное право»,
Которым облачен тот, в чьих руках держава.

65

В безлюдном одиночестве, одна,
Грустит колонна у стены замшелой,
Величья гибель видела она.
И смотрит в Вечность взгляд бесцветно-белый,
Как человек, от слез окаменелый
И все ж не ставший чувствовать слабей,
Она дивится, что осталась целой,
Когда Авентик,¹⁴⁶ слава древних дней,
Нагроможденьем стал бесформенных камней.

¹⁴⁴ Морат. — В сражении при Морате в июне 1476 г. ополчение городских и сельских кантонов Швейцарского союза, отстаивая независимость своей Федерации, нанесло сокрушительный удар войскам бургундского герцога Карла Смелого.

¹⁴⁵ Канны — селение в юго-восточной Италии, где в годы второй Пунической войны произошла знаменитая битва (216 г. до н. э.), в которой карфагенский полководец Ганнибал (ок. 247–183 гг. до н. э.) добился полного разгрома римских войск.

Сопоставляя сражения при Ватерлоо и Каннах с битвами при Марафоне и Морате, Байрон отчетливо проводит границу между войнами завоевательными и войнами во имя независимости родины.

¹⁴⁶ Авентик (точнее, Авентикум) — столица древнеримской провинции Гельвеция в Швейцарии.

66

Здесь Юлия — чья память да святится! —
Служенью в храме юность отдала
И, небом не услышанная жрица,
Когда отца казнили, умерла.
Его боготворила, им жила!
Но суд закона глух к мольбе невинной,
И дочь отцовской жизни не спасла.
Без памятника холмик их пустынный,
Где сердце спит одно, и прах и дух единый.

67

Таких трагедий и таких имен
Да не забудет ни один сказитель!
Империи уйдут во тьму времен,
В неизвестность канут раб и победитель,
Но высшей добродетели ревнитель
В потомстве жить останется навек,
И взором ясным, новый небожитель
Глядит на солнце, чист, как горный снег,
Забыв на высоте всего земного бег.

68

Но вот Леман раскинулся кристальный,
И горы, звезды, синий свод над ним —
Все отразилось в глубине зеркальной,
Куда глядит, любуясь, пилигрим.

Но человек тут слишком ощутишь,
А чувства вянут там, где люди рядом.
Скорей же в горы, к высям ледяным,
К тем мыслям, к тем возвышенным отрадам,
Которым чужд я стал, живя с двуногим стадом.

69

Замечу кстати: бегство от людей —
Не ненависть еще и не презренье.
Нет, это бегство в глубь души своей,
Чтоб не засохли корни в небреженье
Среди толпы, где в бредовом круженье —
Заразы общей жертвы с юных лет —
Свое мы поздно видим вырожденье,
Где сеем зло, чтоб злом ответил свет,
И где царит война, но победивших нет.

70

Настанет срок — и счастье бросит нас,
Раскаянье на сердце ляжет гнетом,
Мы плачем кровью. В этот страшный час
Все черным покрывается налетом,
И жизни путь внезапным поворотом
Уводит в ночь. Моряк в порту найдет
Конец трудам опасным и заботам,
А дух — уплывший в Вечность мореход —
Не знает, где предел ее бездонных вод.

71

Так что ж, не лучше ль край избрать пустынный
И для земли — земле всю жизнь отдать
Над Роною, над синею стремниной,
Над озером, которое, как мать,
Не устает ее струи питать, —
Как мать, кормя малютку дочь иль сына,
Не устает их нежить и ласкать.
Блажен, чья жизнь с Природою едина,
Кто чужд ярму раба и трону властелина.

72

Я там в себе не замыкаюсь. Там
Я часть Природы, я — ее созданье.
Мне ненавистны улиц шум и гам,
Но моря гул, но льдистых гор блистанье!

В кругу стихий мне тяжело лишь сознание,
Что я всего лишь плотское звено
Меж тварей, населивших мирозданье,
Хотя душе сливаться суждено
С горами, звездами иль тучами в одно.

73

Но жизнь лишь там. Я был в горах — я жил,
То был мой грех, когда в пустыне людной
Я бесполезно тратил юный пыл,
Сгорал в борьбе бессмысленной и трудной.
Но я воспрял. Исполнен силы чудной,
Дышу целебным воздухом высот,
Где над юдолью горестной и скудной
Уже мой дух предчувствует полет,
Где цепи сбросит он и в бурях путь пробьет.

74

Когда ж, ликуя, он освободится
От уз, теснящих крыл его размах, —
От низкого, что может возродиться
В ничтожной форме — в жабах иль жуках,
И к свету свет уйдет и к праху прах,
Тогда узнаю взором ясновидца
Печать бесплотной мысли на мирах,
Постигну Разум, что во всем таится
И только в редкий миг снисходит нам открыться.

75

Иль горы, волны, небеса — не часть
Моей души, а я — не часть вселенной?
И, к ним узнав возвышенную страсть,
Не лучше ль бросить этот мир презренный,
Чем прозябать, душой отвергнув пленной
Свою любовь для здешней суеты,
И равнодушным стать в толпе надменной,
Как те, что смотрят в землю, как скоты,
Чья мысль рождается рабою темноты.

76

Продолжим нить рассказа моего!
Ты, мыслящий над пастью гроба черной
О бренности, взгляни на прах того,
Кто был как свет, как пламень жизнетворный,

Он здесь рожден,¹⁴⁷ и здесь, где ветер горный
Бальзамом веет в сердце, он созрел,
К вершинам славы шел тропой неторной
И, чтоб венчать бессмертьем свой удел, —
О глупость мудреца! — все отдал, чем владел.

77

Руссо, апостол роковой печали,
Пришел здесь в мир, злосчастный для него,
И здесь его софизмы обретали
Красноречивой скорби волшебство.
Копаясь в ранах сердца своего,
Восторг безумья он являл в покровах
Небесной красоты, и оттого
Над книгой, полной чувств и мыслей новых,
Читатель слезы лил¹⁴⁸ из глаз, дотоль суровых.

78

Любовь безумье страсти в нем зажгла, —
Так дуб стрела сжигает громовая.
Он ею был испепелен дотла,
Он не умел любить, не погибая.
И что же? Не красавица живая,
Не тень усопшей, вызванная сном,
Его влекла, в отчаянье ввергая, —
Нет, чистый образ, живший только в кем,
Страницы книг его зажег таким огнем.

79

Тот пламень — чувство к Юлии прекрасной,
Кто всех была и чище и нежней, —
То поцелуев жар, увы, напрасный,
Лишь отклик дружбы находивший в ней,
Но, может быть, в унынье горьких дней
Отрадой мимолетного касанья
Даривший счастье выше и полней,
Чем то, каким — ничтожные созданья! —
Мы упиваемся в восторгах обладанья.

¹⁴⁷ Он здесь рожден... — Имеется в виду Жан Жак Руссо (1712–1778).

¹⁴⁸ ...Над книгой, полной чувств и мыслей новых, // Читатель слезы лил... — Байрон говорит о романе Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761).

80

Всю жизнь он создавал себе врагов,
Он гнал друзей, любовь их отвергая.
Весь мир подозревать он был готов.
На самых близких месть его слепая
Обрушивалась, ядом обжигая, —
Так светлый разум помрачала тьма.
Но скорбь виной, болезнь ли роковая?
Не может пронизательность сама
Постичь безумие под маскою ума.

81

И, молнией безумья озаренный,
Как пифия на троне золотом,
Он стал вещать, и дрогнули короны,
И мир таким запылал огнем,
Что королевства, рушась, гибли в нем.
Не так ли было с Францией, веками
Униженной, стонавшей под ярмом,
Пока не поднял яркой мести знамя
Народ, разбуженный Руссо с его друзьями.

82

И страшен след их воли роковой.
Они сорвали с Правды покрывало,
Разрушив ложных представлений строй,
И взорам сокровенное предстало.
Они, смешав Добра и Зла начала,
Все прошлое низвергли. Для чего?
Чтоб новый трон потомство основало,
Чтоб выстроило тюрьмы для него
И мир опять узрел насилие торжество.¹⁴⁹

83

Так не должно, не может долго длиться!
Народ восстал, оковы сбросил он,
Но не сумел в свободе утвердиться.
Почувяв силу, властью ослеплен,
Забыл он все — и жалость и закон.
Кто рос в тюрьме, во мраке подземелий,

¹⁴⁹ ...мир опять узрел насилие торжество. — Байрон писал эти строки во время разгула дворянско-монархической реакции в Европе, начавшейся после реставрации Бурбонов во Франции и заключения в сентябре 1815 г. Священного союза между Россией, Австрией и Пруссией.

Не может быть орлу уподоблен,
Чьи очи в небо с первых дней глядели, —
Вот отчего он бьет порою мимо цели.

84

Чем глубже рана, тем упорней след.
Пускай из сердца кровь уже не льется,
Рубец остался в нем на много лет.
Но тот, кто знал, за что с судьбою бьется,
Пусть бой проигран, духом не сдается.
Страсть притаилась и безмолвно ждет.
Отчаянью нет места. Все зачтется
В час торжества. Возмездие придет,
Но Милосердьё пусть проверит Мести счет.

85

Леман! Как сладок мир твой для поэта,
Изведавшего горечь бытия!
От шумных волн, от суетного света
К тебе пришел я, горная струя.
Неси ж меня, заветная ладья!
Душа отвергла сумрачное море
Для светлых вод, и, мнится, слышу я,
Сестра, твой голос в их согласном хоре:
«Вернись! Что ищешь ты в бушующем просторе?»

86

Нисходит ночь. В голубоватой мгле
Меж берегом и цепью гор окрестной
Еще все ясно видно на земле.
Лишь Юра, в тень уйдя, стеной отвесной,
Вся черная, пронзила свод небесный.
Цветов неисчислимых аромат
Восходит ввысь. Мелодией чудесной
Разносится вечерний звон цикад,
И волны шепчутся и плещут веслам в лад.

87

По вечерам цикада веселится
И жизнью детства шумного живет.
Вот залилась и вдруг умолкла птица,
Иль замечтавшись, иль уснув. А вот
Неясный шепот от холмов идет.
Нет, слух обманут! Это льют светила

(Как девушка о милом слезы льет)
Росу, чтоб грудь земную напоила
Живущей в них души сочувственная сила.

88

О звезды, буквы золотых писем
Поэзии небесной! В них таится
И всех миров, и всех судеб закон.
И тот, чей дух к величию стремится,
К ним рвется ввысь, чтоб с ними породниться,
В них тайна, ими движет Красота.
И все, чем может человек гордиться,
«Своей звездой» зовет он неспроста, —
То честь и счастье, власть и слава, и мечта.

89

Земля и небо смолкли. Но не сон —
Избыток чувств их погрузил в мечтанье.
И тишиною мир заморожен.
Земля и небо смолкли. Гор дыханье,
Движенье звезд, в Лемане — волн плесканье, —
Единой жизнью все напоено.
Все существа, в таинственном слиянье,
В едином хоре говорят одно:
«Я славлю мощь творца, я им сотворено».

90

И, влившись в бесконечность бытия,
Не одинок паломник одинокий,
Очищенный от собственного «я».
Здесь каждый звук, и близкий и далекий,
Таит всемирной музыки истоки,
Дух красоты, что в бег миров ввела
И твердь земли, и неба свод высокий,
И пояс Афродиты создала,
Которым даже Смерть побеждена была.

91

Так чувствовали персы в оны дни,
На высях гор верша богослуженье.
Лицом к лицу с природою они
В молитве принимали очищенье —
Не средь колонн, не в тесном огражденьи.
Сравни тот храм, что строил грек иль гот,

С молельнею под небом, в окруженье
Лесов и гор, долин и чистых вод,
Где не стеснен души возвышенный полет.

92

Но как темнеет! Свет луны погас,
Летят по небу грозовые тучи.
Подобно блеску темных женских глаз,
Прекрасен блеск зарницы. Гром летучий
Наполнил все: теснины, бездны, кручи.
Горам, как небу, дан живой язык,
Разноречивый, бурный и могучий,
Ликуют Альпы в этот грозный миг,
И Юра в ночь, в туман им шлет ответный клик,

93

Какая ночь! Великая, святая.
Божественная ночь! Ты не для сна!
Я пью блаженство грозового рая,
Я бурей пьян, которой ты полка.
О, как фосфоресцирует волна!
Сверкая, пляшут капли дождевые.
И снова тьма, и, вновь озарена,
Гудит земля, безумствуют стихии,
И сотрясают мир раскаты громовые.

94

Здесь, между двух утесистых громад,
Проложен путь беснующейся Роной.
Утесы, как любовники, стоят,
Когда они любовью оскорбленной
И злобой, в пепле нежности рожденной,
Как бездною, разделены навек,
И май сердец, в цвету испепеленный,
Две жизни ввергнул в вечный лед и снег
И на сердечный ад изгнанников обрек.

95

Где Рона буйно об утесы бьет,
Там ярых бурь приют оледенелый.
Их сонмы там — и там передает
Одна другой пылающие стрелы.
Вот вспыхнул сноп, извилистый и белый,
И, раздвоившись, ринулся в пролет.

Он понял: там Отчаянья пределы,
Там все разрушил Времени полет, —
Так пусть же молния последнее убьет.

96

Ночь, буря, тучи, взрывы молний, гром,
Река, утесов черные громады,
Душа, в грозе обретшая свой дом, —
До сна ли здесь? Грохочут водопады,
И сердца струны откликаться рады
Родным бессонной мысли голосам.
Куда ты, буря, гонишь туч армады?
Иль бурям сердца ты сродни? Иль там,
Среди орлиных гнезд, твой облачный сезам?

97

О, если бы нашел я воплощенье
И выразил хотя б не все, хоть часть
Того, что значит чувство, увлечение,
Дух, сердце, разум, слабость, сила, страсть,
И если б это все могло совпасть
В едином слове «молния» и властно
Сказало бы, что жить дана мне власть, —
О, я б заговорил! — но ждать напрасно:
Как скрытый в ножнах меч, зачахнет мысль безгласно.

98

Восходит утро — утро все в росе,
Душисто, ярко и, как розы, ало,
И так живет, рассеяв тучи все,
Как будто смерти на земле не стало.
Но вот и день! И снова все сначала:
Тропою жизни — дальше в путь крутой!
Лемана зыбь, деревьев опахала —
Все будит мысль и говорит с мечтой,
Вливая в путника отраду и покой.

99

Кларан, Кларан! Приют блаженства милый!
Твой воздух весь любовью напоен.
Любовь дает корням деревьев силы,
Снегов альпийских озаряет сон.
Любовью предвечерний небосклон
Окрашен, и утесы-великаны

Хранят покой влюбленного, чтоб он
Забыл и свет, и все его обманы,
Надежды сладкий зов, ее крушений раны.

100

В Кларане все — любви бессмертной след,¹⁵⁰
Она везде, как некий бог, который
Дарует тварям жизнь, добро и свет,
Здесь трон его, ступени к трону — горы,
Он радужные дал снегам уборы,
Он в блеске зорь, он в ароматах роз,
Его, ликуя, славят птичьи хоры,
И шорох трав, и блески летних рос,
И веянье его смиряет ярость гроз.

101

Все — гимн ему. И темных сосен ряд
Над черной бездной — сень его живая, —
И звонкий ключ, и рдяный виноград,
И озеро, где нежно-голубая,
К его стопам незримым припадая,
Поет волна, и тень седых лесов,
И зелень, как Веселье, молодая,
Ему и всем, кто с ним прийти готов,
В безлюдной тишине дарит радушный кров.

102

Там среди пчел и птиц уединенье,
Мир многоцветен там и многолик.
Там краткой жизни радостно кипенье
И бессловесный ярче слов язык.
Вот сквозь листву горячий луч проник,
В ручье проворном блики заблестели.
И Красота во всем, и ты постиг,
Что этот запах, краски, свист и трели —
Все создала Любовь для некой высшей цели.

103

Кто гнал любовь, здесь устремится к ней
И тайн ее волшебных причастится,

¹⁵⁰ В Кларане все — любви бессмертной след... — В романе Руссо «Новая Элоиза» действие разворачивается в окрестностях швейцарского города Кларан.

А любящий начнет любить сильней
И не захочет с пустынью проститься,
Куда людскому злу не докатиться.
Любовь растет иль вянет. Лишь застой
Несвойствен ей. Иль в пепел обратится,
Иль станет путеводною звездой,
Которой вечен свет, как вечен мира строй.

104

Недаром здесь Руссо капризный гений
Остановил мечты своей полет
И приютил для чистых наслаждений
Две избранных души. У этих вод
Психеи пояс распустил Эрот,
Благословив для счастья эти склоны.
Там тишина и нега. Там цветет
Гармония. Над ложем светлой Роны
Там Альп возносятся блистательные троны.

105

Лозанна и Ферней!¹⁵¹ Святой предел,
Где двух титанов обитают тени,
Где смертных вел тропой бессмертных дел
На штурм небес отважившийся гений.
Здесь разум на фундаменте сомнений
Дерзнул создать мятежной мысли храм,
И если гром не сжег ее творений,
Так, значит, не впервые небесам
Улыбкой отвечать на все угрозы нам.

106

Один из них Протей был — вечно новый,
Изменчивый, ни в чем не знавший уз,
Шутник, мудрец, то кроткий, то суровый,
Хронист, философ и любимец муз,
Предписывавший миру мненья, вкус,
Оружьем смеха исправлявший нравы,
Как ветер вольный, истинный француз,
Прямой, коварный, добрый, злой, лукавый,
Бичующий глупцов, колеблющий державы.

¹⁵¹ *Лозанна и Ферней...* — Лозанна — город, где долгое время жил и писал свой труд «История упадка и разрушения Римской империи» английский ученый-просветитель Эдуард Гиббон (1737–1794). Ферней — поместье близ Женевы, принадлежавшее Вольтеру (1694–1778).

107

Другой — пытлив, медлителен, глубок,
Упорством мысли изощрял сужденья,
Оттачивал иронии клинок,
Отдав труду ночей бессонных бденья,
Насмешкой низвергал предубежденья,
И — бог сарказма! — яростью глупцов
Был ввергнут в ад на муки искупленья, —
Там, если верить рассказням попов,
Для усомнившихся ответ на все готов.

108

Мир спящим! Те, кто кары заслужили,
Уже осуждены на небесах.
Не нам судить того, кто спит в могиле!
Но тайна тайн раскроется — и страх
С надеждой вместе ляжет в тлен и прах.
А прах, пусть не распался он покуда,
Распасться должен, как и все в гробах,
Но если мертвый встанет, — верю в чудо! —
Ему простится все, не то — придется худо.

109

Но от людских созданий мне пора
К созданьям божьим снова обратиться.
Уже и так, по прихоти пера,
Исписана не первая страница.
Вон облаков несется вереница
К альпийским льдам, сияющим вдали.
Пора и мне к вершинам устремиться,
В лазурь, куда их глетчеры ушли,
Где духов неба ждут объятия земли.

110

А дальше ты, Италия! Бессменно
Векам несешь ты свет земли своей —
От войн, пресекших дерзость Карфагена,¹⁵²
До мудрецов, поэтов и вождей,
Чья слава стала славой наших дней.

¹⁵² ...От войн, пресекших дерзость Карфагена... — Имеются в виду три Пунические войны, которые велись между Римом и Карфагеном за господство в средиземноморском бассейне и длились с перерывами более ста лет (264–146 гг. до н. э.).

Империй трон, гробница их живая,
Не стал твой ключ слабей или мутней.
И, жажду знанья вечную питаю,
Из римских недр бежит его струя святая.

111

Я с горьким чувством эту песню пел:
Актерствовать, носить чужие лица,
Знать, что собой остаться не сумел,
И лицедейству каждый миг учиться,
На самого себя ожесточиться,
Скрывать — о боже! — чувство, мысль и страсть,
Гнев, ненависть — все, чем душа томится,
И ревности мучительную власть, —
Вот что изведаль я, что пало мне на часть.

112

Не думайте, что это все — слова,
Прием литературный, обрамленье
Летящих сцен, намеченных едва,
Картин, запечатленных мной в движенье,
Чтоб вызвать в чьем-то сердце восхищенье;
Нет, слава — это молодости бог,
А для меня — что брань, что одобренье,
Мне безразлично. Так судил мой рок:
Забыт ли, не забыт — я всюду одинок.

113

Как мир — со мной, так враждовал я с миром,
Вниманье черни светской не ловил,
Не возносил хвалу ее кумирам,
Не слушал светских бардов и сивилл,
В улыбке льстивой губы не кривил,
Не раз бывал в толпе, но не с толпою,
Всеобщих мнений эхом не служил,
И так бы жил — но, примирясь с судьбою,
Мой разум одержал победу над собою.

114

Я с миром враждовал, как мир — со мной.
Но, несмотря на опыт, верю снова,
Простясь, как добрый враг, с моей страной,
Что Правда есть, Надежда держит слово,
Что Добродетель не всегда сурова,

Не уловленьем слабых занята,
Что кто-то может пожалеть другого,
Что есть нелицемерные уста,
И Доброта — не миф, и Счастье — не мечта.

115

Дочурка Ада!¹⁵³ Именем твоим
В конце я песнь украшу, как в начале.
Мне голос твой неслышен, взор незрим,
Но ты мне утешение в печали.
И где б мои стихи ни прозвучали, —
Пускай нам вместе быть не суждено, —
Из чуждых стран, из замогильной дали
К тебе — хотя б мой прах истлел давно —
Они придут, как вихрь, ворвавшийся в окно.

116

Следить, как начинаешь ты расти,
Знакомишься с вещами в удивленье,
И первые шаги твои вести,
И видеть первых радостей рожденье,
Ласкать тебя, сажая на колени,
Целуя глазки, щечки — таково,
Быть может, и мое предназначенье?
И сердце шепчет: да! Но что с того?
Я это счастье знал — я потерял его.

117

И все же ты со мною, ты не с ними,
Ты будешь, ты должна меня любить!
Пускай они мое бесчестят имя,
Сведут в могилу, — им не разрубить
Отца и дочь связующую нить.
В дочерних венах всей их камарилье
Кровь Байрона другой не заменить.
И как бы тень мою ни очернили,
Твоя любовь придет грустить к моей могиле.

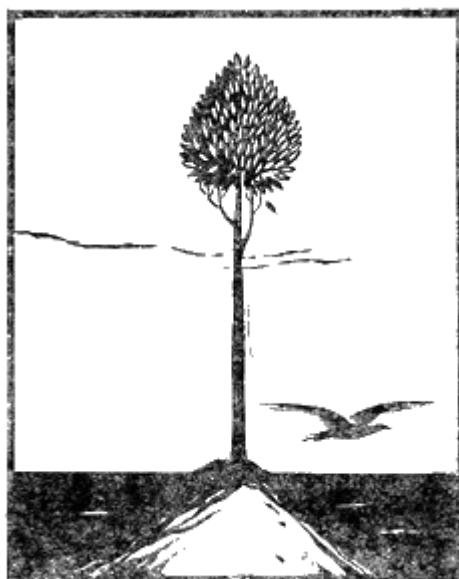
118

Дитя любви! Ты рождена была

¹⁵³ В строфах 115–118 речь идет об Аде Августе Байрон — талантливом математике; незадолго до кончины она завещала похоронить ее рядом с отцом в семейном склепе Байронов в Хакнолл-Торкард.

В раздоре, в помраченьях истерии,
И ты горишь, но не сгоришь дотла,
И не умрут надежды золотые,
Как умерли мои во дни былые.
Спи сладко! С этих царственных высот,
Где воскресаешь, где живешь впервые,
Тебя, дитя, благословляет тот,
Кто от тебя самой благословенья ждет.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ¹⁵⁴

*Visto ho Toscana, Lombardia, Romagna, quel monte che divide, e
quel che serra Italia, e un mare e l'altro, che la bagna.*

Ariosto, Satira III.¹⁵⁵

Джону Хобхаузу,¹⁵⁶ эсквайру
Венеция, 2 января 1818 г.

Мой дорогой Хобхауз!
Восемь лет прошло между созданием первой и последней песни «Чайльд-Гарольда», и теперь нет ничего удивительного в том, что, расставаясь с таким

¹⁵⁴ Первый вариант песни четвертой поэмы, созданный Байроном в период с 26 июня по 17 июля 1817 г., составил сто двадцать шесть строк. С августа 1817 г. поэт начал писать дополнительные строфы и вплоть до начала весны 1818 г. работал над ними, добавив еще шестьдесят строк. Опубликована песнь четвертая 28 апреля 1818 г.

¹⁵⁵ Я видел Тоскану, Ломбардию, Романью, те горы, что разрезают Италию надвое, и те что отгораживают ее, и оба моря, которые омывают ее. *Ариосто, Сатира III (итал.)*.

¹⁵⁶ Хобхауз Джон Кэм (1786–1869) — друг Байрона, английский литератор и общественный деятель, путешествовал вместе с поэтом в 1809–1810 и в 1816–1817 гг.

старым другом, я обращаюсь к другому, еще более старому и верному, который видел рождение и смерть того, второго, и пред которым я еще больше в долгу за все, что дала мне в общественном смысле его просвещенная дружба, — хотя не мог не заслужить моей признательности и Чайльд-Гарольд, снискавший благосклонность публики, перешедшую с поэмы на ее автора, — к тому, с кем я давно знаком и много путешествовал, кто выхаживал меня в болезни и утешал в печали, радовался моим удачам и поддерживал в неудачах, был мудр в советах и верен в опасностях, — к моему другу, такому испытанному и такому нетребовательному, — к вам.

Тем самым я обращаюсь от поэзии к действительности и, посвящая вам в завершеном или, по крайней мере, в законченном виде мою поэму, — самое большое, самое богатое мыслями и наиболее широкое по охвату из моих произведений, — я надеюсь повысить цену самому себе рассказом о многих годах интимной дружбы с человеком образованным и честным. Таким, людям, как мы с вами, не пристало ни льстить, ни выслушивать лесть. Но искренняя похвала всегда позволена голосу дружбы. И совсем не ради вас, и даже не для других, но только для того, чтобы дать высказаться сердцу, ни прежде, ни потом не встречавшему доброжелателя, союзника в битвах с судьбой, — я подчеркиваю здесь ваши достоинства, вернее, преимущества, воздействие которых я испытал на себе. Даже дата этого письма, годовщина самого несчастного дня моей прошлой жизни,¹⁵⁷ — которая, впрочем, покуда меня поддерживает ваша дружба и мои собственные способности, не может отравить мое будущее, — станет отныне приятней нам обоим, ибо явится напоминанием о моей попытке выразить вам благодарность за неустанную заботу, равную которой немногим довелось повстречать, а кто встретил, тот, безусловно, начал лучше думать и обо всем человеческом роде, и о себе самом.

Нам посчастливилось проехать вместе, хотя и с перерывами, страны рыцарства, истории и легенды — Испанию, Грецию, Малую Азию и Италию; и чем были для нас несколько лет назад Афины и Константинополь, тем стали недавно Венеция и Рим. Моя поэма, или пилигрим, или оба вместе сопровождали меня с начала до конца. И, может быть, есть простительное тщеславие в том, что я с удовольствием думаю о поэме, которая в известной степени связывает меня с местами, где она возникала, и с предметами, которые охотно описывала. Если она оказалась недостойной этих чарующих, незабываемых мест, если она слабее наших воспоминаний и непосредственных впечатлений, то, как выражение тех чувств, которые вызывало во мне все это великое и прославленное, она была для меня источником наслаждений, когда писалась, и я не подозревал, что предметы, созданные воображением, могут внушить мне сожаление о том, что я с ними расстаюсь.

В последней песни пилигрим появляется реже, чем в предыдущих, и поэтому он менее отделен от автора, который говорит здесь от своего собственного лица. Объясняется это тем, что я устал последовательно проводить линию, которую все, кажется, решили не замечать. Подобно тому китайцу в «Гражданине мира» Голдсмита,¹⁵⁸ которому никто не хотел верить, что он китаец, я напрасно доказывал и воображал, будто мне это удалось, что пилигрима не следует смешивать с автором. Но боязнь утратить различие между ними и постоянное недовольство тем, что мои усилия ни к чему не приводят, настолько угнетали меня, что я решил затею эту бросить — и так и сделал. Мнения, высказанные и еще

¹⁵⁷ ...годовщина самого несчастного дня моей прошлой жизни... — 2 января 1815 г. — день свадьбы Байрона.

¹⁵⁸ ...китайцу в «Гражданине мира» Голдсмита. — Оливер Голдсмит (1728–1774) — известный английский поэт, прозаик, драматург. Байрон упоминает его книгу «Гражданин мира, или Письма от китайского философа из Лондона своему другу на Восток», опубликованную в 1762 г.

высказываемые по этому поводу, теперь уже не представляют интереса: произведение должно зависеть не от автора, а от самого себя. Писатель, не находящий в себе иных побуждений, кроме стремления к успеху, минутному или даже постоянному, успеху, который зависит от его литературных достижений, заслуживает общей участи писателей.

Мне хотелось коснуться в следующей песни, либо в тексте, либо в примечаниях, современного состояния итальянской литературы, а может быть, также и нравов. Но вскоре я убедился, что текст, в поставленных мною границах, едва ли может охватить всю путаницу внешних событий и вызываемых ими размышлений. Что же касается примечаний, которыми я, за немногими исключениями, обязан вашей помощи, то их пришлось ограничить только теми, которые служат разъяснению текста.

Кроме того, это деликатная и не очень благородная задача — говорить о литературе и нравах нации, такой несхожей с собственной. Это требует внимания и беспристрастия и могло бы вынудить нас — хотя мы отнюдь не принадлежим к числу невнимательных наблюдателей и профанов в языке и обычаях народа, среди которого недавно находились, — отнестись с недоверием к собственному суждению или, во всяком случае, отложить его, чтобы проверить свои познания. Разногласия партий, как в политике, так и в литературе, достигли или достигают такого ожесточения, что для иностранца стало почти невозможным сохранить беспристрастность. Достаточно процитировать — по крайней мере, для моей цели — то, что было сказано на их собственном и прекрасном языке: «*Mi pare che in un paese tutto poetico, che vanta la lingua la più nobile ed insieme la più dolce, tutte le vie diverse si possono tentare, e che sinche la patria di Alfieri e di Monti non ha perduto l'antico valore, in tutte essa dovrebbe essere la prima*».¹⁵⁹

Италия продолжает давать великие имена¹⁶⁰ — Канона, Монти, Уго Фосколо, Пиндемонте, Висконти, Морелли, Чиконьяра, Альбрицци, Медзофанти, Май, Мустоксиди, Альетти и Вакка почти во всех отраслях искусства, науки и литературы обеспечивают нынешнему поколению почетное место, а кое в чем — даже самое высокое: Европа — весь мир — имеют только одного Канову. Альфьери где-то сказал:¹⁶¹ «*La pianta uomo nasce più robusta in Italia che in qualunque altra terra e che gli stessi atroci delitti che vi si commettono ne sono una prova*».¹⁶² Не подписываясь под второй половиной этой фразы, поскольку она представляет собой опасную доктрину, истинность которой можно опровергнуть

¹⁵⁹ Мне кажется, что в стране, где все исполнено поэзии, в стране, которая гордится самым благородным и в то же время самым красивым языком, еще открыты все дороги, и, поскольку родина Альфьери и Монти не утратила прежнего величия, она во всех областях должна быть первой (*итал.*).

¹⁶⁰ ...великие имена... — Канава Антонио (1757–1822) — итальянский скульптор; Монти Винченцо (1754–1828) — итальянский поэт и драматург, сторонник национального единства Италии; Уго Фосколо (1778–1827) — поэт и публицист, горячо поддерживал французскую революцию, выступал за объединение и независимость Италии; Пиндемонте Ипполито (1753–1828) — поэт-патриот, боролся за независимость Италии; Висконти Эрмес (1751–1818) — итальянский патриот, журналист, критик; Морелли Микеле (?-1822) — борец за независимость Италии, участник Неаполитанского восстания в 1820 г.; Чиконьяра Леопольде (1767–1835) — критик и искусствовед; Альбрицци Изабелла (1769–1836) — хозяйка литературного салона, который служил местом встречи многих выдающихся деятелей Италии, в том числе карбонариев. Часто посещал ее и Байрон; Медзофанти Джузеппе (1774–1849) — знаменитый итальянский лингвист-полиглот; Май Анджело, кардинал (1782–1854) — филолог; Мустоксиди Андреас (1787–1860) — греческий археолог; Альетти Франческо (1757–1836) и Вакка Андреа (1772–1826) — врачи.

¹⁶¹ Альфьери где-то сказал... — Альфьери Витторио (1749-1803) — выдающийся итальянский драматург, создатель итальянской трагедии классицизма.

¹⁶² Лоза человеческая рождается в Италии более мощной, чем где бы то ни было, и это доказывают даже те преступления, которые там совершаются (*итал.*).

более сильными доказательствами, хотя бы тем, что итальянцы нисколько не свирепее, чем их соседи, я скажу, что должен быть преднамеренно слепым или просто невежественным тот, кого не поражает исключительная одаренность этого народа, легкость их восприятия, быстрота понимания, пламенность духа, чувство красоты и, несмотря на неудачи многих революций, военные разрушения и потрясения Истории, — неугасимая жажда бессмертия, «бессмертия свободы». Когда мы ехали вдвоем вокруг стен Рима и слушали бесхитростную жалобу певших хором крестьян: «Рим! Рим! Рим не тот, каким он был!» — трудно было удержаться от сравнения этой грустной мелодии с вакхическим ревом торжествующих песен, которые несутся из лондонских таверн, напоминая о резне при Мон-Сен-Жан,¹⁶³ о том, как были преданы Генуя, Италия, Франция, весь мир¹⁶⁴ людьми, поведение которых вы сами описали в произведении, достойном лучших дней нашей истории.¹⁶⁵ А что до меня:

Non moverò mai corda
Ove la turba di sue ciance assorda.¹⁶⁶

Тем, что выиграла Италия при недавнем перемещении наций, англичанам нет нужды интересоваться, пока они не убедятся в том, что Англия выиграла нечто гораздо большее, чем постоянная армия и отмена Habeas corpus.¹⁶⁷ Пока им достаточно заниматься собственными делами. Что касается их действий за рубежами и особенно на Юге, истинно говорю вам, они получают возмездие, и притом — в недалеком будущем.

Желая вам, дорогой Хобхауз, благополучного и приятного возвращения в страну, процветание которой никому не может быть дороже, чем вам, я посвящаю вам эту поэму в ее законченном виде и повторяю, что неизменно остаюсь

Вашим преданным и любящим другом.

Байрон.

1

В Венеции на Ponte dei Sospiri,¹⁶⁸
Где супротив дворца стоит тюрьма,
Где — зрелище единственное в мире! —
Из волн встают и храмы и дома,

¹⁶³ *Резня при Мон-Сен-Жан.* — Так зашифрование Байрон был вынужден в 1818 г. упоминать о кровавой битве при Ватерлоо.

¹⁶⁴ *...преданы Генуя, Италия, Франция, весь мир...* — Байрон говорит о периоде Реставрации и Священного союза после Венского конгресса 1814–1815 гг. — разгуле реакции.

¹⁶⁵ *...описали в произведении, достойном лучших дней нашей истории.* — Байрон имеет в виду публикацию Джона Хобхауза «Содержание некоторых писем, посланных одним англичанином-резидентом в Париже в период последнего правления императора Наполеона», изданную в Лондоне в 1816 г. анонимно.

¹⁶⁶ Я там не прикоснусь к струне, // Где черни вой терзает уши мне (*итал.*).

¹⁶⁷ *...отмена Habeas corpus.* — Имеется в виду английский закон о неприкосновенности личности, принятый английским парламентом в 1679 г. В 1817 г. его действие было временно приостановлено.

¹⁶⁸ Мост вздохов (*итал.*) — крытый мост в Венеции, соединяющий Дворец дождей с тюрьмой Сан-Марко.

Там бьет крылом История сама,
И, догорая, рдеет солнце Славы
Над красотой, сводящею с ума,
Над Марком, чей, доньше величавый,
Лев перестал страшить и малые державы.

2

Морей царица, в башенном венце,
Из теплых вод, как Анадиомена,
С улыбкой превосходства на лице
Она взошла, прекрасна и надменна.
Ее принцессы принимали вено
Покорных стран, и сказочный Восток
В полу ей сыпал все, что драгоценно.
И сильный князь, как маленький князек,
На пир к ней позванный, гордиться честью мог.

3

Но смолк напев Торкватовых октав,¹⁶⁹
И песня гондольера отзвучала,
Дворцы дряхлеют, меркнет жизнь, устав,
И не тревожит лютня сон канала.
Лишь красота Природы не увяла.
Искусства гибли, царства отцвели,
Но для веков отчизна карнавала
Осталась, как мираж в пустой дали,
Лицом Италии и празднеством Земли.

4

И в ней для нас еще есть обаянье:
Не только прошлый блеск, не имена
Теней, следящих в горестном молчанье,
Как, дождей и богатства лишена,
К упадку быстро клонится она, —
Иным завоевать она сумела
Грядущие века и племена,
И пусть ее величье оскудело,
Но здесь возникли Пьер, и Шейлок, и Отелло,¹⁷⁰

¹⁶⁹ ...*смолк напев Торкватовых октав*... — Байрон говорит о некогда широко распространенном обычае венецианских гондольеров петь отрывки из поэмы великого итальянского поэта Торквато Тассо (1544–1595) «Освобожденный Иерусалим».

¹⁷⁰ *Пьер, Шейлок и Отелло* — герои произведений английских писателей, действие которых происходит в Венеции (Пьер — герой трагедии Томаса Отвея (1651–1685) «Спасенная Венеция», Шейлок и Отелло — герои пьес Шекспира «Венецианский купец» и «Отелло».)

5

Творенья Мысли — не бездушный прах,
Бессмертные, они веков светила,
И с ними жизнь отрадней, в их лучах
Все то, что ненавистно и постыло,
Что в смертном рабстве душу извратило,
Иль заглушит, иль вытеснит сполна
Ликующая творческая сила,
И, солнечна, безоблачно ясна,
Сердцам иссохшим вновь цветы дарит весна.

6

Лишь там, среди них, прибежище осталось
Для верящих надежде, молодых,
Для стариков, чей дух гнетет усталость
И пустота. Как множество других,
Из этих чувств и мой родился стих,
Но вещи есть, действительность которых
Прекрасней лучших вымыслов людских,
Пленительней, чем всех фантазий ворох,
Чем светлых муз миры и звезды в их просторах.

7

Их видел я, иль это было сном?
Пришли — как явь, ушли — как сновиденья.
Не знаю, что сказать о них в былом,
Теперь они — игра воображенья.
Я мог бы вызвать вновь без напряженья
И сцен, и мыслей, им подобных, рой.
Но мимо! Пусть умрут без выраженья!
Для разума открылся мир иной,
Иные голоса уже владеют мной.

8

Я изучил наречия другие,
К чужим входил не чужестранцем я.
Кто независим, тот в своей стихии,
В какие ни попал бы он края, —
И меж людей, и там, где нет жилья,
Но я рожден на острове Свободы
И Разума — там родина моя,

Туда стремлюсь! И пусть окончу годы
На берегах чужих, среди чужой Природы,

9

И мне по сердцу будет та страна,
И там я буду тлеть в земле холодной —
Моя душа! Ты в выборе вольна.
На родину направь полет свободный,
И да останусь в памяти народной,
Пока язык Британии звучит,
А если будет весь мой труд бесплодный
Забыт людьми, как ныне я забыт,
И равнодушие потомков оскорбит

10

Того, чьи песни жар в сердцах будили, —
Могу ль роптать? Пусть в гордый пантеон
Введут других, а на моей могиле
Пусть будет древний стих напечатлен:
«Среди спартанцев был не лучшим он». ¹⁷¹
Шипами мной посаженного древа —
Так суждено! — я сам окровавлен,
И, примирясь, без горечи, без гнева
Я принимаю плод от своего посева.

11

Тоскует Адриатика-вдова:
Где дож, где свадьбы праздник ежегодный?
Как символ безутешного вдовства
Ржавеет «Буцентавр», ¹⁷² уже негодный.
Лез Марка стал насмешкою бесплодной
Над славою, влачащейся в пыли,
Над площадью, где, папе негодный,
Склонился император ¹⁷³ и несли

¹⁷¹ «Среди спартанцев был не лучшим он». — Так ответила мать спартанского полководца Брасида чужеземцам, высказывавшим похвалы ее погибшему сыну.

¹⁷² «Буцентавр» — название корабля Венецианской республики, на котором в день Вознесения дож Венеции выезжал в открытое море и символически обручался с Адриатикой, бросая в море кольцо.

¹⁷³ ...папе негодный, // Склонился император... — Германский император Фридрих I Барбаросса (ок. 1125–1190), отлученный римским папой Александром III от церкви, чтобы снять отлучение, был вынужден отправиться в Венецию, где находился папа, и проделать унижительную церемонию целования папской туфли в знак покорности воле папы.

Дары Венеции земные короли.

12

Где сдался шваб¹⁷⁴ — австриец¹⁷⁵ твердо стал.
Тот был унижен, этот — на престоле.
Немало царств низверг столетий шквал,
Немало вольных городов — в неволе.
И не один, блиставший в главной роли,
Как с гор лавина, сброшенный судьбой,
Народ великий гаснет в жалкой доле, —
Где Дандоло,¹⁷⁶ столетний и слепой,
У византийских стен летящий первым в бой!

13

Пусть кони Марка¹⁷⁷ сбруей золотой
И бронзой блещут в ясную погоду,
Давно грозил им Дориа¹⁷⁸ уздой —
И что же? Ныне Габсбургам в угоду
Свою тысячелетнюю свободу
Оплакивать Венеция должна;
О, пусть уйдет, как водоросли в воду,
В морскую глубь, в родную глубь она,
Коль рабство для нее — спокойствия цена.

14

Ей был, как Тиру, дан великий взлет,
И даже в кличке выражена сила:
«Рассадник львов»¹⁷⁹ прозвал ее народ —

¹⁷⁴ Шваб — здесь: император Фридрих I Барбаросса.

¹⁷⁵ Австриец. — Франц I, австрийский император (1768–1835).

¹⁷⁶ Дандоло — Дандоло Энрико, венецианский патриций, с 1192 г. дож Венеции. Использовал борьбу претендентов на престол византийских императоров в качестве повода для направления на венецианских кораблях рыцарских войск Четвертого крестового похода в Византию. В 1204 г. девяностосемилетний Дандоло возглавил под предлогом борьбы с вспыхнувшим в городе восстанием штурм Византии, сопровождавшийся неслыханным разграблением города.

¹⁷⁷ Кони Марка — четыре бронзовых позолоченных коня на главном портале собора св. Марка.

¹⁷⁸ Дориа Пьетро — генуэзский адмирал. В 1370 г. на предложение Венеции заключить мирное соглашение с Генуей ответил, что генуэзцы «не даруют мира, пока не взнуздают коней св. Марка».

¹⁷⁹ «Рассадник львов». — В Италии венецианцев называют «панталони». Байрон предполагал, что название это произошло от *pianta leone* — «водружающие львов».

За то, что флаг по всем морям носила,
Что от Европы турок отразила.¹⁸⁰
О древний Крит, великой Трои брат!
В твоих волнах — ее врагов могила.
Лепанто, помнишь схватку двух армад?
Ни время, ни тиран тех битв не умалят.

15

Но статуи стеклянные разбиты,
Блистательные дожи спят в гробах,
Лишь говорит дворец их знаменитый
О празднествах, соборьях и пирах.
Чужим покорен меч, внушавший страх,
И каждый дом — как прошлого гробница.
На площадях, на улицах, мостах
Напоминают чужеземцев лица,
Что в тягостном плену Венеция томится.

16

Когда Афины шли на Сиракузы¹⁸¹
И дрогнули, быть может, в первый раз,
От рабских пут лишь гимн афинской музы,
Стих Еврипида, сотни граждан спас.¹⁸²
Их победитель, слыша скорбный глас
Из уст сынов афинского народа,
От колесницы их отпряг тотчас
И вместе с ними восхвалил рапсода,
Чьей лирою была прославлена Свобода.

17

Венеция! Не в память старины,
Не за дела, свершенные когда-то,
Нет, цепи рабства снять с тебя должны
Уже за то, что и доныне свято

¹⁸⁰ ...от Европы турок отразила. — В морском сражении при Лепанто в 1571 г. объединенный флот Испании, Венеции и римского папы нанес турецкому флоту крупное поражение.

¹⁸¹ Когда Афины шли на Сиракузы... — Сицилийская экспедиция 415 г. до н. э.; пример неудачи завоевательных стремлений Афинской морской державы.

¹⁸² ...Стих Еврипида, сотни граждан спас. — Во время сицилийской экспедиции (415 г. до н. э.) попытка продвинуть сухопутные войска внутрь острова привела к захвату в рабство семи тысяч афинян. На смягчение своей участи могли надеяться лишь те афиняне, кто знал наизусть отрывки из популярных среди населения Сицилии трагедий великого древнегреческого драматурга Еврипида (ок. 480–406 гг. до н. э.).

Ты чтишь, ты помнишь своего Торквато.
Стыд нациям! Но Англии — двойной!
Морей царица! Как сестру иль брата,
Дитя морей своим щитом укрой.
Ее закат настал, но далеко ли твой?

18

Венецию любил я с детских дней,
Она была моей души кумиром,
И в чудный град, рожденный из зыбей,
Воспетый Радклиф,¹⁸³ Шиллером, Шекспиром,
Всецело веря их высоким лирам,
Стремился я, хотя не знал его.
Но в бедствиях, почти забытый миром,
Он сердцу стал еще родней того,
Который был как свет, как жизнь, как волшебство!

19

Я вызываю тени прошлых лет,
Я узнаю, Венеция, твой гений,
Я нахожу во всем живой предмет
Для новых чувств и новых размышлений,
Я словно жил в твоей поре весенней,
И эти дни вошли в тот светлый ряд
Ничем не истребимых впечатлений,
Чей каждый звук, и цвет, и аромат
Поддерживает жизнь в душе, прошедшей ад.

20

Но где растут стройней и выше ели?
На высях гор, где камень да гранит,
И где земля от стужи, и метели,
И от альпийских бурь не оградит,
И древние утесы им не щит.
Стволы их крепнут, корни в твердь пуская,
И гор достоин их могучий вид.
Им нет соперниц. И как ель такая,
И зреет и растет в борьбе душа людская.

21

¹⁸³ Радклиф Анна (1764–1823) — английская писательница. В ее романе «Удольфские тайны» действие происходит в Венеции.

Возникла жизнь — ей бремя не стяхнуть.
Корнями вглубь вонзается страданье
В бесплодную, иссушенную грудь.
Но что ж — верблюд несет свой груз в молчанье!
А волк и при последнем издыханье
Не стонет, — но ведь изменна их стать.
Так если мы — высокие созданья,
Не стыдно ли стонать или кричать?
Наложим на уста молчания печать.

22

Страданье иль убьет, иль умирает,
И вновь, невольник призрачных забот,
Свой горький путь страдалец повторяет
И жизни ткань из той же нити тклет.
Другой, устав, узнав душевный гнет
И обессилен, падает, в паденье
Измяв тростник, неверный свой оплот.
А третий мнит найти успокоенье —
Чтоб вознестись иль пасть — в добре иль преступленье.

23

Но память прошлых горестей и бед
Болезненна, как скорпиона жало.
Он мал, он еле видим, жгучий след,
Но он горит — и надобно так мало,
Чтоб вспомнить то, что душу истерзало.
Шум ветра — запах — звук — случайный взгляд
Мелькнули — и душа затрепетала,
Как будто электрический разряд
Ее включает в цепь крушений, слез, утрат.

24

Как? Почему? Но кто проникнуть мог
Во тьму, где Духа молния родится?
Мы чувствуем удар, потом ожог,
И от него душа не исцелится.
Пустяк, случайность — и всплывают лица,
И сколько их, то близких, то чужих,
Забытых иль успевших измениться,
Любимых, безразличных, дорогих...
Их мало, может быть, и все ж как много их!

25

Но в сторону увел я мысль мою.
Вернись, мой стих, чтоб созерцать былое,
Где меж руин руиной я стою,
Где мертвое прекрасно, как живое,
Где обрело величие земное
В высоких добродетелях оплот,
Где обитали боги и герои,
Свободные — цари земли и вод, —
И дух минувших дней вовеки не умрет.

26

Республика царей — иль граждан Рима!
Италия, осталась прежней ты,
Искусством и Природою любима,
Земной эдем, обитель красоты,
Где сорняки прекрасны, как цветы,
Где благодатны, как сады, пустыни,
В самом паденье — дивный край мечты,
Где безупречность форм в любой руине
Бессмертной прелестью пленяет мир донне.

27

Взошла луна, но то не ночь — закат
Теснит ее, полнебом обладая.
Как в нимбах славы, Альп верхи горят.
Фриулы¹⁸⁴ скрыла дымка голубая.
На Западе, как радуга, играя,
Перемешал все краски небосвод,
И день уходит в Вечность, догорая,
И, отраженный в глуби синих вод,
Как остров чистых душ, Селены диск плывет!

28

А рядом с ней звезда — как две царицы
На полусфере неба. Но меж гор,
На солнце рдея, марево клубится —
Там ночи день еще дает отпор,
И лишь природа разрешит их спор,
А Бренты шум — как плач над скорбной урной,
Как сдержанный, но горестный укор,
И льнет ее поток темно-лазурный
К пурпурным розам, и закат пурпурный

¹⁸⁴ Фриулы — отроги Альп севернее Триеста и северо-восточнее Венеции.

29

Багрянцем брызжет в синий блеск воды,
И, многоцветность неба отражая, —
От пламени заката до звезды, —
Вся в блесках вьется лента золотая.
Но вскоре тень от края и до края
Объемлет мир, и гаснет волшебство.
День — как дельфин, который, умирая,
Меняется в цветах — лишь для того,
Чтоб стать в последний миг прекраснее всего.

30

Есть в Аркуа¹⁸⁵ гробница на столбах,
Где спит в простом гробу без украшений
Певца Лауры одинокий прах.
И здесь его паломник славит гений
Защитника страны от унижений —
Того, кто спас Язык в годину зла,
Но ту одну избрал для восхвалений,
Кто лавра соименницей была
И лавр бессмертия поэту принесла.

31

Здесь, в Аркуа, он жил, и здесь сошел он
В долину лет под кровлею своей.
Зато крестьянин, гордым чувством полон, —
А есть ли гордость выше и честней? —
К могиле скромной позовет гостей
И в скромный домик будет верным гидом.
Поэт был сам и ближе и родней
Селу в горах с широким, вольным видом,
Чем пышным статуям и грозным пирамидам.

32

И тот, кто смертность ощутил свою,
Приволье гор, укромное селенье
Иль пинию, склоненную к ручью,
Как дар воспримет, как благословенье.
Там от надежд обманутых спасенье, —
Пускай жужжат в долинах города,

¹⁸⁵ Аркуа — небольшое селение юго-восточнее Падуи, где находится могила великого итальянского поэта Франческо Петрарки (1304–1374).

Он не вернется в их столпотворенье,
Он не уйдет отсюда никогда.
Тут солнце празднично — в его лучах вода,

33

Земля и горы, тысячи растений,
Источник светлый, — все твои друзья,
Здесь мудрость — ив бездеятельной лени,
Когда часы у светлого ручья
Текут кристальны, как его струя.
Жить учимся мы во дворце убогом,
Но умирать — на лоне бытия,
Где спесь и лесть остались за порогом,
И человек — один и борется лишь с богом

34

Иль с демонами Духа, что хотят
Ослабить мысль и в сердце угнездиться,
Изведавшем печаль и боль утрат, —
В том сердце, что, как пойманная птица,
Дрожит во тьме, тоскует и томится,
И кажется, что ты для мук зачат,
Для страшных мук, которым вечно длиться,
Что солнце — кровь, земля — и тлен и смрад,
Могила — ад, но ад — страшней, чем Дантов ад.

35

Феррара!¹⁸⁶ Одиночеству не место
В широкой симметричности твоей.
Но кто же здесь не вспомнит подлых Эсте,
Тиранов, мелкотравчатых князей,
Из коих не один был лицедей —
То друг искусства, просветитель новый.
То, через час, отъявленный злодей,
Присвоивший себе венок лавровый,
Который до него лишь Дант носил суровый.

36

Их стыд и слава — Тассо! Перечти
Его стихи, пройди к ужасной клетки,
Где он погиб, чтобы в века войти, —

¹⁸⁶ Феррара — город в Северной Италии на реке По. Один из центров Возрождения.

Его Альфонсо¹⁸⁷ кинул в стены эти,
Чтоб, ослеплен, безумью брошен в сети,
Больничным адом нравственно убит,
Он не остался в памяти столетий.
Но, деспот жалкий, ты стыдом покрыт,
А славу Тассо мир еще и ныне чтит,

37

Произнося с восторгом это имя,
Твое же, сгнив, забылось бы давно,
Когда бы злодеяньями своими,
Как мерзкое, но прочное звено,
В судьбу поэта не вплелось оно.
И, облаченный княжеским нарядом,
Альфонсо, ты презренен все равно —
Раб, недостойный стать с поэтом рядом,
Посмевающий дар его душить тюремным смрадом.

38

Как бык, ты ел, — зачем? — чтоб умереть.
Вся разница лишь в корме да в жилища,
Его же нимб сиял и будет впредь
Сиять все ярче, радостней и чище,
Хоть гневу Круски дал он много пищи,¹⁸⁸
Хоть Буало¹⁸⁹ не видел в нем добра
(Апологет стряпни французов нищей —
Докучных, как зуденье комара,
Трескучих вымыслов бессильного пера).

39

Ты среди нас живешь священной тенью!
Ты был, Торквато, обойден судьбой,
Ты стал для стрел отравленных мишенью,
Неуязвим и мертвый, как живой.

¹⁸⁷ Альфонсо II Эсте (ум. в 1597 г.) — феррарский герцог. По его приказу Т. Тассо был объявлен безумным и на семь лет посажен на цепь в больнице св. Анны для умалишенных.

¹⁸⁸ ...гневу Круски дал он много пищи... — Круска — известная в Италии Academia della Crusca во Флоренции. Боролась за утверждение общетальянского литературного языка на основе литературного языка великих поэтов-флорентийцев, но отметала живую народную речь. Некоторые ее члены высказывали резкие суждения в адрес Т. Тассо и его поэмы «Освобожденный Иерусалим».

¹⁸⁹ Буало Никола (1636–1711) — поэт и теоретик французского классицизма. Байрон не был согласен с критическими замечаниями Буало о поэзии Т. Тассо.

И есть ли бард, сравнившийся с тобой?
За триста лет поэтов много было,
Но ты царишь один над их толпой.
Так солнце есть, и никакая сила,
Собрав его лучи, не повторит светила.

40

Да! Только среди его же земляков
Предшественники были, мой читатель,
Не менее великие. Таков
«Божественной Комедии» создатель¹⁹⁰
Иль чудных небылиц изобретатель,
Тот южный Скотт,¹⁹¹ чей гений столь же смел,
Кто, как романов рыцарских слагатель —
Наш Ариосто северный, воспел
Любовь, и женщину, и славу бранных дел.

41

Был молнией на бюсте Ариосто
Венец расплавлен и на землю сбит.
Стихия дело разрешила просто:
Железу лавром быть не надлежит.
Как лавров Славы гром не сокрушит,
Так сходство с лавром лишь глупца обманет.
Но суеверье попусту дрожит:
Рассудок трезвый по-другому взглянет —
Гром освящает то, во что стрелою грянет.

42

Зачем печать высокой красоты,
Италия! твоим проклятьем стала?
Когда б была не столь прекрасна ты,
От хищных орд ты меньше бы страдала.
Ужель еще стыда и горя мало?
Ты молча терпишь гнет чужих держав!
Тебе ль не знать могущество кинжала!
Восстань, восстань — и, кровопийц прогнав,
Яви нам гордый свой, вольнолюбивый нрав!

¹⁹⁰ «Божественной Комедии» создатель — великий итальянский поэт Данте Алигьери (1265–1321).

¹⁹¹ Южный Скотт. — Знаменитого итальянского поэта Ариосто Байрон сравнивает со своим современником (называя его, в свою очередь, «Наш Ариосто северный»), выдающимся английским писателем Вальтером Скоттом.

43

Тогда бы ты, могуществом пугая,
Ничьих желаний гнусных не влекла,
И красота, доныне роковая,
Твоим самоубийством не была.
Войска бы не катились без числа
В долины Альп глумиться над тобою,
И ты б чужих на помощь не звала,
Сама не в силах дать отпор разбою, —
Твоих заступников не стала бы рабою.

44

Я плавал в тех краях, где плавал друг
Предсмертной образованности Рима,
Друг Цицерона.¹⁹² Было все вокруг,
Как в оны дни. Прошла Мегара мимо,
Пирей маячил справа нелюдимо,
Эгина¹⁹³ сзади. Слева вознесен,
Белел Коринф.¹⁹⁴ А море еле зримо
Качало лодку, и на всем был сон.
Я видел ряд руин — все то, что видел он.

45

Руины! Сколько варварских халуп
Поставили столетья рядом с ними!
И оттого, хотя он слаб и скуп,
Останний луч зари, сиявшей в Риме,
Он тем для нас прекрасней, тем любимей.
Уже и Сервий лишь оплакать мог
Все, от чего осталось только имя,
Бег времени письмо его сберег,
И в нем для нас большой и горестный урок.

46

¹⁹² *Друг Цицерона* — Сервий Сульпиций Руф, римский консул, друг знаменитого оратора и политического деятеля Древнего Рима Марка Туллия Цицерона (106-43 гг. до н. э.). В письмах к Цицерону Сервий дал интересные описания мест, которые он посетил во время поездки по Греции. Ряд этих городов Байрон также посетил во время путешествия в 1809–1811 гг.

¹⁹³ Эгина — остров в Сароническом заливе Эгейского моря.

¹⁹⁴ Мегара, Пирей, Коринф — города в Греции.

И вслед за ним я в путевой тетрадке
Погибшим странам вздох мой посвятил.
Он с грустью видел родину в упадке,
Я над ее обломками грустил.
В столетьях вырос длинный счет могил,
На Рим великий буря налетела,
И рухнул Рим,¹⁹⁵ и жар давно остыл
В останках титанического тела.
Но дух могучий зрим, и только плоть истлела.

47

Италия! Должны народы встать
За честь твою, раздоры отменяя,
Ты мать оружия, ты искусства мать,
Ты веры нашей родина святая.
К тебе стремятся — взять ключи от рая
Паломники со всех земных широт.
И верь, бесчестье матери карая,
Европа вся на варваров пойдет
И пред тобой в слезах раскаянья падет.

48

Но вот нас манит мраморами Арно.
В Этрурии¹⁹⁶ наследницу Афин¹⁹⁷
Приветствовать мы рады благодарно,
Среди холмов зеленых, и долин,
Зерна, и винограда, и маслин,
Среди природы щедрой и здоровой,
Где жизнь обильна, где неведом сплин,
И к роскоши привел расцвет торговый,
Зарю наук воззвав из тьмы средневековой.

49

Любви богиня силой красоты
Здесь каждый камень дивно оживила,
И сам бессмертью причастишься ты,

¹⁹⁵ ...рухнул Рим... — в 476 г. последний римский император был низложен, и Западная Римская империя пала.

¹⁹⁶ Этрурия — область на северо-западе Апеннинского полуострова, населенная в древности этрусками; современная Тоскана.

¹⁹⁷ Наследница Афин. — Флоренция, которая сыграла значительную роль в истории культуры и искусства Италии.

Когда тебя радушно примет вилла,¹⁹⁸
Где мощь искусства небо нам открыла
Языческой гармонией резца,
Которой и природа уступила,
Признав победу древнего творца,
Что создал идеал и тела и лица.

50

Ты смотришь, ты не в силах с ней проститься,
Ты к ней пришел — и нет пути назад!
В цепях за триумфальной колесницей
Искусства следуй, ибо в плен ты взят.
Но этот плен, о, как ему ты рад!
На что здесь толки, споры, словопренья,
Педантства и бессмыслицы парад!
Нам голос мысли, чувства, крови, зренья
Твердит, что прав Парис и лишни заверенья.

51

Такой ли шла ты к принцу-пастуху,
Такая ли к Анхизу приходила?
Такая ли, покорствуя греху,
Ты богу битв лукаво кровь мутила,
Когда он видел глаз твоих светила,
К твоей груди прикинув головой,
А ты любви молила, ты любила,
И поцелуев буре огневой
Он отдавал уста, как раб смиренный твой.

52

Но бог, любя, не пел любовных песен,
Он в красках чувство выразить не мог.
Он был, как мы, влюбленный, бессловесен,
И смертному уподоблялся бог.
Часов любви не длит упрямый рок,
Но смертный помнит краски, ароматы,
Сердечный трепет — вечности залог,
И памятью и опытом богатый,
Ужели он не бог, творец подобных статуй!

53

¹⁹⁸ Вилла. — Байрон имеет в виду художественную галерею Уффици во Флоренции, где находится статуя Венеры Медицейской.

Пусть, мудростью красуясь наживной,
Художнической братьи обезьяна,
Его эстетство — критик записной
Толкует нам изгиб ноги и стана,
Рассказывая то, что несказанно,
Но пусть зеркал не помрачает он,
Где должен без малейшего изъяна
Прекрасный образ, вечно отражен,
Примером царственным сиять для смертных жен.

54

В священном Санта-Кроче¹⁹⁹ есть гробницы,
Чьей славой Рим тысячекратно свят.
И пусть ничто в веках не сохранится
От мощи, обреченной на распад,
Они его бессмертье отстоят.
Там звездный Галилей в одном приделе,
В другом же, рядом с Альфиери, спят
Буонаротти и Макиавелли,
Отдав свой прах земле, им давшей колыбели.

55

Они бы, как стихии, вчетвером
Весь мир создать могли. Промчатся годы,
И может рухнуть царственный твой дом,
Италия! Но волею Природы
Гигантов равных не дали народы,
Царящие огнем своих армад.
И, как твои ни обветшали своды,
Их зори Возрожденья золотят,
И дал Канову твой божественный закат.

56

Но где ж, Тоскана, где три брата кровных?²⁰⁰
Где Дант, Петрарка? Горек твой ответ!
Где тот рассказчик ста новелл²⁰¹ любовных,
Что в прозе был пленительный поэт?

¹⁹⁹ Санта-Кроче — церковь-усыпальница во Флоренции.

²⁰⁰ *...где три брата кровных?* — Байрон говорит о трех великих основоположниках итальянской литературы — Данте, Петрарке и Боккаччо.

²⁰¹ *...рассказчик ста новелл...* — Джованни Боккаччо (1313–1375).

Иль потому он так пропал, их след,
Что Смерть, как Жизнь, от нас их отделила?
На родине им даже бюстов нет!
Иль мрамора в Тоскане не хватило,
Чтобы Флоренция сынов своих почтила?

57

Неблагодарный город! Где твой стыд?
Как Сципион, храним чужою сенью,²⁰²
Изгнанник твой, вдали твой Данте спит,²⁰³
Хоть внуки всех причастных преступленью
Прощенья молят пред великой тенью.
И лавр носил Петрарка не родной²⁰⁴ —
Он, обучивший сладостному пенью
Всех европейских бардов, — он не твой,
Хотя ограблен был, как и рожден, тобой.²⁰⁵

58

Тебе Боккаччо завещал свой прах,
Но в Пантеоне ль мастер несравненный?
Напомнит ли хоть реквием в церквах,
Что он возвел язык обыкновенный
В Поэзию — мелодию сирены?
Он мавзолея славы заслужил,
Но и надгробье снял ханжа презренный,²⁰⁶
И гению нет места средь могил,
Чтобы и вздохом тень прохожий не почтил.

59

²⁰² *Как Сципион, храним чужою сенью...* — Сципион Африканский Старший, Публий Корнелий (ок. 235–183 гг. до н. э.) — римский полководец. По преданию, обиженный неблагодарностью граждан Рима, остаток дней провел далеко от столицы.

²⁰³ *...вдали твой Данте спит...* — Данте, родившийся во Флоренции, умер в изгнании, похоронен в Равенне.

²⁰⁴ *...лавр носил Петрарка не родной...* — За поэму «Африка» Петрарка был увенчан лавровым венком в Риме.

²⁰⁵ *...ограблен был... тобой.* — Имущество отца Петрарки было конфисковано, а сам он изгнан из Флоренции вскоре после изгнания Данте.

²⁰⁶ *...надгробье снял ханжа презренный...* — Ненавидевшие Боккаччо церковники в 1783 г. уничтожили его гробницу.

Да, в Санта-Кроче величайших нет.
Но что с того? Не так ли в Древнем Риме,
Когда на имя Брута лег запрет,²⁰⁷
Лишь слава Брута стала ощутимей.
И Данте сон валами крепостными
Равенна благодарная хранит.
И в Аркуа кустами роз живыми
Певца Лауры смертный холм увит.
Лишь мать-Флоренция об изгнанных скорбит.

60

Так пусть вельможам, герцогам-купцам
Воздвиглись пирамиды из агата,
Порфира, яшмы, — это льстит глупцам!
Когда роса ложится в час заката
Иль веет ночь дыханьем аромата
На дерн могильный — вот он, мавзолей
Титанам, уходящим без возврата.
Насколько он прекрасней и теплей
Роскошных мраморов над прахом королей!

61

Скульптура вместе с радужной сестрой
Собор над Арно в чудо превратила.
Я свято чту искусств высокий строй,
Но сердцу все ж иное чудо мило:
Природа — море, облака, светила;
Я рад воспеть шедевры галерей,
Но даже то, что взор мой поразило,
Не рвется песней из души моей.
Есть мир совсем иной, где мой клинок верней.

62

Где зыблется в теснине Тразимена,
Где для мечты — ее желанный дом.
Здесь победила хитрость Карфагена,²⁰⁸
И, слишком рано гордый торжеством,
Увидел Рим орлов своих разгром,

²⁰⁷ ...Когда на имя Брута лег запрет... — Брут Марк Юний (85–42 гг. до н. э.) — римский политический деятель, республиканец, один из убийц Юлия Цезаря.

²⁰⁸ Тразимена... хитрость Карфагена... — в 217 г. до н. э. близ Тразименского озера в битве между армией Карфагена и римскими войсками, втянутые в засаду и окруженные войска консула Фламиния были полностью разбиты армией Ганнибала.

Не угадав засаду Ганнибала,
И, как поток, в ущелье роковом
Кровь римская лилась и клокотала,
И, рухнув, точно лес от буревала,

63

Горой лежали мертвые тела, —
Храбрейшим, лучшим не было спасенья,
И жажда крови так сильна была,
Что, видя смерть, в безумстве исступленья
Никто не замечал землетрясенья,
Хотя бы вдруг разверзшийся провал,
Усугубляя ужас истребленья,
Коней, слонов и воинов глотал.
Так ненависть слепа, и целый мир ей мал.

64

Земля была под ними как челнок,
Их уносивший в вечность, без кормила,
И руль держать никто из них не мог,
Затем что в них бушующая сила
Самой Природы голос подавила —
Тот страх, который гонит вдаль стада,
Взметает птиц, когда гроза завывала,
И сковывает бледные уста, —
Так, словно человек умолкнул навсегда.

65

Как Тразимена изменилась ныне!
Лежит, как щит серебряный, светла.
Кругом покой. Лишь мирный плуг в долине
Земле наносит раны без числа.
Там, где лежали густо их тела,
Разросся лес. И лишь одна примета
Того, что кровь когда-то здесь текла,
Осталась для забывчивого света:
Ручей, журчащий здесь, зовется Сангвинетто.²⁰⁹

66

А ты, Клитумн, о светлая волна,
Кристалл текучий, где порой, нагая,

²⁰⁹ Сангвинетто — окровавленный (*итал.*).

Купается, в струях отражена,
Собой любясь, нимфа молодая;
Прозрачной влагой берега питая,
О, зеркало девичьей красоты,
О, благосклонный бог родного края,
Забыв войну, растишь и холишь ты
Молочно-белый скот, и травы, и цветы.

67

Лишь небольшой, но стильный, стройный храм,
Как память лет, что в битвах отгремели,
Глядит с холма, ближайшего к волнам,
И видно, как в прозрачной их купели
Гоняются и прыгают форели,
А там, где безмятежна глубина,
Нимфеи спят, колышась еле-еле,
И, свежести пленительной полна,
Пришельца сказками баюкает волна.

68

Благословен долины этой гений!
Когда, устав за долгий переход,
Пьешь полной грудью аромат растений,
И вдруг в лицо прохладой дохнет,
И, наконец, ты, смыв и пыль и пот,
Сядишься в тень, на склон реки отлогий,
Сама душа Природе гимн поет,
Дарующей такой приют в дороге,
Где далеко и жизнь, и все ее тревоги.

69

Но как шумит вода! С горы в долину
Гигантской белопенною стеной —
Стеной воды! — свергается Велико,
Все обдавая бурей водяной.
Пучина Орка! Флегетон шальной!
Кипит, ревет, бурлит, казнимый адом,
И смертным потом — пеной ледяной —
Бьет, хлещет по утесистым громадам,
Как бы глумящимся над злобным водопадом,

70

Чьи брызги рвутся к солнцу и с небес,
Как туча громоносная в апреле,

Дождем струятся на поля, на лес,
Чтобы они смарагдом зеленели,
Не увядая. В тьму бездонной щели
Стихия низвергается, и вот
Из бездны к небу глыбы полетели,
Низринутые вглубь с родных высот
И вновь летящие, как ядра, в небосвод,

71

Наперекор столбу воды, который
Так буйно крутит и швыряет их,
Как будто море, прорывая горы,
Стремится к свету из глубин земных
И хаос бьется в муках родовых —
Не скажешь: рек источник жизнедарный!
Нет, он, как Вечность, страшен для живых,
Зеленый, белый, голубой, янтарный,
Обворожающий, но лютый и коварный.

72

О, Красоты и Ужаса игра!
По кромке волн, от края и до края,
Надеждой подле смертного одра
Ирида светит, радугой играя,
Как в адской бездне луч зари, живая,
Нарядна, лучезарна и нежна,
Над этим мутным бешенством сияя,
В миллионах шумных брызг отражена,
Как на Безумие — Любовь, глядит она,

73

И вновь я на лесистых Апеннинах —
Подобьях Альп. Когда б до этих пор
Я не бывал на ледяных вершинах,
Не слышал, как шумит под фирном бор
И с грохотом летят лавины с гор,
Я здесь бы восхищался непрестанно,
Но Юнгфрау мой чаровала взор,
Я видел выси мрачного Монблана,
Громовершинную, в одежде из тумана,

74

Химари — и Парнас, и лет орлов,
Над ним как бы соперничавших славой,

Взмывавших выше гор и облаков;
Я любовался Этной величавой,
Я, как троянец, озираю дубравы
Лесистой Иды, я видал Афон,
Олимп, Соракт, уже не белоглавый,
Лишь тем попавший в ряд таких имен,
Что был Горацием в стихах прославлен он,

75

Девятым валом вставший средь равнины,
Застывший на изломе водопад, —
Кто любит дух классической рутины,
Пусть эхо будит музыкой цитат.
Я ненавижу этот школьный ад,
Где мы латынь зубрили слово в слово,
И то, что слушал столько лет назад,
Я не хочу теперь услышать снова,
Чтоб восхищаться тем, что в детстве так сурово

76

Вколачивалось в память. С той поры
Я, правда, понял важность просвещенья,
Я стал ценить познания дары,
Но, вспоминая школьные мученья,
Я не могу внимать без отвращенья
Иным стихам. Когда бы педагог
Позволил мне читать без принужденья, —
Как знать, — я сам бы полюбить их мог,
Но от зубрежки мне постыл их важный слог.

77

Прощай, Гораций, ты мне ненавистен,
И горе мне! Твоя ль вина, старик,
Что красотой твоих высоких истин
Я не пленен, хоть знаю твой язык.
Как моралист, ты глубже всех постиг
Суть жизни нашей. Ты сатирой жгучей
Не оскорблял, хоть резал напрямик.
Ты знал, как бог, искусства строй певучий,
И все ж простимся — здесь, на Апеннинской круче.

78

Рим! Родина! Земля моей мечты!
Кто сердцем сир, чьи дни обузой стали,

Взгляни на мать погибших царств — и ты
Поймешь, как жалки все твои печали.
Молчи о них! Пройди на Тибр и дале,
Меж кипарисов, где сова кричит,
Где цирки, храмы, троны отблестали,
И однодневных не считай обид:
Здесь мир, огромный мир в пыли веков лежит.

79

О Древний Рим! Лишенный древних прав,
Как Ниобея — без детей, без трона,
Стоишь ты молча, свой же кенотаф.
Останков нет в гробнице Сципиона,
Как нет могил, где спал во время оно
Прах сыновей твоих и дочерей.
Лишь мутный Тибр струится неуклонно
Вдоль мраморов безлюдных пустырей.
Встань, желтая волна, и скорбь веков залей!

80

Пожары, войны, бунты, гунн и гот, —
О, смерч над семихолмною столицей!
И Рим слабел, и грянул страшный год:
Где шли в цепях, бывало, вереницей
Цари за триумфальной колесницей,
Там варвар стал надменною пятой
На Капитолий. Мрачною гробницей
Простерся Рим, пустынный и немой.
Кто скажет: «Он был здесь», — когда двойною тьмой,

81

Двойною тьмой — незнания и столетий
Закрыт его гигантский силуэт,
И мы идем на ощупь в бледном свете;
Есть карты мира, карты звезд, планет,
Познание идет путем побед,
Но Рим лежит неведомой пустыней,
Где только память пролагает след.
Мы «Эврика!» кричим подчас и ныне,
Но то пустой мираж, подсказка стертых линий.

82

О Рим! Не ты ль изведаль торжество

Трехсот триумфов!²¹⁰ В некий день священный
Не твой ли Брут вонзил кинжал в того,
Кто стать мечтал диктатором вселенной!
Тит Ливии, да Вергилий вдохновенный,
Да Цицерон — в них воскресает Рим.
Все остальное — прах и пепел бренный,
И Рим свободный — он неповторим!
Его блестящих глаз мы больше не узрим.

83

Ты, кто орлов над Азией простер
И рвался дальше в бранном увлеченье,
Ты, Сулла, чей победоносный взор
Не разглядел, что Рим готовит мщенье:
Народ — за кровь, сенат — за униженье
(Один твой взгляд — и подчинялся он), —
Ты все впитал: порок и преступленье,
Но, Рима сын, храня небрежный тон,
С улыбкой отдал то, что более, чем трон,

84

Давало власть — диктаторское право.
Ты мог ли знать, что Рим, его оплот,
Возвысившая цезарей держава —
Всесильный Рим, — когда-нибудь падет,
Что в Рим царить не римлянин придет,
Он — «Вечный град» в сознание поколений,
Он, крыльями обнявший небосвод,
Не знающий проигранных сражений,
Он будет варваром поставлен на колени!

85

Как Сулла — первый корифей войны,
Так первый узурпатор, от природы,
Наш Кромвель.²¹¹ Для величия страны,
Для вечной славы и за миг свободы
Он отдал мрачным преступлениям годы,
Прогнал сенат и сделал плахой трон.
Священный бунт! Но вам мораль, народы:

²¹⁰ ...торжество трехсот триумфов! — Считают, что за всю историю Древнего Рима город был свидетелем трехсот двадцати триумфов — торжественных встреч полководцев-победителей.

²¹¹ Кромвель Оливер (1599–1658) — крупнейший деятель английской буржуазной революции XVII в. После казни короля Карла I стал лордом-протектором республики, единоличным правителем Англии.

В день двух побед был смертью награжден²¹²
Некоронованный наследник двух корон.

86

В тот самый месяц, третьего числа,
Отвергнув трон, но больше, чем на троне,
Он опочил, и смерть к нему пришла,
Чтобы в могильном упокоить лоне.
Не в высшем ли начертано законе,
Что слава, власть — предмет вражды людской —
Не стоят нашей яростной погони,
Что там, за гробом, счастье и покой.
Усвой мы эту мысль — и станет жизнь другой.

87

А ты, ужасный монумент Помпея,
Пред кем, обрызгав кровью пьедестал,
Под крик убийц пал Цезарь²¹³ и, слабея,
Чтобы сыграть достойно свой финал,
Закрывшись тогой, молча умирал, —
В нагом величье, правда ль, в этом зале
Ты алтарем богини мщенья стал?
Мертвы ль вы оба? Что за роль играли?
Быть может, кукол роль, хоть в плен царей вы брали?

88

А ты, в кого ударил дважды гром,
Доныне, о священная волчица,
Млеко побед, которым вскормлен Рем,
Из бронзовых сосцов твоих сочится.
Навек — музея древностей жилища,
От жгучих стрел Юпитера черна,
Чтоб вечно Рим тобою мог гордиться,
Мать смелых! Вечно ты стоять должна
И город свой хранить, как в оны времена.

²¹² *В день двух побед был смертью награжден...* — Байрон подчеркивает, что 3 сентября было фатальным числом в жизни Кромвеля: в этот день в 1650 и 1651 гг. он одержал победы над королевскими войсками и 3 же сентября 1658 г. умер.

²¹³ *...монумент Помпея, // Пред кем... пал Цезарь...* — Статуя в Палаццо Спада в Риме, возможно, портретная статуя Гнея Помпея (106-48 гг. до н. э.) — римского политического деятеля и полководца, противника Юлия Цезаря, но, очевидно, не та, около которой был убит Цезарь.

89

Храни его! Но тех людей железных
Давно уж нет. Мир города воздвиг
На их могилах. В войнах бесполезных
Им подражало множество владык,
Но их пугало то, что Рим велик
И нет меж ними равного судьбою,
Иль есть один, и он всего достиг,
Но, честолюбец, вставший над толпою,
Он — раб своих рабов²¹⁴ — низвергнут сам собою.

90

Лжевластью ослепленный, он шагал,
Поддельный Цезарь, вслед за неподдельным,
Но римлянин прошел другой закал:
Страсть и рассудок — все в нем было цельным.
Он был могуч инстинктом нераздельным,
Который все в гармонии хранит,
Гость Клеопатры²¹⁵ — подвигам смертельным
За прялкой изменяющий Алкид,²¹⁶ —
Который вновь пойдет, увидит, победит,

91

И вот он Цезарь вновь! А тот, хотящий,
Чтоб стал послушным соколом орел,
Перед французской армией летящий,
Которую путем побед он вел, —
Тому был нужен Славы ореол,
И это все. Он раболепство встретил,
Но сердцем был он глух. Куда он шел?
И в Цезари — с какою целью метил?
Чем, кроме славы, жил? Он сам бы не ответил.

92

Ничто иль все! Таков Наполеон.
А не накличь он свой конец печальный,

²¹⁴ ...раб своих рабов. — Байрон имеет в виду Наполеона.

²¹⁵ Гость Клеопатры. — По преданию, влюбленный Цезарь долгое время оставался при дворе египетской царицы Клеопатры.

²¹⁶ За прялкой изменяющий Алкид... — Алкид (иначе Геракл) за убийство Ифита должен был три года служить рабом у лидийской царицы Омфалы, выполняя женскую работу.

Он был бы, словно Цезарь, погребен,
Чей прах топтать готов турист нахальный.
И вот мечта об арке Триумфальной,
Вот кровь и слезы страждущей Земли,
Потоп, бурлящий с силой изначальной!
Мир тонет в нем, и нет плота вдали...
О боже, не ковчег, хоть радугу пошли!

93

Жизнь коротка, стеснен ее полет,
В суждениях не терпим мы различий.
А Истина — как жемчуг в глуби вод.
Фальшив отяготивший нас обычай.
Средь наших норм, условностей, приличий
Добро случайно, злу преграды нет,
Рабы успеха, денег и отличий,
На мысль и чувство наложив запрет,
Предпочитают тьму, их раздражает свет.

94

И так живут в тупой, тяжелой скуке,
Гордясь собой, и так во гроб сойдут.
Так будут жить и сыновья и внуки,
И дальше рабский дух передадут,
И в битвах за ярмо свое падут,
Как падал гладиатор на арене.
Не за свободу, не за вольный труд, —
Так братья гибли: сотни поколений,
Сметенных войнами, как вихрем — лист осенний.

95

О вере я молчу — тут каждый сам
Решает с богом, — я про то земное,
Что так понятно, ясно, близко нам, —
Я разумею то ярмо двойное,
Что нас гнетет при деспотичном строе,
Хоть нам и лгут, что следуют тому,
Кто усмирял надменное и злое,
С земных престолов гнал и сон и тьму,
За что одно была б вовек хвала ему.

96

Ужель тирану страшны лишь тираны?
Где он, Свободы грозный паладин,

Каким, Минерва девственной саванны,
Колумбия, был воин твой и сын?²¹⁷
Иль, может быть, такой в веках один,
Как Вашингтон, чье сердце воспиталось
В глухих лесах, близ гибельных стремнин?
Иль тех семян уж в мире не осталось
И с жаждой вольности Европа расквиталась?

97

Пьяна от крови, Франция в те дни
Блевала преступленьем. Все народы
Смутила сатурналия резни,²¹⁸
Террор, тщеславье, роскошь новой моды, —
Так мерзок был обратный лик Свободы,
Что в страхе рабству мир себя обрек,²¹⁹
Надежде вновь сказав «прости» на годы.
Вторым грехопаденьем в этот век
От Древа Жизни был отторгнут человек.

98

И все-таки твой дух, Свобода, жив,
Твой стяг под ветром плещет непокорно,
И даже бури грохот заглушив,
Пускай, хрипя, гремит твоя валторна.
Ты мощный дуб, дающий лист упорно, —
Он топором надрублен, но цветет.
И Вольностью посеянные зерна
Лелеет Север, и настанет год,
Когда они дадут уже не горький плод.

99

Вот почернелый мрачный бастион.²²⁰
Часть крепости, обрушиться готовой,
Врагам отпор давал он испокон,
Фронтон его, изогнутый подковой,

²¹⁷ ...*Каким... Колумбия, был воин твой и сын?* — Имеется в виду Симон Боливар (1783–1830) — один из руководителей национально-освободительного движения в испанских колониях в Южной Америке.

²¹⁸ ...*сатурналия резни...* — Байрон вспоминает Ватерлоо.

²¹⁹ ...*рабству мир себя обрек...* — Так называет Байрон годы Реставрации и Священного союза в Европе.

²²⁰ ...*мрачный бастион* — мавзолей Цецилии Метеллы, жены римского триумвира Красса; в средние века был превращен в бастион.

Плюща гирляндой двадцативековой,
Как Вечности венком, полузакрыт.
Чем был, что прятал он в тот век суровый?
Не клад ли в подземелье был зарыт?
Нет, тело женщины, — так был нам говорит.

100

Зачем твой склеп — дворцовый бастион?
И кто ты? Как жила? Кого любила?
Царь или больше — римлянин был он?
Красавиц дочек ты ему дарила,
Иль вождь, герой, чья необорна сила,
Тобой рожден был? Как ты умерла?
Боготворимой? Да! Твоя могила
Покоить низших саном не могла,
И в ней ты, мертвая, бессмертье обрела.

101

А муж твой — не любила ль ты чужого?
Такие страсти знал и Древний Рим.
Была ль ты, как Корнелия,²²¹ сурова,
Служа супругу, детям и родным
И нет! сказав желаниям иным,
Иль, как Египта дерзкая царица,
Жила лишь наслаждением одним?
Была грустна? Любила веселиться?

²²¹ Корнелия — мать братьев Гракхов, Тиберия и Гая, возглавивших движение за проведение аграрной реформы в Древнем Риме (II в. до н. э.).

Но грусть любви всегда готова в радость влиться.

102

Иль, сокращая век твой, как скала,
Тебя давило горе непрестанно?
Иль ты богов любимицей была
И оттого сошла в могилу рано?
И туча, близясь грозно и туманно,
Обрушила на жизнь твою запрет,
А темный взор, порой блестевший странно,
Был признаком чахотки с детских лет,
И цветом юных щек был роц осенних цвет?

103

Иль старой умерла ты, пережившей
Свой женский век, и мужа, и детей,
Но даже снег, твой волос убеливший,
Не обеднил густой косы твоей —
Твоей короны в пору лучших дней,
Когда Метеллой Рим любил хвалиться.
Но что гадать! Меж римских богачей
Был и твой муж, и знала вся столица,
Что гордостью его была твоя гробница.

104

Но почему, когда я так стою
В раздумье пред гробницей знаменитой,
Как будто древний мир я узнаю,
Входящий в сердце музыкой забытой,
Но не такой ликующей, открытой,
А смутной, скорбной, как над гробом речь,
И, сев на камень, хмелем перевитый,
Я силюсь в звуки, в образы облечь
Все, что могла душа в крушении сберечь,

105

Чтобы из досок, бурей разметенных,
Ладью Надежды зыбкой скототив,
Изведать снова злобу волн соленых,
Грызущих берег в час, когда прилив
Идет, их силы удесятерив.
Но сам не знаю — в ясный день, в ненастье, —
Хотя давно я стал неприхотлив,
Куда направлюсь, в ком найду участие,

Когда лишь здесь мой дом, а может быть, и счастье.

106

И все же в путь! Пусть голоса ветров,
Ночную песней наполняя дали,
Вбирают моря шум и крики сов,
Которые здесь только что стонали
В душистой тьме, на смолкшем Квиринале,
И, медленны — глаза как две свечи, —
За Палатин бесшумно проплывали.
Что стоят в этой сказочной ночи
Все наши жалобы! Любуйся — и молчи.

107

Плющ, кипарис, крапива да пырей,
Колонн куски на черном пепелище.
На месте храмов — камни пустырей,
В подземной крипте — плящущий глазищи,
Неспящий филин. Здесь его жилище.
Ему здесь ночь. А это — баня, храм?
Пусть объяснит знаток. Но этот нищий
Твердит: то стен остатки. Знаю сам!
А здесь был римский трои, — мощь обратилась в хлам.

108

Так вот каков истории урок:
Меняется не сущность, только дата.
За Вольностью и Славой — дайте срок! —
Черед богатства, роскоши, разврата
И варварства. Но Римом все объято,
Он все познал, молился всем богам,
Изведал все, что проклято иль свято,
Что сердцу льстит, уму, глазам, ушам...
Да что слова! Взгляни — и ты увидишь сам.

109

Плачь, смейся, негодуй, хвали, брани.
Для чувств любых тут хватит матерьяла.
Века и царства — видишь, вот они!
На том холме, где все руиной стало,
Как солнце, мощь империи блистала.
О, маятник — от смеха и до слез, —
О, человек! Все рухнет с пьедестала.
Где золотые кровли? Кто их снес?

Где все, чьей волею Рим богател и рос?

110

Обломок фриза, брошенный во рву,
Увы! красноречивей Цицерона.
Где лавр, венчавший Цезаря главу?
Остался плющ — надгробная корона.
Венчайте им меня! А та колонна?
Траян увековечен в ней иль Тит?
Нет, Время, ибо Время непреклонно
Меняет все. И там святой стоит,
Где император был умерший не зарыт,²²²

111

А поднят в воздух. Глядя в небо Рима,
В соседстве звезд обрел он вечный свет,
Последний, кто владел неколебимо
Всем римским миром. Тем, кто шел вослед,
Пришлось терять плоды былых побед.
А он, как Македонец, невозбранно
Свои владенья множил столько лет,
Но без убийств, без пьяного дурмана,
И мир доньше чтит величие Траяна.

112

Где холм героев, их триумфов сцена,
Иль та скала, где в предрешенный срок
Заканчивала путь земной измена,
Где честь свою вернуть изменник мог,
Свершив бесстрашно гибельный прыжок.
Здесь Рим слагал трофеи на вершине,
Здесь партий гнев и камни стен прожег,
И, пламенная, в мраморной пустыне
Речь Цицеронова звучит еще доньше.

113

Все Рим изведаль: партий долгий спор,
Свободу, славу, иго тирании —
С тех пор, как робко крылья распростер,
До той поры, когда цари земные

²²² *И там святой стоит, // Где император был умерший не зарыт.* — В 1587 г. статуя римского императора Траяна (р. в 117 гг. н. э.) была снята с колонны и вместо нее установлена статуя св. Петра.

Пред ним склонили раболепно выи.
И вот померк Свободы ореол,
И Рим узнал анархию впервые —
Любой пройдоха, захватив престол,
Топтал сенаторов и с чернью дружбу вел.

114

Но где последний Рима гражданин,
Где ты, Риенци,²²³ ты, второй Помпилий,
Ты, искупитель тягостных годин
Италии, ее позорных былей,
Петрарки друг! В тебе трибуна чтили.
Так пусть от древа Вольности листы
Не увядают на твоей могиле!
С тобой народ связал свои мечты.
О рыцарь Форума, как мало правил ты!

115

Эгерия! Творенье ли того,
Кто, для души прибежища не зная,
Ей, как подругу, создал божество?
Сама Аврора, нимфа ль ты лесная,
Или была ты женщина земная?
Не все ль равно! Вовек тому венец,
Кем рождена ты в мраморе живая!
Прекрасной мыслью вдохновив резец,
Ей совершенную и форму дал творец.

116

И в элизийских брызгах родника
Цветут и зреют тысячи растений.
Его кристалл не тронули века,
В нем отражен долины этой гений,
Его зеленых, диких обрамлений
Не давит мрамор статуй. Для ключа,
Как в древности, нет никаких стеснений.
Его струя, пузырясь и журча,
Бьет меж цветов и трав, среди гирлянд плюща.

117

²²³ Риенци Кола ди (1313–1354) — итальянский политический деятель, возглавивший восстание 1347 г. в Риме.

Все фантастично! В яхонтах, в алмазах
Вокруг ручья — холмов зеленых ряд,
И ящериц проворных, быстроглазых,
И пестрых птиц причудливый наряд.
Они проходим словно говорят:
Куда спешишь? Остайся, путник, с нами,
Не торопись в твой город, в шум и чад!
Манят фиалки синими глазами,
Окрашенными в синь самими небесами.

118

Эгерия! Таков волшебный грот,
Где смертного, богиня, ты встречала,
Где ты ждала, придет иль не придет,
И, звездное раскинув покрывало,
Вас только ночь пурпурная венчала.
Не здесь ли, в этом царстве волшебства,
Впервые в мире дольном прозвучало,
Как первого оракула слова,
Моленье о любви, признанье божества.

119

И ты склонялась к смертному на грудь,
В земной восторг пролив восторг небесный,
Чтобы в любовь мгновенную вдохнуть
Бессмертный пламень страсти бестелесной.
Но кто, какую силою чудесной
Не затупит стрелу, отраву смыв —
Пресыщенность и скуку жизни пресной, —
И плевелы, смертельные для нив,
Кто вырвет, луг земной в небесный обратив?

120

Наш юный жар кипит, увы! в пустыне,
Где бури чувства лишь сорняк плодят,
Красивый сверху, горький в сердцевине,
Где вреден трав душистых аромат,
Где из деревьев брызжет трупный яд
И все живое губит зной гнетущий.
Там не воскреснет сердца юный сад,
Сверкающий, ликующий, поющий,
И не созреет плод, достойный райских кущей.

121

Любовь! Не для земли ты рождена,
Но верим мы в земного серафима,
И мучеников веры имена —
Сердец разбитых рать неисчислима.
Ты не была, и ты не будешь зрима,
Но, к опыту скептическому глух,
Какие формы той, кто им любима,
Какую власть, закрыв и взор и слух,
Дает измученный, усталый, скорбный дух!

122

Он собственной отравлен красотой,
Он пленник лжи. В природе нет того,
Что создается творческой мечтою,
Являя всех достоинств торжество.
Но юность вымышляет божество,
И, веруя в эдем недостижимый,
Взыскует зрелость и зовет его,
И гонится за истиною мнимой,
Ни кисти, ни перу — увы! — непостижимой.

123

Любовь — безумье, и она горька.
Но исцеленье горше. Чар не стало,
И, боже! как бесцветна и мелка,
Как далека во всем от идеала
Та, чей портрет нам страсть нарисовала,
Но сеять ветер сердце нас манит
И бурю жнет, как уж не раз бывало,
И наслажденья гибельный магнит
Алхимией любви безумца вновь пьянит.

124

Мы так больны, так тяжело нам дышать,
Мы с юных лет от жажды изнываем.
Уже на сердце — старости печать,
Но призрак, юность обольстивший раем,
Опять манит — мы ищем, мы взываем,
Но поздно — честь иль слава, — что они!
Что власть, любовь, колы счастья мы не знаем!
Как метеор, промчатся ночи, дни,
И смерти черный дым потушит все огни.

125

Немногим — никому не удастся
В любви свою мечту осуществить.
И если нам удача улыбнется
Или потребность верить и любить
Заставит все принять и все простить,
Конец один: судьба, колдунья злая,
Счастливых дней запутывает нить,
И, демонов из мрака вызывая,
В наш сон вторгается реальность роковая.

126

О наша жизнь! Ты во всемирном хоре
Фальшивый звук. Ты нам из рода в род
Завещанное праотцами горе,
Анчар гигантский, чей отравлен плод.
Земля твой корень, крона — небосвод,
Струящий ливни бед неисчислимых:
Смерть, голод, рабство, тысячи невзгод,
И зримых слез, и хуже — слез незримых,
Кипящих в глубине сердец неисцелимых.

127

Так будем смело мыслить! Отстоим
Последний форт среди общего паденья.
Пусть хоть ты останешься моим,
Святое право мысли и сужденья,
Ты, божий дар! Хоть с нашего рожденья
Тебя в оковах держат палачи,
Чтоб воспарить не мог из заточенья
Ты к солнцу правды, — но блеснут лучи,
И все поймет слепец, томящийся в ночи.

128

Повсюду арки, арки видит взор,
Ты скажешь: Рим не мог сойти со сцены,
Пока не создал Колизей — собор
Своих триумфов. Яркий свет Селены
На камни льется, на ступени, стены,
И мнится, лишь светильнику богов
Светить пристало на рудник священный,
Питавший столько будущих веков
Сокровищами недр. И синей мглы покров

129

В благоуханье ночи итальянской,
Где запах, звук — все говорит с тобой,
Простерт над этой пустошью гигантской.
То сам Сатурн всеильною рукой
Благословил ее руин покой
И сообщил останкам Рима бrenным
Какой-то скорбный и высокий строй,
Столь чуждый нашим зданьям современным.
Иль душу время даст их безразличным стенам?

130

О Время! Исцелитель всех сердец,
Страстей непримиримых примиритель,
Философ меж софистов и мудрец,
Суждений ложных верный исправитель.
Ты украшаешь смертную обитель.
Ты проверяешь Истину, Любовь,
Ты знаешь все! О Время, грозный мститель,
К тебе я руки простираю вновь
И об одном молю, одно мне уготовь:

131

Среди руин, где твой пустынный храм,
Среди богов, вдали мирского шквала,
Средь жертв, где в жертву приношу я сам
Руины жизни — пусть я прожил мало:
Когда хоть раз во мне ты спесь видало,
Отринь меня, мои страданья множь,
Но если в бедах сердце гордым стало,
А был я добр, нося в нем острый нож,
Заставь их каяться за клевету и ложь.

132

Зову тебя, святая Немезида!
О ты, кем взвешен каждый шаг людской,
Кем ни одна не прощена обида,
Ты, вызвавшая фурий злобный рой,
Чтобы Ореста, яростной рукой
Свершившего неслыханное дело,²²⁴
Погнал к возмездью вопль их, свист и вой,
Восстань, восстань из темного предела,

²²⁴ ...Чтобы Ореста... // Свершившего неслыханное дело... — Орест, согласно древнегреческой легенде, сын Агамемнона и Клитемнестры. Убил мать в отместку за то, что она вместе со своим возлюбленным Эгистом лишила жизни его отца, Агамемнона.

Восстань и отомсти, как древле мстить умела.

133

Когда б за грех моих отцов иль мой
Меня судьба всезрящая карала,
Когда б ответил оскорбленный мной
Ударом справедливого кинжала!
Но в прах безвинно кровь моя бежала, —
Возьми ее и мщеньем освяти!
Я сам бы мстил, но мщенье не пристало
Тому, кто хочет на другом пути...
Нет, нет, молчу, но ты — проснись и отомсти!

134

Не страх, не мука пресекла мой голос!..
Пред кем, когда испытывал я страх?
Кто видел, как душа моя боролась
И судорожно корчилась в тисках?
Но месть моя теперь в моих стихах.
Когда я буду тлеть, еще живые,
Они, звуча пророчески в веках,
Преодолев пространства и стихии,
Падут проклятием на головы людские.

135

Но как проклятье — Небо и Земля! —
Мое прощенье я швырну в лицо им.
Да разве я, пощады не моля,
С моей судьбой не бился смертным боем?
Я клеветы и сплетни стал героем,
Но я простил, хоть очернен, гоним,
Да, я простил, простясь навек с покоем.
Я от безумья спасся тем одним,
Что был вооружен моим презреньем к ним.

136

Я все узнал: предательство льстеца,
Вражду с приятною дружеской на лице,
Фигляра смех и козни подлеца,
Невежды свист бессмысленный и дикий,
И все, что Янус изобрел двуликий,
Чтоб видимостью правды ложь облечь,
Немую ложь обученной им клики:
Улыбки, вздохи, пожиманья плеч,

Без слов понятную всеядной сплетне речь.

137

Зато я жил, и жил я не напрасно!
Хоть, может быть, под бурею невзгод,
Борьбою сломлен, рано я угасну,
Но нечто есть во мне, что не умрет,
Чего ни смерть, ни времени полет,
Ни клевета врагов не уничтожит,
Что в эхе многократном оживет
И поздним сожалением, быть может,
Само бездушие холодное встревожит.

138

Да будет так! Явись же предо мной,
Могучий дух, блуждающий ночами
Средь мертвых стен, объятых тишиной,
Скользящий молча в опустелом храме,
Иль в цирке, под неверными лучами,
Где меж камней, перевитых плющом,
Вдруг целый мир встает перед очами
Так ярко, что в прозрении своем
Мы отшумевших бурь дыханье узнаем.

139

Здесь на потеху буйных толп когда-то,
По знаку повелителя царей,
Друг выходил на друга, брат на брата —
Стяжать венок иль смерть в крови своей,
Затем, что крови жаждал Колизей.
Ужели так? Увы, не все равно ли,
Где стать добычей тленья и червей,
Где гибнуть: в цирке иль на бранном поле,
И там и здесь — театр, где смерть в коронной роли.

140

Сраженный гладиатор предо мной.
Он оперся на локоть. Мутным оком
Глядит он вдаль, еще борясь с судьбой,
Сжимая меч в бессилии жестоком.
Слабея, каплет вязким черным соком,
Подобно первым каплям грозovým,
Из раны кровь. Уж он в краю далеком.
Уж он не раб. В тумане цирк пред ним,

Он слышит, как вопит и рукоплещет Рим, —

141

Не все ль равно! И смерть, и эти крики —
Все так ничтожно. Он в родном краю.
Вот отчий дом в объятых повилики,
Шумит Дунай. Он видит всю семью,
Играющих детей, жену свою.
А он, отец их, пал под свист презренья,
Приконченный в бессмысленном бою!
Уходит кровь, уходят в ночь виденья...
О, скоро ль он придет, ваш, готы, праздник мщенья!

142

Здесь, где прибой народов бушевал,
Где крови пар носился над толпою,
Где цирк ревел, как в океане шквал,
Рукоплеща минутному герою,
Где жизнь иль смерть хулой иль похвалою
Дарила чернь, — здесь ныне мертвый сон.
Лишь гулко над ареною пустою
Звучит мой голос, эхом отражен,
Да звук шагов моих в руинах будит стон.

143

В руинах — но каких! Из этих глыб
Воздвиглось не одно сооруженье.
Но издали сказать вы не могли б,
Особенно при лунном освещенье,
Где тут прошли Грабеж и Разрушенье.
Лишь днем, вблизи, становится ясней,
Расчистка то была иль расхищенье,
И чем испорчен больше Колизей:
Воздействием веков иль варварством людей.

144

Но в звездный час, когда ложатся тени,
Когда в пространстве темно-голубом
Плывет луна, на древние ступени
Бросая свет сквозь арку иль в пролом,
И ветер зыблет медленным крылом
Кудрявый плющ над сумрачной стеною,
Как лавр над лысым Цезаря челом,
Тогда встают мужи передо мною,

Чей гордый прах дерзнул я попирать пятою.

145

«Покуда Колизей неколебим,
Великий Рим стоит неколебимо,
Но рухни Колизей — и рухнет Рим,
И рухнет мир, когда не станет Рима».
Я повторяю слово пилигрима,
Что древле из Шотландии моей
Пришел сюда. Столетия мчатся мимо,
Но существуют Рим и Колизей
И Мир — притон воров, клоака жизни сей.

146

Храм всех богов — языческий, Христов,
Простой и мудрый, величаво-строгий,
Не раз я видел, как из тьмы веков,
Взыскупя света, ищет мир дороги,
Как все течет: народы, царства, боги.
А он стоит, для веры сохранен,
И дом искусств, и мир в его чертоге,
Не тронутым дыханием времен.
О, гордость зодчества и Рима — Пантеон.

147

Ты памятник искусства лучших дней,
Ограбленный и все же совершенный.
Кто древность любит и пришел за ней,
Того овеет стариной священной
Из каждой ниши. Кто идет, смиренный,
Молиться, для того здесь алтари.
Кто славы чтитель — прошлой, современной, —
Броди хоть от зари и до зари
И на бесчисленные статуи смотри.

148

Но что в темнице кажет бледный свет?
Не разглядеть! И все ж заглянем снова.
Вот видно что-то... Чей-то силуэт...
Что? Призраки? Иль бред ума больного?
Нет, ясно вижу старика седого
И юную красавицу... Она,
Как мать, пришла кормить отца родного.
Развились косы, грудь обнажена.

Кровь этой женщины нектаром быть должна.

149

То Юность кормит Старость молоком,
Отцу свой долг природный отдавая.
Он не умрет забытым стариком,
Пока, здоровье в плоть его вливая,
В дочерних жилах кровь течет живая —
Любви, Природы жизнетворный Нил,
Чей ток щедрей, чем та река святая.
Пей, пей, старик! Таких целебных сил
В небесном царствии твой дух бы не вкусил.

150

У сердца и от сердца тот родник,
Где сладость жизни пьет дитя с пеленок.
И кто счастливей матери в тот миг,
Когда сосет и тянет грудь ребенок,
Весь теплый, свежий, пахнувший спросонок.
(Все это не для нас, не для мужчин!)
И вот росток растет, и слаб и тонок,
А чем он станет — знает бог один.
Ведь что ни говори, но Каин — Евы сын.

151

И меркнет сказка Млечного Пути
Пред этой былью чистой, как светила,
Которых даже в небе не найти.
Природа верх могущества явила
В том, что сама закон свой преступила.
И, в сердце божье влиться вновь спеша,
Кипит струи живительная сила,
И ключ не смякнет, свежестью дыша, —
Так возвращается в надзвездный мир душа.

152

Вот башня Адриана,²²⁵ — обозрим!
Царей гробницы увидав на Ниле,
Он наградил чужим уродством Рим,
Решив себе на будущей могиле
Установить надгробье в том же стиле,

²²⁵ Башня Адриана — гробница римского императора Адриана (76-138 гг. н. э.).

И мастеров пригнал со всех сторон,
Чтоб монумент они соорудили.
О, мудрецы! — и замысел смешон,
И цель была низка, — и все ж колосс рожден.

153²²⁶

Но вот собор — что чудеса Египта,
Что храм Дианы,²²⁷ — здесь он был бы мал!
Алтарь Христа, под ним святого крипта.
Святилище Эфеса я видал —
Бурьяном зарастающий портал,
Где рыщут вокруг шакалы и гиены.
Софии храм передо мной блистал,
Чаруя все громадой драгоценной,
Которой завладел Ислама сын надменный.

154

Но где, меж тысяч храмов и церквей,
Тебя достойней божия обитель?
С тех пор как в дикой ярости своей
В святой Сион ворвался осквернитель
И не сразил врага небесный мститель,
Где был еще такой собор? — Нигде!
Недаром так дивится посетитель
И куполу в лазурной высоте,
И этой стройности, величию, красоте.

155

Войдем же внутрь — он здесь не подавляет,
И здесь огромно все, но в этот миг
Твой дух, безмерно ширясь, воспаряет,
Он рубежей бессмертия достиг
И вровень с окружающим велик.
Так он в свой час на божий лик воззрится,
И видевшего святости родник
Не покарает божия десница,
Как не карает тех, кто в этот храм стремится,

156

²²⁶ В строфах 153–157 Байрон говорит о соборе св. Петра в Риме.

²²⁷ Храм Дианы — один из прекраснейших памятников древнегреческой архитектуры в городе Эфесе в Малой Азии. По преданию, был сожжен Геростратом с целью прославиться.

И ты идешь, и все растет кругом.
Так — что ни шаг, то выше Альп вершины.
В чудовищном изяществе своем
Он высится столикий, но единый,
Как все убранство, статуи, картины,
Под грандиозным куполом, чей взлет
Не повторит строитель ни единый,
Затем, что в небесах его оплот,
А зодчеству других земля его дает.

157

Взор не охватит все, но по частям
Он целое охватывает вскоре.
Так тысячами бухт своим гостям
Себя сначала раскрывает море.
От части к части шел ты и в соборе,
И вдруг — о, чудо! — сердцем ты постиг
Язык пропорций в их согласном хоре —
Магической огромности язык,
В котором лишь сумбур ты видел в первый миг.

158

Вина твоя! Но смысл великих дел
Мы только шаг за шагом постигаем,
Кто словом слабым выразить умел
То сильное, чем дух обуреваем?
И, жалкие, бессильно мы взираем
На эту мощь взметенных к небу масс,
Покуда вширь и ввысь не простираем
И мысль и чувство, дремлющие в нас, —
И лишь тогда весь храм охватывает глаз.

159

Так не спеши — да приобщись к свету!
Сей храм, он мысли может больше дать,
Чем сто чудес пресыщенному свету,
Чем верующим — веры благодать,
Чем все, что в прошлом гений мог создать.
И то познаешь, то поймешь впервые,
Что ни придумать, ни предугадать,
Ты россыпи увидишь золотые,
Всего высокого источники святые.

160

И дальше — в Ватикан! Перед тобой
Лаокоон — вершина вдохновенья.
Неколебимость бога пред судьбой,
Любовь отца и смертного мученья —
Все здесь! А змеи — как стальные звенья
Тройной цепи, — не вырвется старик,
Хоть каждый мускул полон напряженья,
Дракон обвил, зажал его, приник,
И все страшнее боль, и все слабее крик.

161

Но вот он сам, поэтов покровитель,
Бог солнца, стреловержец Аполлон.
Он смотрит, лучезарный победитель,
Как издыхает раненый дракон.
Прекрасный лик победой озарен,
Откинут стан стремительным движеньем.
Бессмертный, принял смертный облик он,
Трепещут ноздри гневом и презреньем, —
Так смотрит только бог, когда пылает мщеньем.

162

О, совершенство форм! — То нимфы сон,
Любовный сон, — любовь такими снами
В безумие ввергает дев и жен.
Но в этих формах явлен небесами
Весь идеал прекрасного пред нами,
Сияющий нам только в редкий час,
Когда витает дух в надмирном храме,
И мыслей вихрь — как сонмы звезд вокруг нас,
И бога видим мы, и слышим божий глас.

163

И если впрямь похитил Прометей
Небесный пламень — в этом изваянье
Богам оплачен долг за всех людей.
Но в мраморе — не смертного дыханье,
Хоть этот мрамор — смертных рук созданье —
Поэзией сведен с Олимпа к нам,
Он целым, в первозданном обаянье,
Дошел до нас наперекор векам
И греет нас огнем, которым создан сам.

164

Но где мой путешественник? Где тот,
По чьим дорогам песнь моя блуждала?
Он что-то запропал и не идет.
Иль сгинул он и стих мой ждет финала?
Путь завершен, и путника не стало,
И дум его, а если все ж он был,
И это сердце билось и страдало, —
Так пусть исчезнет, будто и не жил,
Пускай уйдет в ничто, в забвенье, в мрак могил.

165

Где жизнь и плоть — все переходит в тени,
Все, что природа смертному дала,
Где нет ни чувств, ни мыслей, ни стремлений,
Где призрачны становятся тела,
На всем непроницаемая мгла,
И даже слава меркнет, отступая
Над краем тьмы, где тайна залегла,
Где луч ее темней, чем ночь иная,
И все же нас влечет, желанье пробуждая

166

Проникнуть в бездну, чтоб узнать, каким
Ты будешь среди тлена гробового,
Ничтожней став, чем когда был живым,
Мечтай о славе, для пустого слова
Сдувай пылинки с имени пустого, —
Авось в гробу ты сможешь им блеснуть.
И радуйся, что не придется снова
Пройти тяжелый этот, страшный путь, —
Что сам господь тебе не в силах жизнь вернуть,

167

Но чу! Из бездны точно гул идет,
Глухой и низкий, непостижно странный,
Как будто плачет гибнущий народ
От тягостной, неисцелимой раны,
Иль стонет в бездне духов рой туманный.
А мать-принцесса²²⁸ мертвенно-бледна.
В ее руках младенец бездыханный,
И, горя материнского полна,

²²⁸ *Мать-принцесса.* — Байрон говорит о смерти английской наследной принцессы Шарлотты, умершей в 1817 г.

Грудь к его губам не поднесет она.

168

Дочь королей, куда же ты спешила?
Надежда наций, что же ты ушла?
Иль не могла другую взять могила,
Иль менее любимой не нашла?
Лишь два часа ты матерью была,
Сама над мертвым сыном неживая.
И смерть твое страданье пресекла,
С тобой надежду, счастье убивая —
Все, чем империя гордилась островная.

169

Зачем крестьянок роды так легки,
А ты, кого мильоны обожали,
Кого любых властителей враги,
Не пряча слез, к могиле провожали,
Ты, утешенье Вольности в печали,
Едва надев из радуги венец,
Ты умерла. И плачет в тронном зале
Супруг твой, сына мертвого отец.
Какой печальный брак! Год счастья — и конец.

170

И стал наряд венчальный власяницей.
И пеплом — брачный плод. Она ушла.
Почти боготворимая столицей,
Та, кто стране наследника дала.
И нас укроет гробовая мгла,
Но верилось, что выйдет он на форум
Пред нашими детьми и, чуждый зла,
Укажет путь их благодарным взорам,
Как пастухам — звезда. Но был он метеором.

171

И горе нам, не ей! Ей сладок сон, —
Изменчивость толпы, ее влеченья,
Придворной лестии похоронный звон,
Звучащий над монархами с рожденья
До той поры, пока в восторге мщенья
Не кинется к оружию народ,
Пока не взвесит рок его мученья
И, тяжесть их признав, не возведет

Позорящих свой трон владык на эшафот.

172

Грозило ль это ей? О, никогда!
Сама вражда пред нею отступила.
Была добра, прекрасна, молода,
Супруга, мать — и все взяла могила!
Как много уз в тот день судьба разбила
От трона и до нищенских лачуг!
Как будто здесь землетрясение было,
И цепью электрическою вдруг
Отчаянье и скорбь связали все вокруг,

173

Но вот и Неми!²²⁹ Меж цветов и трав
Покоится овал его блестящий,
И ураган, дубы переломав,
Подняв валы в пучине моря спящей,
Ослабевает здесь, в холмистой чаще,
И даже рябь воды не замутит,
Как ненависть созревшая, хранящей
Спокойствие, бесчувственной на вид, —
Так кобра — вся в себе, — свернувшись в кольца, спит.

174

Вон там, в долине, плещется Альбано,²³⁰
Там Тибр блестит, как желтый самоцвет,
Вон Лациум²³¹ близ моря-океана,
Где «Меч и муж»²³² Вергилием воспет,
Чтоб славил Рим звезду тех грозных лет.
Там, справа, Туллий отдыхал от Рима,
А там, где горный высится хребет,
Та мыза, что Горацием любима,
Где бард растил цветы, а время мчалось мимо.

²²⁹ Неми — озеро к югу от Рима.

²³⁰ Альбано — озеро к югу от Рима.

²³¹ Лациум (точнее, Лаций) — в древности область центральной Италии, включавшая Рим и населенная латинами.

²³² «Меч и муж». — Поэма Вергилия «Энеида» начинается со слов «Arma virumque cano» («Оружье пою и мужей»).

175

Но к цели мой подходит пилигрим,
И время кончить строфы путевые.
Простимся же с приятелем моим!
Последний взгляд возлюбленной стихии,
На чьи валы туманно-голубые
Мы в этот час глядим с Альбанских гор.
О море Средиземное! Впервые
В проливе Кальп²³³ ты наш пленило взор,
И на Эвксинский Понт нас вывел твой простор.

176

У синих Симплегад,²³⁴ Прошло немного,
Зато каких тяжелых, долгих лет!
Какая нами пройдена дорога,
И скольких слез храним мы горький след!
Но без добра не даром худа нет.
Мы также не остались без награды:
По-прежнему мы любим солнца свет,
Лес, море, небо, горы, водопады,
Как будто нет людей, что все испортить рады.

177

О, если б кончить в пустыни свой путь
С одной — прекрасной сердцем и любимой, —
Замкнув навек от ненависти грудь,
Живя одной любовью неделимой.
О море, мой союзник нелюдимый,
Ужели это праздная мечта?
И нет подруги для души гонимой?
Нет, есть! И есть заветные места!
Но их найти — увы — задача не проста.

178

Есть наслажденье в бездорожных чашах,
Отрада есть на горной крутизне,
Мелодия в прибое волн кипящих

²³³ Пролив Кальп — Гибралтар. Эвксинский Понт — Черное море.

²³⁴ Симплегады — две скалы в Босфорском проливе. По преданию, когда между ними проходил корабль, могли сдвинуться и уничтожить его.

О. Афонина

И голоса в пустынной тишине.
Людей люблю, природа ближе мне.
И то, чем был, и то, к чему иду я,
Я забываю с ней наедине.
В себе одном весь мир огромный чую,
Ни выразить, ни скрыть то чувство не могу я.

179

Стремите, волны, свой могучий бег!
В простор лазурный тщетно шлет армады
Земли опустошитель, человек.
На суше он не ведает преграды,
Но встанут ваши темные громады,
И там, в пустыне, след его живой
Исчезнет с ним, когда, моля пощады,
Ко дну пойдет он каплей дождевой
Без слез напутственных, без урны гробовой.

180

Нет, не ему поработить, о море,
Простор твоих бушующих валов!
Твое презренье тот узнает вскоре,
Кто землю в цепи заковать готов.
Сорвав с груди, ты выше облаков
Швырнешь его, дрожащего от страха,
Молящего о пристани богов,
И, точно камень, пущенный с размаха,
О скалы раздробишь и кинешь горстью праха.

181

Чудовища, что крепости громят,
Ниспровергают стены вековые —
Левиафаны боевых армад,
Которыми хотят цари земные
Свой навязать закон твоей стихии, —
Что все они! Лишь буря заревет,
Растаяв, точно хлопья снеговые,
Они бесследно гибнут в бездне вод,
Как мощь Испании, как трафальгарский флот.

182

Ты Карфаген, Афины, Рим видало,
Цветущие свободой города.
Мир изменился — ты другим не стало.

Тиран поработил их, шли года,
Грозой промчалась варваров орда,
И сделались пустынями державы.
Твоя ж лазурь прозрачна, как всегда,
Лишь диких волн меняются забавы,
Но, точно в первый день, царишь ты в блеске славы.

183

Без меры, без начала, без конца,
Великолепно в гневе и в покое,
Ты в урагане — зеркало Творца,
В полярных льдах и в синем южном зное
Всегда неповторимое, живое,
Твоим созданьям имя — легион,
С тобой возникло бытие земное.
Лик Вечности, Невидимого трон,
Над всем ты царствуешь, само себе закон.

184

Тебя любил я, море! В час покоя
Уплыть в простор, где дышит грудь вольней,
Рассечь руками шумный вал прибоя —
Моей отрадой было с юных дней.
И страх веселый пел в душе моей,
Когда гроза внезапно налетела.
Твое дитя, я радовался ей,
И, как теперь, в дыханье буйном шквала
По гриве пенистой рука тебя трепала.

185

Мой кончен труд, дописан мой рассказ,
И гаснет, как звезда перед зарею,
Тот факел, о который я не раз
Лампаду поздней зажигал порою.
Что написал, то написал, — не скрою,
Хотел бы лучше, но уж я не тот,
Уж, верно, старость кружит надо мною,
Скудеет чувств и образов полет,
И скоро холодом зима мне в грудь дохнет.

186

Прости! Подходит срок неумолимо.
И здесь должны расстаться мы с тобой.
Прости, читатель, спутник пилигрима!

Когда его признаний смутный рой
В тебе хоть отзвук находил порой,
Когда хоть раз им чувства отвечали,
Я рад, что посох взял избранник мой.
Итак, прощай! Отдав ему печали, —
Их, может быть, и нет, — ищи зерно морали.

1809–1818

